

РУССКАЯ РЕЧЬ

ISSN 0131-6117

СЕНТЯБРЬ ОКТЯБРЬ

Академия наук СССР
Институт русского языка

Научно-популярный журнал
издается с января 1967 года.

Выходит 6 раз в год.

5 '91

МОСКВА "НАУКА"

В НОМЕРЕ:

3 ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В. Э. Вацууро. Из записок филолога. Бунина или Бакунина? ©

Н. И. Харджиев. Комментарий к поэме «Облако в штанах» ©

Э. Г. Бабаев. Надпись на книге, или Неизвестная эпиграмма Анны Ахматовой ©

А. Е. Аникин. «Незнакомка» А. Блока и «Баллада»

И. Анненского ©

Русский быт и словесность

Т. А. Иванова. Валет червонный и бубновый ©

27 НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Поэт *К. Р.*

К. Чуковский. Переписка с московскими лингвистами

54 КУЛЬТУРА РЕЧИ

Е. Н. Ширяев. Что такое культура речи ©

Из дискуссии 20-х годов о культуре речи. *С. И. Бернштейн; А. Курс; И. Фомин*

Беседы о языке рекламы

Н. Н. Козтев. Динамический синтаксис в рекламе ©

Л. А. Региня. «Спонсируя свою милицию», у меня слетела шляпа... ©

78 ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

В. К. Журавлев. Обыкновенный гений (К 100-летию со дня рождения Е. Д. Поливанова) ©

83 ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

О.Н. Трубачев. В поисках единства. «А кто там идет?» ©

Православные традиции: праздники, обычаи, обряды
Объяснение Символа веры, молитв и заповедей

109 РУССКИЕ ГОВОРЫ

А. С. Герд. Советы диалектолога ©

113 ОНОМАСТИКА

А. В. Суперанская. Влияет ли имя на судьбу человека? ©

119 НА КАРТЕ РОДИНЫ

А. И. Моисеев. Усть+Юг=Устюг ©

123 ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

С. Н. Азбелев. Грозный царь Иван Васильевич ©
Писатель и фольклор

В. П. Владимирцев. Ф. М. Достоевский и народная песня ©

135 ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

В. М. Мокиенко. Зачем стреляют в старых воров? ©

А. Н. Шустов. Госпиталь для гостей ©

А. А. Шунейко. Сорок бочек арестантов ©

150 ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Т. Л. Козловская. «Слова звенят звоночками, то ечками, то очками» ©

О. Б. Трубина. «Митьки» и «ништяки» ©

Письмо читателя

155 СРЕДИ КНИГ

Кирилл Горбачевич. Русский язык. Прошлое, Настоящее. Будущее

157 ХРОНИКА

Проблемы языковых контактов

Обложка выполнена Е. Чукановой

Из записок филолога

Булнина или Бакунина?

В. Э. Вацура,

кандидат филологических наук

В лицейском дневнике Пушкина за 1815 год под 28 ноября находится следующая запись:

«Ш — в и г-жа Б — на увенчали недавно кн. Шаховского лавровым венком, на этот случай сочинили очень остроумную пиэсу под названьем: *Венчание Шутовского (Гимн на голос: de Béchamel)*». (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.—Л., 1949. Т. 12. С. 295).

Эту остроумную «пиэсу», принадлежавшую Д. В. Дашкову, Пушкин далее выписал полностью, но мы цитировать здесь ее не будем, ибо наше внимание должны занять предпосланные ей строки.

События, о которых рассказывает Пушкин, хорошо известны, и мы лишь вкратце напомним их.

23 сентября 1815 года на петербургской сцене состоялась премьера комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды». Автор комедии, даровитый драматург и сатирический поэт, был в это время в центре борьбы, разрывавшей литературные круги Москвы и Петербурга; он был, вероятно, самым талантливым сатириком «Беседы любителей русского слова», объединившейся для охраны тех литературных и идейных устоев, на которые посягали молодые литераторы из окружения Н. М. Карамзина: В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, К. П. Батюшков, Д. В. Дашков, Д. П. Блудов, В. Л. Пушкин. С последним из них Шаховской постоянно обменивался сатирическими ударами, и борьба шла с переменным успехом; в новой же своей комедии он весьма чувствительно задел и Жуковского. Друзья Жуковского поспешили под-

нять перчатку: Блутов откликнулся памфлетом «Видение в какой-то ограде», Вяземский обрушил на голову супостата целый дождь эниграмм.

14 октября 1815 года на квартире С. С. Уварова друзья и литературные соратники устроили пародийно-торжественное заседание: отныне они объявляли себя особым обществом, приняв название «Арзамасское общество безвестных людей», и поклялись преследовать «Беседу» вплоть до полного ее уничтожения. Так начался знаменитый в русской литературе «Арзамас», под знаком которого развивался и юный Пушкин; запись в его дневнике — одно из первых свидетельств его живого интереса к только что образованному обществу, в члены которого через полтора года войдет и он сам.

«Арзамасцы» возмущались «Липецкими водами»; «беседисты» торжествовали. Комедия имела успех скандала. Вечером в день спектакля в частном литературном собрании на голову комедиографа был возложен лавровый венок.

Противники не упустили случая осыпать это венчание сарказмами. Вяземский сплел для триумфатора поэтический венок из эниграмм. В речах и сатирах варьировался символический образ макового венка», усыпляющего зрителей.

Тогда-то Дашков и написал кантату «Венчание Шутовского», которую вписал в свой юношеский дневник Пушкин. Он не знал еще, кто автор этой пародийной кантаты, как не знал и самого Дашкова. Однако обстоятельства и даже детали столкновения были ему хорошо известны. «Ш-в», например, — это глава «Беседы» адмирал Александр Семенович Шишков, еще в 1803 году выступивший против «карамзинистов» с трактатом «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка». Он в самом деле принимал участие в торжественном вечере в честь Шаховского.

В современных изданиях дневника Пушкина сокращение «Ш-в» расшифровывается как «Ш(ишко)в», — и с полным основанием.

Что же касается «г-жи Б-ной» — другого главного участника праздника — то в ней усматривают Анну Петровну Бунину, поэтессу, чье творчество высоко ценилось в «Беседе», — да и за ее пределами. В Буниной видели прямую ученицу Шишкова, который весьма одобрял ее лирический талант, и сама Бунина не упускала случая выразить публично благодарность своему литературному покровителю.

Юный Пушкин ассоциировал имена Шишкова и Буниной. Они появились вместе в его сатирической лицейской поэме «Тень Фон-Визина» (1815) — Шишков и его «невицкая другиня (...) Вра-

лих Петрополя богиня» (Пушкин А. С. Указ. собр. соч. Т. 1. С. 161). Через семь лет, в «Послании цензору», Пушкин поставит ее «глухие стихи» в один ряд со стихами Хвостова.

Имя Буниной — первое, что пришло на ум ранним интерпретаторам пушкинского дневника, и в правильности такой расшифровки не усомнился ни один издатель и редактор сочинений Пушкина. В академическом собрании сочинений пропущенные части фамилий заключены, как это принято, в ломаные скобки: «Ш(ишко)в» и «Б(уни)на»; в популярных же изданиях дневника пропуск букв даже не обозначается: «Шишков и г-жа Бунина увенчали недавно князя Шаховского лавровым венком (...)»

Между тем это чтение неверно. Хотя бы уже потому неверно, что к моменту венчания Шаховского Буниной в Петербурге не было. Неизлечимо больная раком груди, поэтесса еще 29 июля 1815 года отплыла на корабле в Англию в надежде исцеления. Отъезд Буниной стал своего рода литературным событием; в журналах печатались приветственные стихи, ей адресованные, а в «Российском музее», который внимательно читал лицеист Пушкин и где он помещал свои стихи, появилась статья кн. П. И. Шаликова «Об отъезде в Англию девицы Буниной и о сочинениях сей стихотворицы» (1815. № 9). Пушкин не мог этого не знать. До него доходили слухи и об «арзамасских» заседаниях с пародийными речами, — и он, может быть, знал и о заседании 25 ноября, где были произнесены две речи о Буниной — Уварова и Жуковского.

Пушкин не мог даже по ошибке назвать Бунину в числе участников праздника 23 сентября. Он имел в виду другое лицо. Сведения же о том, кто им был, мы можем почерпнуть из мемуаров Ф. Ф. Вигеля, весьма осведомленного в закулисной литературной жизни 1810-х годов.

Вигель рассказывал о вечере в доме петербургского гражданского губернатора М. М. Бакунина, «коего супруга, сестра Павла Ивановича Кутузова, надела венки на счастливого автора» (Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892. Ч. 3. С. 172). Эти сведения были совершенно точны.

Варвара Ивановна Бакунина, урожденная Голенищева-Кутузова, сама писательница, была в ближайшем родстве с одним из злейших врагов Карамзина и карамзинистов. Еще в девяностые годы XVIII века Павел Иванович Голенищев-Кутузов писал на Карамзина памфлеты, осуждающие «слезливость» и якобинский яд, а затем памфлеты сменились прямыми доносами. Молодые карамзинисты испытывали к нему неприязнь, граничившую с ненавистью.

Супруга губернатора не могла не радоваться временному торжеству партии брата. К тому же она была давним и преданным другом самого автора «Липецких вод» — Шаховского. Через много лет стареющий драматург напишет свои воспоминания в форме писем к ее дочери, которой завещает и все свои литературные труды и архив (см.: Осьмакова Н. И. Бакунина П. М. // Русские писатели. 1800—1917. М., 1989. Т. 1. С. 144). Именно здесь, в семействе Бакуниных, могла возникнуть мысль наградить лавровым венком друга семьи в момент победы над литературными супостатами.

Эта-то история, широко известная в столице, и получила отражение в пушкинском лицейском дневнике, в записи от 28 ноября 1815 года, которую следует читать так: «Ш<ишко>в и г-жа Б<акуни>на увенчали недавно кн.<язя> Шаховского лавровым венком (...).»

Стоит заметить, что исследователи, занимавшиеся историей «Арзамаса», вплотную подходили к такому чтению. Так, Ц. С. Вольпе, редактор превосходного двухтомного собрания стихотворений Жуковского в довоенной «Библиотеке поэта», рассказывая об этом эпизоде, приводил свидетельство Вигеля (Жуковский В. А. Стихотворения. Л., 1939. Т. 1. С. XXIII). В примечании он цитировал пушкинскую записку. Существуют экземпляры книги, в которых набрано: «Шिशков и г-жа Бакунина...»

В большинстве же экземпляров этого издания стоит «Бунина», и при внимательном разглядывании видно, что это типографское исправление в уже сверстанной строке. Исследователь не решился изменить текст, который считал пушкинским, хотя бы и содержащим ошибку.

Он был бы совершенно прав, если бы дело обстояло именно так. Но это была ошибка не Пушкина, а его издателей, и мы обязаны ее устранить.

Ленинград

Комментарий к поэме «Облако в штанах»

Н. И. Харджиев

В 1911 году двадцатилетний поэт М. Ковалев (вскоре выступивший под псевдонимом «Рюрик Ивнев») вручил А. Блоку свои стихотворения – «для отзыва». Блок написал Ковалеву, что тот не обладает «никакой ценностью», которая могла бы указать путь его «исканиям». Блоковский прогноз оказался безошибочным.

Произведения Рюрика Ивнева лишены подлинного поэтического своеобразия. Несмотря на это, Рюрику Ивневу всегда удавалось примыкать к различным новаторским группировкам: к эго-футуристам, к кубо-футуристам, к «центрифугистам» и, наконец, к имажинистам.

Отношение В. Маяковского к поэтической практике, а также к личности Рюрика Ивнева определилось еще в 1913 году. Воспоминания об этом периоде, соратник Маяковского, секретарь группы «Гилея» А. Безваль писал: «Помню, как (...) Владимир Владимирович говорил о поэте Рюрике Ивневе: „Он позвоночником думает – разве вы не слышите, как у него позвоночник трещит“» (Отдел рукописей Музея В. В. Маяковского).

В своих воспоминаниях, напечатанных при жизни Маяковского, поэт Владимир Пяст зафиксировал его экспромт, произнесенный зимой 1913 года в артистическом подвале «Бродячая собака», где «Рюрик Ивнев любил декламировать стихи про какого-то Пьеро, смывающего грим, и еще чаще про какую-то свою поездку в северный край» (Пяст В. Встречи. М., 1929. С. 264). Две строфы из стихотворения Р. Ивнева, цитируемого В. Пястом «по памяти», привожу по автографу, опубликованному в сборнике «Пятые Тышинские чтения» (Рига, 1990. С. 150):

Каждый год проезжаю мимо
Деревень и полей России.
На лице остатки от грима
И манжеты у меня кружевные.

На станциях выхожу из вагона
И лорнирую неизвестную местность.
И со мной всегдашняя бонна,
Будущая известность

В этом «автопортретном» стихотворении столкновение противоречивых, несогласованных образов приводит, вопреки авторскому заданию, к комическому эффекту. Стихотворение Р. Ивнева может быть воспринято как автопародия.

По свидетельству В. Пяста, «(...) после того, как в девятый или десятый раз продекламировал Рюрик Ивнев про свою „грядущую бонну“, — внезапно на его место встал (...) Маяковский, — и стараясь подражать (...) задушевному тенорку (...), произнес:

А с лица и остатки грима
Быстро смоят потоки ливней,
А известность промчится мимо, —
Оттого, что я — только Ивнев...» (Пяст В. Встречи С. 264).

Это было единственное сатирическое выступление Маяковского в «Бродячей собаке».

Известны и отрицательные оценки стихов Рюрика Ивнева, принадлежащие литературным соратникам Маяковского. Такова, например, двухстрочная, построенная на составной каламбурной рифме, эпиграмма Н. Асеева. Эпиграмма была напечатана в 1918 году Василиском Гнедовым в листовке «Временник 4-й» (участники В. Хлебников, В. Гнедов, Г. Петников, Д. Петровский):

Не столько воды в Неве,
Сколько в Рюрике Ивневе.

10 июня 1929 года на «Втором съезде вопиствующих безбожников» Маяковский прочел строфу из «молитвенного» стихотворения Ивнева и, не называя автора, отнес его к числу «мелких лирических подпевал».

До настоящего времени оставался нераскрытым чрезвычайно резкий выпад Маяковского в третьей главе поэмы «Облако в штанах»:

А из сигарного дыма
ликерною рюмкой
вытягивалось пропитое лицо Северянина.

Как вы смеее называться поэтом
и, серенький, чирикать, как перепел!

Обычно все эти строки считают обращенными к Игорю Северянину, не принимая во внимание графическое членение текста.

После шаржированного образа Северянина следует пауза, подчеркнутая пробелом, отделяющим три строки от двух последующих. В них интонация резко изменяется: это ораторская указательная конструкция, подсказывающая конкретный жест. Но могли Маяковский назвать Игоря Северянина «сереньким поэтом»? Известно, что юный Маяковский высоко ценил лирику Северянина и читал наизусть его стихи.

Адресат раскрыт О. Мандельштамом. В одной из бесед с пишущим эти строки он сказал «по секрету»: «Серенький поэт в поэме Маяковского — Рюрик Ивнев». По мнению Мандельштама, Маяковский в одной строке с необычайной меткостью охарактеризовал и общий эмоциональный тон произведений Р. Ивнева, и его внешний облик.

*Надпись на книге,
или Неизвестная эпиграмма
Анны Ахматовой*

Э. Г. Бабаев,

доктор филологических наук

В начале 60-х годов в печати появились «античные стихи» Анны Ахматовой: «Смерть Софокла» и «Александр у Фив».

Анна Андреевна очень дорожила этими стихами. Однажды она позвонила по телефону и спросила, какое из них мне нравится больше.

И вдруг я сказал, что из ее «античных» стихов больше всего мне нравится то, где сказано: «На рукомоиннике моем позеленела медь (...)»

Воцарилась тишина. Только в телефонной трубке потрескивали электрические разряды. Я ждал, что сейчас меня сразит молния. Но услышал, как Анна Андреевна, невидимая за расстоянием, разделяющим нас, тихо смеется.

Потом она сказала:

— Благодарю вас!

Среди книг, которые я видел на столе Анны Ахматовой в бытность ее в Ташкенте во время войны, был томик эпиграмм римского поэта Марциала.

Сколько я мог заметить, Анна Андреевна ценила в античных стихах «акмеистические подробности» (вроде «позеленевшего рукомоинника»): «Дома покинутый плуг покрывается ржавчиной темной» у Катуллы или «Там Тайгета найдешь зеленый мрамор» у Марциала.

Анна Ахматова всегда была врагом многописания. И в то время, когда после выхода сборника «Из шести книг» она готовила к печати «Седьмую книгу», ее собеседником стал Марциал. В одной из своих эпиграмм он касается именно этого, столь важного для Ахматовой вопроса:

Книжечек довольно пяти; шесть книжечек и семь — уже слишком
 Что же ты, муза, игру все продолжаешь свою?
 Нет! Устыдимся! Конец! Ничего уже больше прибавить
 Слава не может: в ходу книжечки наши везде!

(Марциал Марк Валерий. Избранные эпиграммы. М., 1937. С. 95; далее, кроме случаев, оговоренных особо, цитируется это издание).

Стихи эти так медлительно величавы и к тому же еще и насмешливы, что кажется, будто они прочитаны голосом Анны Ахматовой, сливаясь с ее повседневной речью. Кстати сказать, название «Седьмая книга», возникшее еще в Ташкенте, сохранилось и в ее последнем прижизненном сборнике «Бег времени».

В суровых и саркастичных притчах Марциала, навеянных временем римского императора Домициана, иногда звучала дикая тоска. И тогда в его стихи прорывалась сильная лирическая нота. Отправляя свою рукопись друзьям в Рим из Испании, куда Марциал принужден был удалиться в конце жизни, он напутствовал ее, как свою вестницу: «В Рим ты пойдешь без меня! Что же, должен ли многим вручить я, /Милая, книжка, тебя или отдать одному?/ Да, одному,— мне поверь,— для него ты не явишься чуждой (...)».

В этих стихах слишком многое было близким Анне Ахматовой, когда она «снаряжала» из Ташкента в Москву свою «Поэму без героя».

Многих уже не было в живых, когда Анна Ахматова вспоминала имена и адреса своих друзей. В ноябре 1943 года в Ташкенте она написала стихотворение, которое входит «в зону» ее «Реквиема»:

Когда я называю по привычке
 Моих друзей заветных имена,
 Всегда на этой странной переключке
 Мне отвечает только тишина.

Ее поколение прошло через две мировые войны. А была еще гражданская война и годы террора. Жизнь стала такой же ненадежной, какой она была во времена Марциала. Эпиграмма, верная своему предназначению, не могла не заговорить голосом своей эпохи: «Верь мне, мой Флакк, непонятны совсем для того

эпиграммы, /Кто полагает, что в них только смешки да игра./
 Больше игры у того, кто пишет про завтрак Терся/Грозного или
 про твой ужии, ужасный Фист (...)

Один за другим уходили люди с «заветными» именами: П. Гумилев, В. Маяковский, С. Есенин. В 1932 году Ахматова сделала надпись на узком конверте без адреса:

Оттого, что мы все пойдём
 По Таганцевке, по Есенинке,
 Иль большим Маяковским путем.

(А. А. Ахматова в письмах к Н. И. Харджиеву // Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 218).

Это был синодик 20-х годов. А сама «терцина» Ахматовой — не что иное, как «эпиграмма», потому что в своем настоящем значении эпиграмма есть «надпись» на ларце ли, на конверте ли, или на книге...

В 30-е годы к тому синодику, который был записан на конверте, прибавились новые имена: Н. Клюев, В. Нарбут, О. Мандельштам. И прежние встречи с ними стали восприниматься как редкие «свидания в зоне» во время «переклички». И на книге горчайших эпиграмм Марциала появилась надпись Анны Ахматовой с датой и подписью:

А мы?
 Не также ль мы
 Сошлись на краткий
 Миг для переклички.

Анна Ахматова

21 июня 1943 года.

Для такой темы, как «Анна Ахматова и ее эпоха», которая еще ждет своего исследователя, надпись на книге Марциала, сделанная в самый разгар войны, имеет неопределимое значение.

Книга с надписью Анны Ахматовой сохранилась. «Избранные эпиграммы» Марциала украшают ныне библиотеку московского собирателя автографов Анатолия Федоровича Маркова, автора недавно изданной книги «библиографических заметок» «Храните у себя эту книжку...» (М., 1989). Здесь мне хотелось бы высказать глубокое уважение к его труду, сберегающему от забвения многие заветные строки и имена. Как сберегает он теперь эпиграмму Ахматовой.

Подлинность автографа удостоверена Э. Г. Герштейн, которая является признанным знатоком рукописного наследия Анны Ах-

матовой. Копия с подлинника была передана ею мне для публикации и этого, отчасти мемуарного комментария.

В эвакуации у Анны Андреевны почти не было книг, кроме Пушкина. Все остальное ей приносили друзья по ее просьбе или по своему разумению. Что касается эпиграмм Марциала, то эту книгу скорее всего, даже наверняка, мне кажется, привес ей профессор Николай Димитриевич Леонов.

Он был биолог по специальности, но, человек широкого образования, друг и собеседник знаменитого филолога Е. Д. Поливанова, читал лекции на двух факультетах — биологическом и филологическом.

Я изредка встречал Николая Димитриевича у Анны Андреевны. В начале 30-х годов Леонов познакомился в Воронеже с Мандельштамом. Анна Андреевна относилась к нему с полным доверием. Именно от Леонова я впервые услышал стихи Мандельштама о Сталине, написанные в духе Марциала: «Мы живем, под собою не чуя страны...»

Титульный лист «Избранных эпиграмм» Марциала в издании 1937 года оборван. Но на книге сохранилась печать Воронежских областных партийных курсов, что также является подтверждением того, что экземпляр принадлежал Леонову. Н. Я. Мандельштам, вспоминая встречи с Леоновым в Ташкенте и в Воронеже, называет его «русским дервишем» (Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Книга первая. Париж, 1982. С. 235). Действительно, по образу жизни он был похож на интеллигентного «дервиша».

Леонов был большим любителем Марциала. Однажды он показывал мне полный свод эпиграмм римского поэта на латинском языке с параллельным переводом А. А. Фета, изданный в конце прошлого столетия.

Среди переводчиков бытует пренебрежительное отношение к этой работе Фета. В примечаниях «от редактора» в издании «Избранных эпиграмм» 1937 года на стр. 16 говорится, что переводы Марциала — это самый неудачный из переводов Фета «из-за крайне тяжелого языка и ненужного стремления к дословной точности».

Но Леонов находил особые достоинства в переводах Фета. Во-первых, по этим переводам, сличая их с подлинником, можно изучать латинский язык. А, во-вторых, в них есть та «дерзость», которую может себе позволить в переводах только большой поэт и которой никогда не позволит себе просто добросовестный переводчик.

В последний раз я видел Николая Дмитриевича Леонова в марте 1953 года, когда в Москве хоронили Сталина, а здесь в Ташкенте совершался обряд в духе древнеримского поклонения изваянием Цезаря — шествия и возложение венков к подножию памятника вождю.

В распахнутом профессорском пальтишке Леонов сидел на скамейке в Сквере Революции, примыкающем к университету. Лысенковские чистки в области биологической науки после 1948 года не обошли его стороной. Леонов был отставлен от университета (хотя бывал еще на кафедре) и переведен на штатную должность в Ботанический сад. «Ничего лучшего в настоящее время нельзя было придумать», — говорил Николай Дмитриевич, свертывая табачок дрожащими руками.

В самом центре Сквера Революции возвышалась статуя Сталина. Мимо нее уже тянулось медленное шествие с цветами, сопровождаемое траурной музыкой из репродукторов. Местный художник, один из самых молодых и талантливых, допущенный к изображению исторической минуты, спешил перенести на холст ташкентскую лазурь в облачном небе.

А неподалеку от художника, установившего свой треножник на выходе к памятнику, в глубине тополиной аллеи, сгорбившись, похожий на подростка, профессор Леонов раскуривал свой табачок, завернутый в обрывок газеты, и вспоминал эпиграмму Марциала о Слоне, который поклонялся Цезарю:

Что любовно с мольбой тебе слон поклоняется, Цезарь,
Хоть вот только что был он так страшен быку,
Это делает он не с приказу иль кем наученный,
Верь мне, чувствует тожь нашего бога и он.

Эпиграмма о Слоне входит в книгу «Зрелища», которой открывается собрание эпиграмм в переводах Фета (Марциал М. В. Эпиграммы в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1891. Ч. 1. С. 13). Поэт никак не мог обойтись без этого словечка «тожь», в нем есть и русская характерность, и «аттическая соль».

Кажется, что и эта последняя встреча с профессором Леоновым в сырое мартовское утро 1953 года тоже имеет отношение к надписи Анны Ахматовой на книге эпиграмм Марциала, «перекликается» с ней и с ее эпохой.

«НЕЗНАКОМКА» А. БЛОКА
И
«БАЛЛАДА» И. АННЕНСКОГО

А. Е. Аникин,

кандидат филологических наук

О своих впечатлениях от книги стихов Иннокентия Анненского «Кипарисовый ларец» Александр Блок писал в апреле 1910 года сыну поэта В. И. Анненскому-Кривичу: «(...) она проникает глубоко в сердце. Невероятная близость переживаний, объясняющая мне многое о самом себе» (Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.—Л., 1963. Т. 8. С. 309). Анненский был знаком с поэзией Блока и встречался с ним (Федоров А. В. Иннокентий Анненский. Личность и творчество. Л., 1984. С. 51). Но он не успел в полной мере оценить внутреннюю близость творчества Блока и своего — создатель «Кипарисового ларца» скоропостижно скончался 30 ноября 1909 года.

В написанной летом того же года и вскоре опубликованной в журнале «Аполлон» первой части статьи Анненского «О современном лиризме» Блок занимает почетное место. Критик видел в молодом поэте «настоящего, природного символиста», а его творчество определял как «красу подрастающей поэзии», «ее очарование» (Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 361; далее — КЮ и стр.). Поэтический голос Блока в описании Анненского представлял «кокетливо, намеренно бесстрастным, белым», хотя и та-

ившим «самые нежные и самые чуткие модуляции» (Там же). А в небольшой стихотворной зарисовке «К портрету А. А. Блока» говорилось об ослепительной, но холодной красоте стихов молодого поэта, которые

⟨...⟩ горят — на солнце георгина,
Горят,— по холодом невыстраданных слез.

Высокий отзыв о блоковской поэзии сочетался с указанием на некую ее «невыстраданность», которая не могла быть близка Анненскому. Страдание было для него одной из высших ценностей жизни и искусства (Иванов Вяч. О поэзии И. Ф. Анненского // Аполлон. 1910. № 4).

Обращаясь в статье «О современном лиризме» к блоковскому стихотворению «Незнакомка», критик не обошел вниманием ее локальные приметы, чутко ощутив «неповторимо петербургскую атмосферу, которою овеяна бессмертная баллада» (Орлов Вл. Поэт и город. Л., 1980. С. 123). Анненский писал: «⟨...⟩ если вы сколько-нибудь петербуржец, у вас не может не занять всякий раз сладко сердце, когда Прекрасная Дама рассеет и ответит от вас, наконец, весь этот ⟨...⟩ тлетворный дух ⟨...⟩ На минуту, но *город* — хуже, *дача* — становится для всех единственно ценным и прекрасным, из-за чего стоит жить» (КЮ, с. 362; здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, курсив наш — А. А.). Незнакомка предстала Блоку в окрестностях Петербурга, в Озерках — затрапезном дачном поселке, где многое напоминало Ф. М. Достоевского (ср. в его романе «Подросток» рассказы Версилова о посещавшихся им «от ужасной душевной скуки» «клоаках» — Орлов Вл. Указ. соч. С. 119–120). В лирической драме Блока «Незнакомка», развивающей тему стихотворения с таким же названием, героиня является поэту (точнее, падает с неба в виде звезды) на окраине столицы, — на Петербургской стороне, неподалеку от тех мест, где перед смертью бродил другой персонаж Достоевского — Свидригайлов.

Иллюстрируя в статье «Господин Прохарчин» умение Достоевского дать почувствовать, «что такое настроение» (в контексте размышлений о «непосильной для наивной души борьбе со страхом жизни»), Анненский вспомнил эпизод из «Преступления и наказания»: «⟨...⟩ *раннее утро*, когда Свидригайлов ощупывал в кармане револьвер, а на него глядели закрытыми ставнями *желтые домишки Петербургской стороны*, еще *скользкие от ночного тумана*» (КЮ, с. 28). Реминисценция того же эпизода обнаруживается и в другой статье Анненского о Достоевском: «⟨...⟩ *слепые желтые домишки Петербургской стороны в мокрое осеннее утро...*» (КЮ, с. 240). Приведем соответствующую цитату из «Преступления и наказания»: «*Молочный, густой туман* лежал над городом.

Свидригайлов пошел по скользкой, грязной деревянной мостовой (...) Уныло и грязно смотрели ярко-желтые деревянные домики с закрытыми ставнями» (Ч. 6, гл. VI).

В «анненской» трактовке творчества Достоевского исходной была идея о свойственном этому художнику стремлении показать безмерность человеческого страдания, обнаруживающего «нам всю силу и все величие нашей души», «совесть, не как подсчет, а как исканье бога» (КЮ, с. 28). Ср. письмо Анненского к Т. А. Богданович от 6 февраля 1909 года: «Срывать аплодисменты на боге... на совести. Искать бога по пятницам... Какой цинизм!»; направляя эти резкие слова против обсуждавших Достоевского посетителей «Литературного общества» — и в их числе Блока, Анненский не мог знать, что тот крайне отрицательно относился к затее «соборно сплетничать о боге» (КЮ, с. 485, 661). Сюда примыкает мысль о «второстепенности вопроса о смерти», с которой связан «страх жизни» в «Господине Прохарчине». По Анненскому, Достоевский рисует смерть как «(...) нечто подчиненное, необходимое уже не само по себе, а в качестве перехода к другой форме бытия — и даже не в смысле богословском, не где-то там, а здесь же, среди оставленных или даже в самом умирающем» (КЮ, с. 30).

Свойственное Анненскому понимание темы смерти у Достоевского отразилось в его стихах, например, в «Трилистнике траурном» «Кипарисового ларца». В первом, уже посмертном издании книги, в этот «Трилистник» входили сонеты «Перед панихидой» и «Светлый нимб», а также стихотворение «Баллада». Мысль о смерти как «другой форме бытия» — «среди оставленных» — отчетливо звучит в строках сонета «Перед панихидой»:

Гляжу и мыслю: *мир ему,*
Но нам-то, нам-то всем,
Иль люк в ту смрадную тюрьму
Захлопнулся совсем?

«Баллада», датированная 31 мая 1909 года и посвященная поэту Н. С. Гумилеву, рядом важных особенностей очень напоминает анализ «Незнакомки» в статье «О современном лиризме», но и саму «Незнакомку» (не только стихотворение, но и драму). Особенно показателен местный колорит «Баллады», который первоначально был отражен в самом названии стихотворения (Федоров А. В. Примечания // Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л., 1959. С. 597), позднее измененном: «Ballade. Дачная баллада» (разрядка наша. — А. А.). У Анненского описывается похоронная процессия, которая «трогается от порога какой-то загородной дачи» (Федоров А. В. Иннокентий Анненский. Личность и твор-

чество. С. 104). Несколько характерных «достоевских» деталей, возвращающих к эпизоду «Преступления и наказания», предшествующему самоубийству Свидригайлова, воссоздают «ужас того, кто остался жить» (КО, с. 30):

*День был ранний и молочно-парный,
Скоро в путь, поклажу прикрутили...
На шоссе перед запряжкой парной
Фонари, мигая, закоптили.*

*Позади лишь вымершая дача...
Желтая и скользкая... С балкона
Холст повис, ненужный там... но спешно,
Оборвав, сломали георгины.*

Случай, когда смерть у Достоевского выступает как «дьявольская насмешка над сердцем, которое ждет чуда» (КО, с. 30; см. здесь же о смерти старца Зосимы в «Братьях Карамазовых»), Анненский связывал со свойственным этому писателю умением «(...) свести смелый романтический полет к безнадежно-осязательной реальности» (КО, с. 28). Такова «бездна вечности», которую Достоевский устами Свидригайлова сводит к «деревенской бане с пауками по углам» (образ, используемый в трагедии Анненского «Лаодамия», в описании царства мертвых — «серого дома», вечной обители сравниваемых с пауками теней). Аналогичный смысловой «ход» (смерть вместо ожидаемого чуда) с большой вероятностью может быть усмотрен в предпоследней строфе «Баллады». В появляющейся здесь, проклинаемой поэтом «Даме» допустимо видеть персонифицированную Смерть, понимая ее, однако, не как абсолюта, но как часть жизни или «ужаса жизни». Вместе с тем, Дама, на наш взгляд, — «подмена» воплощенного петербургского чуда — блоковской Незнакомки, «Прекрасной Дамы» (КО, с. 362). Ее черты проступают в «Даме» достаточно отчетливо, что видно прежде всего по звуковой фактуре образа, отмеченной Анненским для стихотворения Блока: «Грудь расширяется, хочется дышать свободно, говорить А: (...) пройдя меж пьяными, /Всегда без спутников, одна, /Дыша духами и туманами...» (Там же). Но, в отличие от блоковской героини, Дама Анненского не рассеивает, а источает «тлетворный дух»:

*...Будь ты проклята, левкоем и фенолом
Равнодушно дышащая Дама!
Захочу — так сам тобой я буду...
— «Захоти, попробуй!» — шепчет Дама.*

(Ср. вариант: «О проклятая, суконная, фенолом/И карболкой надушившаяся Дама!»).

Звучащая в стихотворении Анненского полифония «чужих голосов», возможно, скрывает и голос К. К. Случевского — поэта, которого часто с ним сравнивают. Описанная в «Балладе» процессия вполне укладывается в «новейший чин» похороп, о котором говорится в стихотворении Случевского «Забыт обычай похоронный!..» И здесь даст о себе знать трагический подтекст Достоевского: строки «Коптят дешевым керосином/Глухие стекла фонарей» (ср. копящие фонари в «Балладе») возвращают к фантазмагорической картине мелькающих в снежной мгле фонарей — похоронных факелов в «Записках из подполья» (Топорков А. Л. Из мифологии русского символизма. Городское освещение // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1985. Вып. 657. С. 108).

В свою очередь «Баллада», а также соотнесенные с ней мысли в критических этюдах Анненского стали вдохновляющими источниками для других поэтов. Так, стих «День был ранний и молочпо-парный» стал эпиграфом к проникнутому щемящей болью и мрачными предчувствиями стихотворению Г. Адамовича «Так тихо поезд подошел...», представляющему собой, по существу, вариации на темы Анненского (Адамович Г. Облака. Стихи. Пг., 1916. С. 7–8). У Адамовича звучит, между прочим, и мотив «поломанных георгинов», который в «Балладе» (ср.: «Оборвав, сломали георгины»), возможно, связан со стихотворением «К портрету А. А. Блока».

«Баллада» и следовавшая за ней — на манер французской поэзии — «Посылка» могли послужить образцом для Н. С. Гумилева, посвятившего А. А. Ахматовой в 1910 году свою «Балладу» с венчающей ее «Посылкой» (Анна Ахматова. Н. Гумилев. Стихи и письма. Публ., сост. и прим. Э. Герштейн // В мире отечественной классики. Сб. статей. М., 1987. Вып. 2. С. 431).

Слова Дамы «Захоти, попробуй!», по-видимому, откликнулись в позднем, 1964 года, стихотворении Ахматовой, посвященном памяти ее подруги В. С. Срезневской:

Но звонкий голос твой зовет меня оттуда
И просит не грустить и смерти ждать, как чуда.
Ну что ж! *попробую.*

По более существен здесь другой, хотя и близкий мотив — «смерти ждать, как чуда», отталкивающийся от «анненской» концепции смерти у Достоевского. Отсюда протягиваются нити к ряду стихотворений Ахматовой, продолживших преломленную Анненским и Блоком «достоевскую» тему мечты и жизни, смерти и чуда, связанную у Ахматовой, как правило, с представлением о чудотворном воздействии искусства, музыки. Особенно отчетли-

во оно проявилось в стихотворении «Слушая пение» (1961), финал которого, по существу, выражает идею снятия ужаса ожидаемой, неизбежной смерти чудом музыки:

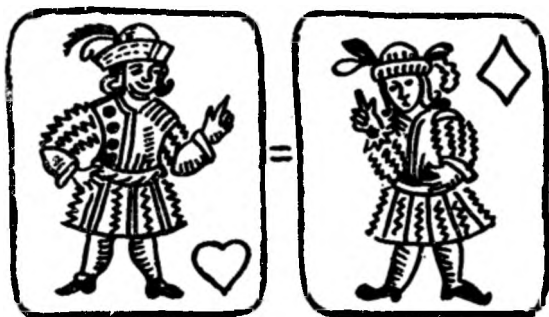
И такая могучая сила
Зачарованный голос влечет,
Будто там впереди не могила,
А таинственный лестницы взлет.

Явственно звучащие в «Слушая пение» блоковские интонации, происходящие, в частности, из драмы «Незнакомка», развивали и в известном смысле реабилитировали образ, сниженный в «Балладе» Анненского.

Новосибирск

Русский быт и словесность

ВАЛЕТ ЧЕРВОНЫЙ И БУБНОВЫЙ

Т. А. Иванова,

кандидат филологических наук

О валеге в семнадцатитомном академическом «Словаре современного русского языка» сказано следующее: «1. В игральных картах — одна из фигурных карт, изображающая оруженосца (старое и обл. название: хлап). (...) В выражении Червонный в а л ё т — плут, пройдоха».

Приведенное в Словаре значение устойчивого словосочетания иллюстрируется цитатой из очерка М. Е. Салтыкова-Щедрина «Дети Москвы», в котором показано происшедшее в пореформенной России превращение части дворянской молодежи из «питомцев славы» в «червоных валетов», аферистов и мошенников.

Более полный текст из щедринского очерка «Дети Москвы» и другие помещенные следом выдержки из произведений русских писателей укрепляют во мнении, что во второй половине XIX века «червоные валеты» прочно обосновались в языке художественной литературы. Однако вернемся к Салтыкову-Щедрину: «(...) червоный валет уж смотрит на своего собеседника (иностранца, пожелавшего поместить свой капитал в России — Т. И.), как на «фофана». И вдруг — мысль! продать этому «фофану» казенные присутственные места. Сказано — сделано. Весь клуб червоных валетов (курсив здесь и далее наш — Т. И.) в движении: один бе-

жит к экзекутору присутственных мест и предупреждает его, что на днях его посетит знатный иностранец, интересующийся вопросом о чижовках вообще и московских в особенности (чижовки — места заключения при полицейских управлениях — *Т. И.*); другой — паскоро нанимает помещение и устраивает в нем псевдонотариальную контору; третий — спешит щегольнуть такими фальшивыми документами, чтоб лучше настоящих были; четвертый — готовится разыграть роль владельца-продавца; пятый, шестой — просто радуются и думают: вот-то удивится фофан! Словом сказать, все заняты и всем весело. В назначенный день происходит осмотр; экзекутор, как истинно гостеприимный хозяин, показывает: вот чижовка! вот еще чижовка! и еще, и еще, и еще чижовка. *Червоный валет* служит при этом переводчиком, стучит кулаком об стену и говорит: милорд! посмотрите, какая толщина! Потом едут к нотариусу, получают с иностранца задаточные деньги, провожают его в гостиницу, и затем — все исчезает. Ни нотариуса, ни очаровательного молодого человека, ни владельца дома — ничего» (Полн. собр. соч.: В 20 т. Л., 1936. Т. 13. С. 386).

А вот пример из пьесы А. Н. Островского «Красавец-мужчина». Фрагмент сцены из третьего действия, где богатый барин Лотохин спрашивает свою племянницу Сусанну: «Но если он был в обществе шулеров или червоных валетов, так ведь такой (муж — *Т. И.*) тебе не годится, чай?» (Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1951. Т. 9. С. 115).

В романе П. Д. Боборыкина «Китай город» происходит такой диалог о Валентине Долгушине, герое романа: «— Вы его знаете? — Как не знать? Он выдает свою жену за мою прямую наследницу. Весьма сожалею, молодой человек, что вы вдальси в этот... обман... Не занимал ли он у вас? — Бог миловал! (...) — Это отпетый человек. И такими теперь полна Москва. Прожились, изолгались, того гляди очутятся в этих... как их теперь называют? — В червоных валетах, — подсказал Палтусов» (Китай-город. М., 1988. С. 233).

У А. П. Чехова в водевиле «Свадьба» приглашенному «генералу» о женихе сообщается следующее: «Служит, говорю, оценщиком в ссудной кассе, но вы не подумайте, ваше превосходительство, что это какой-нибудь замухрышка или червоный валет. В ссудных кассах, говорю, нынче и благородные дамы служат» (Собр. соч.: В 12 т. М., 1956. Т. 9. С. 132).

Из примеров этих следует, что *червоный валет* и в самом деле — «плут и пройдоха», «отпетый человек», который сродни шулеру и аферисту.

Возникает вопрос, как и почему у этого словосочетания развилось отмеченное Словарем негативное значение? Ответ извес-

тен давно и сомнений не вызывает. Вспомним, что писал Вл. Гиляровский в очерках «Москва и москвичи»: «В конце семидесятых годов в Москве работала шайка «червонных валетов», блестящих мошенников, которые потом судились окружным судом и были осуждены и сосланы все, кроме главы, атамана Шпейера, который так и исчез навеки неведомо куда» (Соч.: В 4 т. М., 1967. Т. 4. С. 191). Ср. также прямое упоминание об этом процессе у М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Пестрых письмах»: «Но больше всего заинтересовал Арину Михайловну (собеседницу рассказчика — Т. И.) процесс червонных валетов. В подробности этого дела она вслушивалась с захватывающим интересом, а смелые подвиги главного валета положительно приводили ее в восторг.— Так-таки до сих пор его и не нашли? — спрашивала она в волнении.— Так и не нашли-с» (Указ. собр. соч. Т. 16. С. 308). Любопытно, что обвинитель на этом процессе прямо говорил, «что настоящее дело слывет в публике под именем дела „О Червонных валетах“, или точнее „о клубе Червонных валетов“», что «на суде уже достаточно обнаружили случайность и неосновательность этого названия» (Клуб червонных валетов. Уголовный процесс. М., 1877. С. 183).

Известно также и то, почему это громкое дело получило название «Клуба червонных валетов». Источник его — заглавие неоднократно издававшегося в России романа французского писателя П.-А. Понсона дю Террайля (1829—1871) «Клуб червонных валетов» (1865), имевшего шумный успех у невзыскательной публики. В романе рассказывалось о похождениях шайки авантюристов и шантажистов под предводительством неуловимого и таинственного Рокамболя, державшего в трепете великосветские круги Парижа.

Закрепившееся в сознании русского читателя негативное значение рассматриваемого нами выражения перешло на слово *валет*, которое с подобным значением начинают употреблять самостоятельно, без сочетания с определением *червонный*. Так, Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» за 1877 год в отклике на «Анну Каренину» Л. Н. Толстого писал о Стиве Облонском: «Остатками состояния и связями он избавлен от судьбы червонного валета; но если б состояние его рушилось и нельзя бы было получать даром жалования, то, может быть, он и стал бы *валетом* (...) как можно приличнейшим и великосветским» (Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1983. Т. 25. С. 54). Кстати, у А. П. Чехова в рассказе «Свадьба с генералом» (1884), который позднее он переработал в водевиль (1889), обнаруживаем слово *валет* без определения: «замухрышка или валет» (Указ. собр. соч. Т. 2. С. 438).

Закономерно, что рожденный на «злобу дня» определенный смысл выражения *червоный валет* с течением времени исчезает со страниц как художественных произведений, так и публицистики. Однако в русском литературном языке уже существовало похожее словосочетание и тоже с негативным значением, правда, связанное с историей другого валета — *бубнового*. Вспомним, как в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» (1868) Ганя Иволгин говорит о Настасье Филипповне князю Мышкину: «(...) вот она считает меня *подлецом* за то, что я ее, чужую любовницу, так откровенно за ее деньги беру (...) Она всю жизнь будет меня за *валета бубнового* считать» (Указ. собр. соч. Т. 8. С. 103–104). Здесь значение *валета бубнового* максимально сближено с значением его *червоного* коллеги.

По-видимому, это было связано с влиянием французского языка на обиходный русский, что вполне объяснимо для двуязычно-образованного дворянского общества (Поспелов Г. О «валетах» бубновых и валетах червоных // Панорама искусств 77. М., 1978. С. 132–133).

Действительно, в «Словаре французского языка» Э. Литтре *valet de carreau* — *бубновый валет* — в переносном и просторечном употреблении — это человек, который совершенно не имеет достоинства и не заслуживает уважения. О таком человеке говорят, что он хитрый и продувной как *бубновый валет* (Париж, 1885. Т. IV. С. 2414). В качестве иллюстрации такого употребления в Словаре Э. Литтре дается ссылка на комедию Мольера «Любовная досада» (Д. IV, явл. 2). Эта комедия известна нам в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник, тонкого знатока как французского, так и русского языков. Примечательно, что переводчица сохраняет без изменения французское словоупотребление в речушке комедийного плута, хитрого и ловкого слуги Гро-Репе, который повторяет обращенные к нему слова служанки Маринетты:

За ней (госпожой — Т. И.), задравши нос, и Маринетта вслед:
«Оставь в покое нас, *бубновый ты валет!*»

(Мольер. Полн. собр. соч.: В 4 т. М., 1965. Т. 1. С. 227).

Интересно, что и в наше время оказывается возможным подобное употребление заинтересовавшего нас словосочетания. Так, А. Латынина в фельетоне «Не упустите свой шанс», посвященном журнальной «войне» критиков, пишет: «И тут к тебе подсаживается давняя знакомая. Она осведомляется, о чем ты можешь беседовать с этим *прохвостом*. С этим *налетчиком*. С этим Бубновым Валетом». Далее оказывается, что, с точки зрения Ушлого кри-

тика, «в борьбе с Бубновым Валетом все средства хороши» (Лит. газ. 1987. № 1. С. 4).

Впрочем, в данном случае у автора могла возникнуть иная ассоциация. Например, связь с другим «Бубновым валетом». На память приходит выставка группы художников-авангардистов «Бубновый валет», впервые состоявшаяся 10 декабря 1910 года.

Считается, что это название придумал живописец М. Ф. Ларионов. Так, один из участников выставки А. В. Куприн вспоминал: «Я был у Ларионова и Гончаровой, сидели, рассматривали репродукции с картин французов. Ларионов взял в руки карту бубнового валета. Вот, почему бы не назвать нашу выставку, наше объединение „Бубновый валет“» (Куприн А. В. Наброски воспоминаний. Цит. по статье: Поспелов Г. О «валетах»... С. 140). При этом другой «бубнововалетец» А. В. Лентулов утверждал, что само название выставки «не символизировало ничего, но скорее вызвано лишь теми соображениями, что слишком много в то время и изощренно придумывали разные претенциозные названия: „Венок Стефанос“, „Голубая роза“, „Золотое руно“ и пр. Поэтому как протест мы решили: чем хуже, тем лучше, да и на самом деле, что может быть нелепее „Бубнового валета“» (Лентулов А. В. Воспоминания. Цит. по статье: Поспелов Г. О «валетах»... С. 127).

«Бубнововалетство», зародившееся в полемике с господствующими в то время направлениями, шло в атаку против старой живописи и своим хлестким и нелепым названием. Естественно, это встретило ответное неприятие новой живописи у очень многих. М. Волошин в своем отклике на выставку писал: «Еще до своего открытия „Бубновый Валет“ одним своим именем вызывал единоподушное негодование московских ценителей искусства. (...) Уже на следующий день и в газетах, и на выставке стали появляться статьи и люди, свидетельствующие своими выражениями (как-то *шарлатаны, мошенники, подлецы*) обо всех степенях иступления» (Волошин М. Бубновый валет // Аполлон. Русская художественная летопись. 1911. № 1. С. 10–11).

Более того, произошло прямое отождествление «Бубнового валета» с «червонным». Например, в заметке С. Гарина «Бубновый Валет» воспроизведена такая сценка: «Звали его Пьер Огурцов и был он из города Епифани. Принесла его пелегка по какому-то делу в Москву и, как раз в тот момент, когда я собирался осмотреть знаменитую выставку „Бубновый Валет“.— Возьми меня с собою,— попросил Пьер, узнав, куда я иду.— Я хочу тоже иметь понятие о „Червонном Валете“.— Не „червонном“,— обиделся я, а „бубновом“. Это у вас в Епифани водятся червонные валеты, а у нас только бубновые» (Утро России. 1910. 12 дек. С. 5).

В другой московской газете П. Ашевский публикует фельетон «Бубновое дело», в котором описывает «судебный процесс» над участниками выставки Д. Бурлюком и М. Ларионовым. В приговоре признается, что «подсудимые» «виновны, но заслуживают глубокого сожаления. (...) Так завершился, наконец, — заключает фельетонист, — этот сенсационный процесс „бубновых валетов“, столько времени наводивших панику на всех доподлинных любителей доподлинных искусств» (Русское слово. 1910. 12 дек. С. 6). Недаром, по словам того же М. Волошина, «все без исключения называли ее (выставку — *Т. И.*) „Червоным Валетом“».

В заключение истории *бубнового валега* следует упомянуть о том, что это словосочетание использовалось также в качестве названия литературного произведения. У Леонида Леонова в рассказе «Бубновый валет» (1922) игральная карта олицетворяет героя: «Он молодой, у него глаза печальные, у него секира деревянная в руке». В «дремотных» мечтах четырнадцатилетней девочки *валет* оживает и становится предметом ее первой девичьей любви. Однако взрослея, Леночка забывает *бубнового валега*, выходит замуж, но... «когда стукнуло Елене Сергеевне сорок, — всю ночь, в отчаянье и в слезах, целовала она в памяти своей *бубнового покинутого валега*» (Собр. соч.: В 10 т. М., 1969. Т. 1. С. 97–98, 101).

Рассказ И. Эренбурга «Бубновый валет» (1924) сюжетно более сложный. В нем причудливо переплетены и предсказание гадалки: «Судьба твоя — бубновый валет, к последнему искусству готовься»; и интерпретация этого предсказания в духе карточной символики: «Кто не знает, что бубновый валет карта мирная, хорошая, веселые хлопоты означает»; и уличное впечатление, опровергающее расхожее толкование: «А проходя мимо Волхонки, увидела Дуняша (героиня рассказа, кухарка «за всё» — *Т. И.*) новую пакость. Со стены глядел голый мужичище густо кубовый, в красных пятвах (...) Подошла Дуняша: „Что, мол, здесь произошло“. А старичок очкастый (...) степенно прочел: „Выставка Бубновый Валет“. И пояснил в снисхождении: „Это и есть ихний водитель“». Наконец, новый жилец — блондин, большевик, «он же валет бубновый» — оказывается еще в младенчестве пронавшим без вести сыном героини. Ужасающее это открытие и приводит ее к гибели (Эренбург Илья. Бубновый валет и компания. Рассказы. М.—Л., 1925. С. 23–24, 26).

И в рассказе Л. Леонова, и в рассказе И. Эренбурга *бубновый валет* употребляется скорее не в переносном, а в своем прямом значении, подвергаясь лишь процессу персонификации.

Ленинград

Растворил я окно, — стало грустно не в мочь, —
Опустился пред ним на колени,
И в лицо мне пахнула весенняя ночь
Благовонным дыханьем сирени.

А вдали где-то чудно так пел соловей;
Я внимал ему с грустью глубокой
И с тоскою о родине вспомнил своей;
Об отчизне я вспомнил далекой,

Где родной соловей песнь родную поет
И, не зная земных огорчений,
Заливается целую ночь напролет
Над душистою веткой сирени.

Мейнинген,
13 мая 1885 г.

Многие знают это стихотворение, положенное на музыку, как прекрасный романс П. И. Чайковского. Но немногим известен автор стихотворения. Сложилась порочная традиция печатания пот этого и других романсов без указания имени автора стихотворений. Лишь музыканты, филологи, люди старшего возраста знают, что автор стихотворений подписывался псевдонимом *К. Р.*

К. Р. — это литературный псевдоним великого князя Константина Константиновича Романова (10 августа 1858 — 2 июня 1915), внука императора Николая I. К. К. Романов — широко известный поэт конца XIX — начала XX в., драматический артист, игравший на сцене Петербургского народного дома, пианист. Он получил прекрасное домашнее образование и воспитание, традиционные для юношей из царской семьи. Этим занимались крупные деятели отечественной культуры и просвещения. Науки изучались разнообразные — иностранные языки, гражданская история, литература, богословие, физика, математика, география, строевая подготовка, история военного искусства, морское дело. Великого кня-

зя готовили для профессиональной военной деятельности. И он стал военным, сначала служил во флоте, а затем в лейб-гвардии Измайловском полку. К. К. Романов был шефом 15-го гренадерского Тифлисского полка, а с 1891 года — командиром лейб-гвардии Преображенского полка — одного из престижных военных соединений русской армии, сформированного еще Петром I в 1687 году.

Из всех членов семьи Романовых Константин Константинович выделялся своими литературными и артистическими способностями. Эти качества он наследовал от своего отца великого князя Константина Николаевича, человека образованного и талантливого. Поэтому главный смысл своей жизни К. К. Романов видел в литературно-художественной и артистической деятельности, а не в профессиональных военных занятиях. Больше всего К. К. Романов ценил «плечительный, любимый за письменным столом вседневный труд».

В стихотворении «Я баловень судьбы...» К. К. Романов писал о своем поэтическом предназначении:

Я баловень судьбы... Уж с колыбели
 Богатство, почести, высокий сан
 К возвышенной меня манили цели, —
 Рождением к величью я призван.
 На что мне роскошь, злато, власть и сила?
 Не та же ль беспристрастная могила
 Поглотит весь мишурный этот блеск,
 И все, что здесь лишь внешностью нам льстило,
 Исчезнет, как волны мгновенный всплеск?
 Есть дар иной, божественный, бесценный,
 Он в жизни для меня всего святей,
 И ни одно сокровище вселенной
 Не заменит его душе моей:
 То песнь моя!..

Это стихотворение он заканчивает следующими словами:

Но пусть не тем, что знатного я рода,
 Что царская во мне струится кровь,
 Родного православного народа
 Я заслужу доверье и любовь,
 Но тем, что песни русские родные
 Я буду петь немолчно до конца
 И что во славу матушки России
 Священный подвиг совершу певца.

Как поэт К. К. Романов сложился в эпоху расцвета «серебряного века русской поэзии». Он поддерживал дружеские связи с А. Н. Майковым, Я. П. Полонским, А. А. Фетом, считал их своими поэтическими учителями, он им посвятил несколько восторженных посланий.

Первый сборник его стихотворений был издан для узкого круга читателей в 1886 году под инициалами К. Р. Широкой публике стихотворения К. Р. стали известны по второму изданию (СПб., 1889). Этот сборник включил в себя стихотворения, написанные в 1879–1885 годах. В том же году появились «Новые стихотворения К. Р. 1886–1888» (СПб., 1889).

Наиболее полное собрание сочинений К. К. Романова было издано Академией наук в трех томах под названием «Стихотворения К. Р. 1879–1912» (СПб., 1913–1915). Здесь представлены лирика, произведения религиозного характера «Псалмопевец Давид», «Царь Саул», поэма «Севастиан-мученик», переложения из Апокалипсиса, «Стучая, у двери твоей Я стою...», «Я новое небо и новую землю увидел...». Кроме отмеченных, помещены еще послания писателю И. А. Гончарову, композиторам П. И. Чайковскому и А. Г. Рубинштейну, историку академику С. Ф. Платонову и другим деятелям русской культуры, семейные послания. В этих книгах напечатаны стихотворения из военной жизни, объединенные в циклы «В строю» и «Полковые сонеты», драматическая поэма «Возрожденный Манфред», драма «Царь Иудейский».

В собрание сочинений К. К. Романова вошли переводы из Сюлли-Прюдома, Альфреда де Мюссе, Виктора Гюго, Шекспира. Но главное место в сочинениях К. К. Романова занимают лирические стихотворения с пейзажными картинками, рисуемыми мысленным воображением героя. В моментальности впечатлений красоты реального мира ярко выражается внутреннее, психологическое состояние лирического Я. Смена времени года, дня и ночи, неповторимость природы, цветущей земли, бескрайних морских пространств — вот основные темы пейзажной лирики К. К. Романова.

Он обладал поразительной способностью в момент своего творческого настроения полностью перенестись из прозаического мира, как писал сам поэт, в «благовонный мир» лирической восторженности. И в этом отношении ему особенно был близок А. А. Фет.

П. И. Чайковский считал А. А. Фета среди остальных русских поэтов «явлением совершенно исключительным». В письме к К. К. Романову композитор писал 26 августа 1888 года: «Фет в лучшие свои минуты выходит из пределов, указанных поэзии, и смело делает шаг в нашу область... это не просто поэт, скорее поэт-музыкант, как бы избегающий даже таких тем, которые легко поддаются выражению словом» (Чайковский М. И. Жизнь Петра Ильича Чайковского. Т. III. М.—Лейпциг, 1902. С. 266–267. См.

также: Благой Д. Д. Мир как красота.— Вступительная статья к кн.: А. А. Фет. Вечерние огни. М., 1971. С. 578).

Замечательный отзыв П. И. Чайковского о поэзии А. А. Фета с полным правом можно применить и для характеристики поэзии К. К. Романова. В этой соотносительности отзыва заключается ответ на вопрос, почему П. И. Чайковский написал много романсов на слова К. Р. А написал он на его стихи шесть романсов: (Я сначала тебя не любила...), (Растворил я окно,— стало грустно не в мочь...), (Я вам не правлюсь...), «Первое свидание», (Уж гасли в комнате огни...), «Серенада». На слова А. А. Фета П. И. Чайковский написал только один романс (Я тебе ничего не скажу...).

Заслуживают внимания и циклы стихотворений К. Р. из полковой жизни «В строю» и «Солдатские советы». Они отличаются простотой и непосредственностью чувства, в них видны искренняя привязанность к своим товарищам по службе, знание солдатской жизни.

К. К. Романов был одним из основателей, как мы бы теперь сказали, литературного объединения поэтов в Измайловском полку под названием «Измайловские досуги». Это творческое объединение собрало многих интересных поэтов. Одно из стихотворений К. К. Романова «Розы», написанное к состязанию полковых стихотворцев, представляющее собой творческую переработку крылатого выражения И. П. Мятлева и И. С. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы», публикуется в нашей подборке.

Следует сказать еще об одной стороне деятельности К. К. Романова. С 1889 года по 1915 год он был президентом императорской Академии наук. (Почетным академиком К. К. Романов был избран в 1887 году.) Конец XIX—начало XX вв.— наиболее продуктивный период в развитии академической науки в России. Именно в это время создаются первоклассные труды как в естествознании, так и в гуманитарных науках, получившие широкую известность не только в России, но и за рубежом.

В конце XIX — начале XX вв. Академия наук объединяла в своем составе многих выдающихся ученых, таких, как А. А. Шахматов, Я. К. Грот, А. Н. Пыпин, Ф. Ф. Фортунатов, И. А. Бодуэн де Куртене, А. И. Соболевский, Н. А. Котляревский, А. С. Лаппо-Данилевский, В. О. Ключевский, С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, С. Ф. Платонов, А. А. Кизеветтер, Б. А. Тураев, Ф. И. Щербатской и другие.

Важно было и то, что вице-президентами Академии наук были единомышленники К. К. Романова — крупные организаторы русской филологической науки акад. Я. К. Грот (1889—1900), акад. П. В. Никитин (1900—1916). Должность председательствующего от-

деления русского языка и словесности (по современным представлениям, академик-секретарь отделения) занимал акад. А. А. Шахматов.

В 1899 году в ознаменование столетней годовщины со дня рождения А. С. Пушкина при отделении русского языка и словесности Академии наук был учрежден разряд изящной словесности, в который были избраны почетными академиками и членами-корреспондентами многие писатели, художники, артисты, литературные критики. В разряд изящной словесности вошли Л. Н. Толстой, А. Ф. Кони, А. М. Жемчужников, П. Д. Боборыкин, В. С. Соловьев, В. Г. Короленко, А. П. Чехов, К. С. Станиславский, И. А. Бунин, А. Н. Веселовский, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Генрик Сенкевич, В. В. Стасов, А. И. Сумбатов-Южин, А. В. Сухово-Кобылин. Несомненно, создание разряда изящной словесности подняло авторитет Академии наук и вовлекло в ее состав выдающихся деятелей отечественной культуры и литературы.

В связи с учреждением разряда изящной словесности президиум Академии наук на своем заседании в 1899 году определил задачи научной деятельности всего отделения русского языка и словесности следующим образом: «Русский язык во всем его объеме, с его наречиями и говорами, история русского языка; история русской литературы и культуры; церковнославянский язык; южные и западные славянские языки и их история; история славянских литератур; история иностранных литератур по отношению к русской; история и теория искусства, теория словесности и историко-литературной критики. На обязанности отделения лежит составление словаря русского языка и критическое издание русских писателей» (См.: История Академии наук СССР в 3-х томах. Т. I. М.—Л., 1958. С. 463). Как президент Академии наук К. К. Романов курировал деятельность отделения русского языка и словесности.

За время президентства К. К. Романова в Академии наук были созданы многие крупные труды по филологии, реализованы важные решения по научно-организационным вопросам, имевшим государственное значение. Здесь следует сказать, прежде всего, о трудах Я. К. Грота по проблемам русской орфографии, о его «Словаре русского языка» (слова от буквы А до слова *Зягюшка*). В этот же период А. А. Шахматов создал свои замечательные исследования по современному русскому языку, по истории русского языка, древнерусской литературе, русскому летописанию. Он продолжил после смерти Я. К. Грота издание «Словаря русского языка». Исключительной интенсивностью отличалась научная деятельность А. И. Соболевского в области исторической лексиколо-

гии русского языка, древнерусского языка и древнерусской литературы. Важные труды по общему языкознанию и славянской филологии были написаны И. А. Бодуэном де Куртена. Он же дополнил новыми лексическими материалами «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля и выпустил его 3-е и 4-е издания. Были опубликованы труды А. А. Потебни по русской грамматике, теории словесности, славянскому фольклору, труды В. М. Истрина по древнерусской литературе.

По решению отделения русского языка и словесности в 1905 году было начато И. В. Ягичем издание многотомной «Энциклопедии славянской филологии». В 1903 году была основана Московская диалектологическая комиссия, сыгравшая большую роль в изучении говоров русского, украинского, белорусского языков. По постановлению президиума Академии наук в 1905 году создан Пушкинский дом как музейный центр и как научно-исследовательский институт по изучению русской литературы. Отделение русского языка и словесности издало собрания сочинений А. В. Кольцова, М. Ю. Лермонтова, А. С. Грибоедова, Е. А. Баратынского.

Это лишь немного из того, что сделали русские лингвисты и литературоведы, работавшие в Академии наук в конце XIX – начале XX вв. Но даже сухой перечень имен выдающихся ученых и созданного ими впечатляет масштабами научной деятельности. Если же говорить о К. К. Романове, то в советское время его имя было искусственно устранено из истории русской культуры, из истории русской литературы. Настала пора возвратить из небытия это имя, переиздать сочинения, напечатать неопубликованные произведения и эпистолярное наследие К. К. Романова, хранящееся в архивах и рукописных собраниях.

Предлагаем подборку стихотворений К. К. Романова, взятых из академического собрания его сочинений.

* *
*

Я не могу писать стихов
Когда встречаюсь порою
Средь всяких дрязг и пустяков
Со лживой пошлостью людскою.

Я говорил себе не раз:
Оставь, не обращай вниманья!
Смотри: не каждый ли из нас
Несовершенное создание?

Мы жертвы слабые судьбы,
Поступки наши так понятны:
У розы даже есть шипы,
И есть на самом солнце пятна.

Но нет, пусть ум твердит свое!
Душа с рассудком не мирится,
И сердце бедное мое
Тоской и злобою томится.

И тщетно ищешь рифм и слов,
Зовешь напрасно вдохновенье,
И раздраженный, в озлобленье
Я не могу писать стихов.

Дрезден,
22 мая 1885 г.

Розы

Во дни надежды молодой,
Во дни безоблачной лазури,
Нам незнакомы были бури,—
Беспечны были мы с тобой.
Для нас цветы благоухали,
Луна сияла только нам,
Лишь мне с тобою по ночам
Пел соловей свои печали.
— В те беззаботные года
Не знали мы житейской прозы:
Как хороши тогда,
Как свежи были розы!

То время минуло давно...
 — Изведав беды и печали,
 Мы много скорби повстречали;
 Но унывать, мой друг, грешно:
 Взгляни, как Божий мир прекрасен;
 Небесный свод глубок и чист,
 Наш сад так зелен и душист,
 И теплый день и тих, и ясен
 Пахнул в растворенную дверь;
 В цветах росы сияют слезы..
 Как хороши теперь,
 Как свежи эти розы!

За все, что выстрадали мы,
 Поверь, воздастся нам сторицей.
 Дни пронесутся вереницей.
 И после сумрачной зимы
 Опять в расцветшие долины
 Слетит счастливая весна;
 Засветит кроткая луна;
 Польется рокот соловьиный,
 И отдохнем мы от труда,
 Вернутся радости и грезы:
 Как хороши тогда,
 Как свежи будут розы!

Мраморный дворец,
 9 декабря 1886 г.

* *
 *

Зарумянились клен и рябина,
 Ярче золота кудри берез,
 И безропотно ждет георгина,
 Что спалит ее первый мороз.

Только тополь да ива родвая
 Все сдаваться еще не хотят
 И, последние дни доживая,
 Сохраняют зеленый наряд.

И, пока не навеяло снега
 Ледяное дыханье зимы,
 Нас томит непонятная нега,
 И печально люблюемся мы.

Но промчалось лето с весною,
 Вот и осени дни сочтены..
 Ах, уж скоро мы с этой красою
 Распростимся до повои весны!

Павловск,
 Осенью 1897 г.

Орианда

Я посетил родное пепелище —
Разрушенный родительский очаг,
Моей минувшей юности жилище,
Где каждый мне напоминает шаг
О днях, когда душой светлей и чище,
Вкусив впервые высшее из благ,
Поэзии святого вдохновенья
Я пережил блаженные мгновенья.

Тогда еще был цел наш милый дом.
Широко сад разросся благовонный
Среди диких скал на берегу морском;
Под портиком фонтан неутомонный
Во мраморный струился водоем,
Прохладой в зной лаская полуденный,
И виноград, вясь между колонн,
Как занавескою скрывал балкон.

А ныне я брожу среди развалин:
Обрушился балкон: фонтан разбит;
Обломками пол каменный завален;
Цветы пробились между звонких плит;
Глицинией, беспомощно печален,
Зарос колонн развенчаных гранит;
И мирт, и лавр, и кипарис угрюмый
Вечнозеленою объята думой.

Побеги роз мне преградили путь...
Нахлынули гурьбой воспоминанья
И тихой грустью волновали грудь.
Но этот край так полн очарованья,
И суждено природе здесь вдохнуть
Так много прелести в свои созданья,
Что перед этой дивною красой
Смирился я плененною душой.

Орианда—Вильдунген
10 августа 1908 г.

*Вступительная статья и публикация
В. П. Вомперского ©*

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ.

ПЕРЕПИСКА С МОСКОВСКИМИ ЛИНГВИСТАМИ

Августовским днем 1962-го года в Институте русского языка на Волхонке появился Корней Иванович Чуковский. Он искал авторов только что вышедшего словаря-справочника «Правильность русской речи». Искал он их не любопытства ради, а, так сказать, из профессионального интереса. Дело в том, что в 1962 году вышла книга Корнея Ивановича о русском языке — «Живой как жизнь», и теперь Чуковский готовил второе издание этой книги, исправляя и дополняя ее текст. Поэтому он хотел обсудить с авторами словаря интересовавшие его темы, касающиеся состояния и развития современного русского языка.

Встреча и беседа состоялась. За ней последовали другие. Круг московских лингвистов — собеседников Корнея Ивановича — расширился. Они стали ездить к нему в Переделкино, где он жил, и даже в Барвиху, где он лечился в санатории. А в промежутках между поездками были письма. Некоторые из них сохранились.

Предлагаемая вниманию читателей подборка писем состоит из двух частей.

В первой публикуется переписка Корнея Ивановича с русским языковедом Александром Александровичем Реформатским. Письма, составившие эту переписку, были собраны и прокомментированы самим Реформатским через несколько лет после смерти писателя (1969) и незадолго до его собственной кончины (1978) и переданы в домашний архив Чуковских. Открывает переписку письмо молодого Реформатского, который в начале 30-х годов работал в издательстве «Academia»; оно касается вопросов орфографии в собрании сочинений Н. А. Некрасова, вышедшем под редакцией К. И. Чуковского. Письмо серьезное и ответ на него исключительно деловой. Основная же часть переписки — это главным образом шуточные послания, относящиеся к 60-м годам. Они достаточно хорошо передают атмосферу игры, ёрничанья, самоиронии, которая была характерна для отношений двух корреспондентов. Однако вперемежку с шутками К. И. Чуковский и А. А. Реформатский обмениваются сведениями и мыслями, имеющими для русского читателя литературный, лингвистический и общекультурный интерес.

Во второй части представлены только письма Корнея Ивановича, адресованные московским языковедам (большую часть писем Чуковскому пока разыскать не удалось). Эти письма, по преимуществу, — либо ответы авторам присланных К. И. Чуковскому книг по языкознанию, иногда с достаточно подробными замечаниями, либо обсуждение лингвистических и культурно-речевых вопросов, затронутых в научно-популярных статьях о языке или в адресованных Корнею Ивановичу посланиях. И для этих писем характерен тон самоиронии и даже нарочитого самоуничижения, за маской которого скрывался не только доброжелательный читатель лингвистических работ, но и въедливый и при этом квалифицированный критик.

Публикатор благодарит Елену Цезаревну Чуковскую за предоставленные копии писем ее деда, а корреспондентов Корнея Ивановича — за разрешение опубликовать адресованные им письма.

I

Переписка А. А. Реформатского и К. И. Чуковского *

Моя переписка с Корнеем Ивановичем началась еще в 1934 году, когда я работал в издательстве «Академия», по поводу издания Некрасова. Знаком я тогда с Корнеем Ивановичем не был. Вот [моё письмо К. И. Чуковскому] и его письмо на мой запрос о некоторых случаях орфографии некрасовских текстов.

Уважаемый Корней Иванович!

Я задержал сдачу в набор текста «Кому на Руси жить хорошо» до получения от Вас ответа. Вопрос заключается в следующем:

1) В предисловии нет никаких указаний на то, как обоснована орфография текста.

2) А между тем эта орфография вызывает педоуменные вопросы: имеется ли в виду точная факсимильная передача некрасовской орфографии или же у Вас продумана какая-то особая система.

* Письма (кроме первого, которое Александр Александрович считал утраченным) собраны и прокомментированы А. А. Реформатским. Примечания, отмеченные звездочкой, сделаны публикатором при подготовке этой переписки к печати.

3) Что эта система не стопроцентно факсимильная, ясно из того, что текст дан «по новой орфографии», т. е. без ять, конечно-го ера, с -ого, -его, на месте -аго, -яго, с окончанием множественного числа прилагательных -е на месте -я (в женском и среднем роде) и проч.

4) Однако ряд других случаев поданы в «ненормальном» для современных орфографических навыков виде (соцкйй, крехтит, цалуются, сошолся, жоны, граматой и т. п.).

Так как в декрете 17–18 гг. эти случаи законодательно не определены, то как будто бы их можно проводить, но зачем это нужно?

5) Если издание не преследует целей факсимильных, т. е. не является научно-документальным, — всякое отступление от норм современной орфографии должно быть оправдано. Оправданием могут быть: а) передача особенностей языка (например, у Пушкина: «для берегов отчизны дальней» или транскрипция диалогов на диалектах и под.); б) особые стилистические моменты, напр., сохранение окончания -ой в именит. падеже прилагательных мужского рода с основой на к, г, х — в рифме, или постановка «интонационных» тире, и под.

6) Во всех других случаях сохранение «ненормальной орфографии» неоправданно. Такие случаи в лучшем случае [так в тексте письма — Л. К.] воспринимаются просто как опечатки, в худшем же сеют ненужные сомнения в сознании читателей, не всегда сильно грамотных.

7) На такой точке зрения стоит Пушкинская Комиссия Академии Наук. Знакомы ли Вы с их инструкцией по орфографии издания пушкинских текстов? (Составили Томашевский и Винокур).

8) В тексте «Кому на Руси жить хорошо» (идущем в иллюстрированном издании без комментариев) — требуется минимальное отклонение от орфографической нормы. Такие случаи, как соцкйй через ц ни лингвистически, ни стилистически ничего не дают; то же в отношении: писаной, матерой (иное дело, если это гибкой, долгой, тихой!). Различение в орфографии 19-го века написаний грамота (=грамотность) и грамата (=рукопись) — иначе как опечатку в современном издании не воспримешь. Случаи: шол, жоны, золочоная — совершенно недопустимы, к тому же у Вас на 45 стр. оставлено по предыдущему изданию: «Злачонные», на 47 — о исправлено на ё (что правильно!), а на 24 — е исправлено на о!

9) В пунктуации: стоит ли сохранять вводные предложения в знаках: , —, —? Нельзя ли убрать запятые? Стоит ли сохранять и ка-

вычки и тире в диалогах? Не лучше ли рассказы и случайные реплики давать в кавычках, а реальные диалоги в тире?

10) Жду Вашего ответа, Корней Иванович. Не сетуйте за длинное письмо. Для меня это очень существенные вопросы, да, думаю, что и для многотысячного читателя нашего тоже.

Консультант по Литредакции

А. Реформатский.

Р. С. Ответ прошу направить по адресу: Изд-во АCADEMIA, Москва, Б. Вузовский, д. 1, Александру Александровичу Реформатскому.

Уважаемый Александр Александрович!

Ответом на все Ваши вопросы послужит следующий дополнительный абзац предисловия:

«Текст печатается по новой орфографии, но с полным соблюдением всех особенностей правописания Некрасова, так как они с одной стороны имеют непосредственное стилистическое значение (ярмонка, соцкой), с другой — характеризуют эпоху создания поэмы и личные орфографические навыки автора (жоны, шол, свиснул)»^{1*}.

Различие грамота и грамата, которое существовало в XIX в., несомненно существует и сейчас. Золочёные на стр. 47 заменяю словом золочоны, с целью унификации написаний.

Пунктуация Некрасова в большинстве случаев выражает свойственные ему интонационные оттенки речи, и я не считаю целесообразным ее модернизировать, исключая случаи явных ошибок и опечаток. (См. предисловие к I тому «Полного собрания стихотворений Некрасова», АCADEMIA, 1934, стр. XX).

Я полагаю, что читателя роскошного иллюстрированного издания не следует представлять себе «не всегда сильно грамотным»; напротив, этот наиболее квалифицированный читатель может, я думаю, вполне оценить историческую подлинность орфографии нашего издания.

Уважающий Вас

К. Чуковский.

25/XI. 34.

Примечания

1*. В предисловии к I тому «Полного собрания стихотворений Некрасова» (изд. «Academia») приведенного в письме абзаца на стр. XX не обваружено, хотя именно на стр. XIX—XX К. Чуков-

ский пишет об орфографии и пунктуации некрасовских текстов при их издании.

После этого связь моя с Корнеем Ивановичем порвалась до 60-х годов. Но зато в эти годы (60-е) мы много переписывались. Даю здесь и письма Корнея Ивановича и мои к нему, так как иной раз могут быть непонятны отдельные ответы в его письмах. Для полноты картины нашей переписки даю своё письмо Корнею Ивановичу к его 80-летию.

Москва 28 марта 1962

Дорогой Корней Иванович!

Хотя мы и были с Вами в переписке по «ACADEMIA»-и, но меня Вы всё равно не знаете; но запретить мне радоваться по случаю Вашего дня Вы мне не можете: я Вам не Тараканище!

До чего же хорошо Вы живете Вашу жизнь: известен, уважаем, любим и неподражаем! И вот уже больше полувека, даже не верится, а факт.

Люблю Ваши афоризмы о переводе, люблю Ваши удивительно меткие характеристики в мемуарах, люблю Ваших зверей...

Даже в 20-х годах малолетнему своему сыну написал «кантату» на текст Вашего «Тараканища» — вот, куплю пьянино, запишу в ноты и пришлю Вам, а там от Вашего остроумия и музыкально кое-что смешино получилось, хоть я и не композитор.

ЭРГО:

Хай живе, КОРНЕЄ!

Любящий Вас

А. А. Реформатский.

18 ноября 1962 года мы были в Переделкине и обедали у Корнея Ивановича. Со мной были молодые научные сотрудники Института русского языка Лёня Крысин и Лёва Скворцов, с которыми Корней Иванович затевал телепередачу о русском языке, а и с ними вёл отдел «Поговорим о языке» в журнале «Семья и школа» (для общего псевдонима Крысина, Скворцова и Реформатского я придумал такую «кукрыниксу»: Крысскворматский, откуда понятно в письме название: «крысскворчата»). Вернувшись в Москву, я узнал о рождении у моей дочери сына Петра.

Москва 26/XI 62

Дорогой Корней Иванович!

1) Спасибо за приём 18 ноября! Великолепно! Спладид!^{1*} Феерично! Ваши доспехи и «па» на «па де дис», и на «па д'юит» при ипдокторации в Оксфорде незабываемы!² А пирожки-то!!

2) Ищу формулу касательно того, как «звук светятся» и как «краски звучат». Пока не нашёл, завтра увижу переводчика Марузо^{3*} Н. Д. Андреева и допрошу по методам Петра I и «некоторых других»...⁴

3) Ребят моих («крысскворчат») зовут: Леонид Петрович Крысин и Лев Иванович Скворцов. Издательство^{5*} пусть напишет по адресу: Москва, Г-19, Волхонка 18/2, Институт русского языка АН СССР, им: Л. П. Крысину и Л. И. Скворцову, — тогда они смогут подписаться как научные сотрудники ИРЯ АН СССР и... гонорар за рецензию от издательства получить (а ребята у меня семейные, надо им и «прошивочку какую» и ТОВО). А коли то потреба буде — я скреплю со стороны^{6*} (я ведь не ИРЯ, а ИЯ^{7*}).

4) Ужасно рад, что «Епистола»⁸ Вас порадовала. Люблю ехидный юмор, грешник, а Вы его разгадали.

5) Очень мечтаю как-нибудь еще Вас повидать и без «дела», а ТАК и, кстати, спросить Вас в связи с Вашей работой по Некрасову о некоторых моих родственниках и свойственниках: и первой категории принадлежит мой прадед Алексей Адрианович ГОЛОВАЧЕВ, приятель Некрасова «по охоте и литературе», как Некрасов ему надписал на первой публикации «Кому на Руси...» (эта книжка у меня есть); ко второй категории относится моя не родственница, а свойственница — Авдотья Яковлевна Брянская-Панасва (-Некрасова)-Головачева (последний муж ее Аполлоп Филиппович Головачев, участник «коммуны Слепцова», а в жилах ее дочери Души (от Аполлона) текла уже паша общая с ней (Душей) кровь...). Так что есть, о чем перемолвиться.

Простите, дорогой Корней Иванович, за доuku. Еще раз спасибо за Восемнадцатое ноября (кстати, у меня в этот день родился внук от дочери моей Машки...).

Ваш без конца

А. А. Реформатский.

Примечания:

1*. Splendid! (англ.) — «великолепно! блестяще!».

2. Корней Иванович облачался в торжественную робу и изображал свое посвящение в Оксфорде [в 1962 году оксфордским университетом К. И. Чуковскому была присуждена степень докто-

ра]; ему сначала велели сделать 10 шагов, но увидав его ноги, переменили на 8 (это «па де дис» и «па д'юит»).

3*. Имеется в виду «Словарь лингвистических терминов» Ж. Марузо (перевод с французского Н. Д. Андреева под редакцией А. А. Реформатского. М., изд-во иностранной литературы, 1960).

4. Название для явления цвето-звука я нашёл позднее (см. письмо от 28/III 69 г. — synopsis).

5*. Издательство «Молодая гвардия».

6*. Речь идет о рецензии на книгу Корнея Ивановича «Живой как жизнь».

7*. ИЯ — Институт языкознания АН СССР, где А. А. Реформатский заведовал сектором прикладной лингвистики.

8. Копию моей «Епистолы» Корнею Ивановичу мне не удалось у себя обнаружить. Может быть, это поздравление моё с его 80-летием?

Дорогой Александр Александрович!

Раньше всего поздравляю с внучкой!¹

Головачевы — и тот и другой — были люди скучные, но картинные.

Душу я знал — видел ее в пьяном виде, когда за ней ухаживал, как это ни странно, Михаил Кузьмин (без мягкого знака: не Кузьмин). Парадокс.

В защиту пародий где-то писал Тынянов — о том, что пародия не оплеуха, а, напротив, комплимент^{2*}. Хорошо бы Наталье Иосифовне в защиту «Красной шапочки» опереться на Ю. Н. Тынянова³, хотя его «Мнимая поэзия»^{4*} плоха и, как сказали бы у нас в Оксфорде, hectic^{5*}.

Из пародий Н[аталии] И[осифов]ны мне очень понравились — на Леонова и Паустовского. Они до такой степени попадают в цель, что думается: едва только Л. и Пауст. прочтут их, они перестанут писать в своем стиле и поищут какого-нб. другого. То есть Л. перестанет быть Л[еоно]вым, и П. — Паустовским.

Кстати: знает ли Н. И. пародию Зоценко на меня? Пародия была так убийственна, что я должен был начисто отказаться от своей литературной манеры^{6*}. Не сомневаюсь, что теперь самое время напечатать пародии Наталии Иосифовны. После чего благословясь и на Софронова.

Я знаю, что Леонида Петровича зовут Леонид Петрович, а Льва Ивановича — Лев Иванович. Я зауважал их, прочтя в рукописи их статьи, «имеющие быть напечатанными» в сборнике «О родном нашем языке»^{7*}. Вообще мне представляется [, что] вместе с

другими своими молодыми коллегами (Т. Винокур и Э. Ханпира) — это могучая кучка советских лингвистов.

С нетерпением жду формулу «красных звуков» и «музыкальных красок»⁸.

Надеюсь, что наше 18 ноября повторится не раз и в декабре, и в январе и т. д.

Ваш без конца

Корней Чуковский.

1962 28/XI

Сердечный привет Н. И. Спасибо ей за «Comic Verses». Иные из них очень забавны**.

Примечания:

1. Первая строчка письма — описка К. И.: родился внук, а не внучка, о чём я писал ему в предыдущем письме.

2*. По-видимому, имеется в виду статья Ю. Н. Тынянова «О пародии», впервые опубликованная в сб.: Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 284—310. К. И. читал эту статью, вероятно, в рукописи.

3. Пародии Н. И. Ильиной по канве «Красной шапочки» были напечатаны первоначально в журнале «Крокодил» (в 1960 году), а впоследствии в книге пародий и фельетонов Н. И. Ильиной «Не надо овец!» (М., 1964).

4*. Мнимая поэзия. М.—Л., 1931 (составление и предисловие Ю. Н. Тынянова).

5*. Hectic (англ.) — «чахоточный».

6*. В очерке «Зощенко» К. Чуковский писал: «Это была меткая и убийственно злая пародия на мою старую книжку «От Чехова до наших дней»... Впоследствии, в 1924 году, он написал другую пародию на меня («Чуковский о Пильняке» — тоже уморительно смешную). Одна из рукописей у меня сохранилась» (Чуковский К. Собр. соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 2. С. 493, 494). Эта сохранившаяся пародия — «Чуковский о Пильняке» — опубликована (см. Вопросы литературы. 1968. № 11. С. 237—239); текст другой не найден.

7*. Сборник «О родном нашем языке» вышел в 1961 году.

8. О «красных звуках» и «музыкальных красках» см. примечание к вышеприведенному моему письму к Корнею Ивановичу.

9*. Сборник юмористических стихов, присланный Корнею Ивановичу Н. И. Ильиной.

Дорогой Корней Иванович!

Хочу и я, червь презренный, как говаривал Подьячий в «Хованщине», присоединить свои поздравления Вам в Новый Год! Живите весело и радуйте тех, кто с Вами общается!

Насчёт Головачевых Вы не вполне правы: Аполлон Филиппович, двоюродный брат моего деда, был личностью мало приметной: это типичный «мари д'элль»^{1*}, то есть в данном случае Авдотья Панаевой, помогло ему еще близкое знакомство с Слепцовым (опять же через его «фамм»^{2*}). А вот прадед мой Алексей Адрианович был человек весьма незаурядный: крупный экономист (его и Маркс цитировал), приятель Некрасова, Салтыкова^{3*}, Унковского^{4*}, с которым они действовали в Тверском комитете и подверглись репрессиям в 60-е годы... А потом он был знаменитый охотник (что не менее важно – см. надпись ему от Некрасова, которую я Вам приводил в предыдущем письме), стрелял бекасов дуплетом через плечо! Что же касается «Души», то забавно не то, что она была пьяна, а то, что за ней «ухаживал» Михаил Кузмин! Возможно, что он мог ухаживать только за пьяными женщинами?

Мои мальчики («крысскворчата»)⁵ взяли мой экземпляр «Живого как жизнь» и как напишут, так мне покажут, после чего они собираются к Вам.

Итак – «Гавдеамус, игитур, ювенес дум сумус!»^{6*}

Ваш

А. А. Реформатский.

3/XII 62

Примечания:

1*. Mari d'elle (франц.) – букв. «её муж».

2*. Femme (франц.) – «жена, супруга».

3*. Имеется в виду М. Е. Салтыков-Щедрин.

4*. Унковский А. М. (1828–1893) – русский общественный деятель, предводитель дворянства Тверской губернии и председатель Тверского губернского комитета, автор проекта отмены крепостного права в России.

5. «Крысскворчата» – см. примечание выше. То, что писали Л. П. Крысин и Л. И. Скворцов, – это рецензия на книгу о языке Корнея Ивановича «Живой как жизнь».

6*. Gaudeamus (здесь шутл. написание). Первая строка старинного студенческого гимна.

В 1963 году я случайно увидал в газете «Известия» № 174 от 22/V 1963 корреспонденцию о том, что австрийская судоверфь в

КОРНЕЙБУРГЕ построила по заказу Советского Союза транспортное судно «Вена», названное так в честь столицы Австрии. Я придрался к случаю и написал Корнею Ивановичу следующие стихи:

КОНЕЦ ПЕРЕДЕЛКИНУ!

(экспромт от возмущения)

К. И. Чуковскому — никакйше

Был ресторан когда-то «Вена»,
 Он в Питере когда-то был;
 А ныне ставлю Нота-Бена,
 Пока случайно не забыл:
 Построил днесь судно речное
 Под титлом «Вена» демиург,
 А имя города чудное,
 И город этот — Корнейбург!
 Ни думские когда-то земцы,
 Ни в наши дни большевики
 Не делали того, что немцы
 Свершили: город у реки
 Там имя чествует Корней
 Иваныча, конечно, то ж;
 Красною до волос корней я
 За наших медленных святош...
 Ведь есть же Репино, хоть лягте,
 Так Переделкино — на свал!
 Топоним новый дам на факте:
 КОРНЕЙЧУКОВСК, — и кончен бал!
 Исканбер Ислахи

23/VII 63

Примечаний не требуется.

[по штемпелю: 30/VII 63]

Дорогой А. А.¹

Если Вы случайно встретите Искандера ибн Ислахи, спросите у него, пожалуйста, почему не заглянет он в Корнеевку (Чукоккала^{2*} то ж). Я принес бы ему свою благодарность из уст в уста — за его дифирамб и вообще,

Ваш К. Чуковский.

Где Нат. Ильина? Если встретите ее — greetings^{3*}.

Примечания

1. Эта открытка — в благодарность за мои стихи.

2*. Возможно, описка Корнея Ивановича: едва ли он назвал бы Переделкино (даже в шутку) именем своего же литературного альманаха.

3*. Greetings (англ.) — «приветы, поклоны».

Москва 22/IX 63

Дорогой Корней Иванович!

Большое Вам спасибо за книгу ^{1*}, а за надпись — вдвое! ^{2*}

Жаль, вкралась одна опечаточка на стр. 221 в цитате из моей рецензии на Б. Тимофеева ^{3*}: не «лингвистической инспекции», а ИНСПЕКЦИИ ^{4*}. Но это не так страшно.

Поругайте корректоров, что они на стр. 70 (внизу) поставили акут вместо грависа над «а»: tête — á — tête ^{5*}! Мелочь, а обидно.

Сам я в радикулите, а поэтому пишу à la Белинский: стоя. Неудобно. Шлю Вам одну Вашу фотографию, которой у Вас, возможно, нет.

Еще раз спасибо за дар!

Ваш А. А. Реформатский.

Примечания:

1*. Речь идет о книге К. Чуковского «Живой как жизнь» (М., 1963).

2*. Надпись на книге: «Конечно, А. А. Реформатскому — с любовью — первый экземпляр этой самоделковой книжонки. К. Чуковский. 1963. Сентябрь».

3*. Тимофеев Б. Правильно ли мы говорим? М., 1959. А. А. Реформатский опубликовал рецензию на эту книгу в журнале «Русский язык в национальной школе» (1962. № 1).

4*. К. И. цитирует в своей книге следующее место из рецензии А. А. Реформатского: «Одно дело выступать с речью на том или ином собрании..., другое дело говорить дома с близкими людьми... [Человек] вправе сказать и я забегу, и я заверну, и я заскочу. Скажет ли он приятелю: я звякну тебе завтра или закончит письмо: черкните мне несколько строк — всё это не может касаться «лингвистической инспекции», и не надо сердиться на «солидную даму», обещавшую своей знакомой что-то «тявкнуть» по телефону! Это фамильярный стиль, который не подлежит нормализации, так как здесь всё зависит от индивидуальной ситуации разговора, важно только, чтобы сам говорящий это чувствовал» (Русский язык в национальной школе. 1962. № 1. С. 80).

5*. Tête — à — tête (франц.) — «с глазу на глаз» (букв. «голова к голове»).

Москва 8/II 65

Магнотро магно, Корнелио аткве ^{1*} Крокодилно иллюстри-
симо!

Несказанно рад Вашему подарку!^{2*} Спасибо и спасибо! Перечитал, что знал (а у меня была книга Ваша 1930 г.,^{3*} но её спёрли) и всласть прочитал новое, что в отрывках Вы мне показывали в Переделкине. Стиль новых глав выдаёт руку 30-летнего автора: так это свежо, метко и озорно (особенно стр. 6, 8, 187!). И сколько же я накарандашил знаков восклицания на полях!

Есть и вопросы к Вам:

1) Почему И. Введенский^{4*} у Вас проходит вначале, а потом опять появляется, уже ближе к концу? Получились из-за этого повторения.

2) В чём дело в Библиографической справке? Вы пишете на стр. 353: «Насколько помню, брошюра^{5*} была через год переиздана с прибавлением статьи проф. Ф. Д. Батюшкова...» — неужели этого издания 1920 г. у Вас нет? Там статья С. Ф. Ольденбурга, 2 статьи Батюшкова, Ваша (о прозаическом переводе) и Гумилёва (о стихотворном). Если у Вас её нет, я Вам подарю (у меня 2 экземпляра).

3) На стр. 224 (1-я строка) И. Снегина, — на самом деле Ирина Снегова (кстати, урождённая: Балзак!).

Ещё раз, дорогой Корней Иванович, благодарю Вас за внимание (я не мог сразу ответить, так как был в Ленинграде).

Наталья Иосифовна плёт Вам свой привет.

Ваш А. А. Реформатский.

8/II 65

Примечания:

1*. Atque (лат.) — «и; а также».

2*. Чуковский подарил Реформатскому свою книгу «Высокое искусство» (М., 1964).

3*. Реформатский имеет в виду издание: Чуковский К. Искусство перевода (Academia, 1930), с тех пор значительно переработанное и дополненное автором.

4*. И. И. Введенский (1813—1855) — переводчик, критик, педагог.

5*. Брошюра — «Принципы художественного перевода» (1-е изд. — Пг., 1919).

Дорогой Александр Александрович!

Здорово высекала сегодня Наталья Иосифовна профессиональных мелиораторов советского брачного ложа¹. Но, конечно, для них это — божья роса, «лёгкое прикосновение мизинцев».

Хороший эпиграф к этой статье:

...Вперед, всю вашу сволочь буду
Казнить я казнию стыда,
А если я кого забуду,
Прошу напомнить, господа!²

Польщен Вашим благосклонным отзывом о моей неуклюжей книжке³. Следуя Вашим указаниям, выброшу (в новом издании) второго Введенского.

И ради бога (сегодня в «Лит.[ературной] Газ.[ете]» даже Софронов пишет «не дай бог») пришлите мне книжку со статьями Ольденбурга и Батюшкова. Если нельзя насовсем, хотя бы «на время». А если насовсем, то с Вашим автографом. Снегову в новом издании уиконтентую вполне.

Магистер магнус

Корнелиус аткве Крокодилиус

К. Чуковский

Изысканный привет Наталии Иосифовне!

11 февраля
1965

Примечания:

1. «Здорово высекла...» — имеется в виду фельетон Н. И. Ильиной «Лёгким касанием мизинцев...» — «Литературная газета», 1965, 11 февраля.

2. Предлагаемый эпиграф — может быть, плод собственных усилий Корнея Ивановича, а, может быть, и откуда-то?

* [Это отрывок из стихотворения А. С. Пушкина «О муза пламенной сатиры!...»:

А вы, ребята подлецы,—
Вперед! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда!
А если я кого забуду,
Прошу напомнить, господа!

(Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.—Л., 1947. Т. 2. С. 458).
Небольшая неточность («Казнить я» вместо «Я мучить»), которую допустил Чуковский, цитируя стихи по памяти, возможно, объясняется влиянием других пушкинских строк:

Когда владыка ассирийский
Народы казнию казил...

(Там же. Т. 3. С. 406) — Л. К.]

3. «Книжка» — это сборник статей о переводе 1920 года, где помещены статьи Ольденбурга, Батюшкова, Чуковского и Гумилёва (см. предыдущее письмо). Эту книжку Корней Иванович утратил когда-то, а я ему подарил.

Москва 19/II 65

Дорогой Корней Иванович!

Поражён Вашей молниеносной «отдачей», Вашей оперативностью и, конечно, самое главное, — шампанским взлётом слов и мыслей в Вашей очаровательной корреспонденции! Спасибо!

Книжку «Принципы художественного перевода», 1920 года дарю Вам навечно, но надписывать Вам Ваш же опус — слуга покорный! Вот, если выйдет моё новое «Введение...»^{1*}, и я буду не на Ваганькове, то пришлю наипервейше и с надписью, которую талант мне позволит сделать с тщанием и восторгом.

Если будете переиздавать «Высокое искусство», то дайте мне знать: я могу ещё поострить зубы на некоторые мелочи «в целях уточнения». Кстати, есть ли у Вас лично № 6, 1952 «Иностранные языки в школе»? Там моя статья^{2*}, которую Вы любезно процитировали, но смогли бы использовать больше (не в смысле цитат, а по пунктам от себя).

В № 1 «Русский язык в школе» есть некролог Сергея Ивановича^{3*}, а «Вопросы культуры речи» № 6, где должен быть и портрет, не знаю когда выйдет, хотя и сдан в производство^{4*}. Будет ещё в «Известиях ОЛЯ АН СССР» мой некролог, но без портрета^{5*}.

Сегодня чувствую себя прилично: 1) На Учёном совете дали по морде подлецам, завалившим из-за интриги докторскую диссертацию очень хорошего учёного Г. А. Климова^{6*}, а 2) сидел и пил чай с нашей общей приятельницей — Таней Литвиновой^{7*}, которая вызвалась передать Вам книжку! Я её зову «Крысоёмушка», а почему — она расскажет сама. Хочется когда-нибудь и повидаться лично, но это по Вашему выбору и вкусу. Пьсательница Н. И. Ильина шлёт Вам нежное безе!^{8*}

Ваш почитатель

Искандер Ислахи,

А. А. Реформатский то ж.

Примечания:

1*. Учебник А. А. Реформатского «Введение в языковедение» (4 е, исправленное и дополненное издание) вышел в 1967 году.

2*. Реформатский А. А. Лингвистические вопросы перевода // Иностранные языки в школе. 1952. № 6.

3*. С. И. Ожегов (умер 15 декабря 1964 года).

4*. В 6-м выпуске сборника «Вопросы культуры речи» (М., 1965) был напечатан некролог А. А. Реформатского «Памяти Сергея Ивановича Ожегова (1900–1964)», но без портрета С. И. Ожегова. Его портрет – в 7-м выпуске этого сборника (М., 1966), целиком посвященном памяти С. И. Ожегова.

5*. См.: Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1965. Вып. 2. С. 186–188.

6*. Г. А. Климов – кавказовед, в 60-е годы – научный сотрудник Института языкознания АН СССР (сейчас заведует в этом институте сектором кавказских языков).

7*. Т. М. Литвинова – переводчица, дочь наркома иностранных дел М. М. Литвинова.

8*. Vaiser (франц.) – «поцелуй».

Москва 5 ноября 1965

Дорогой Корней Иванович!

В тяжкий час Вашего горя хочу печалиться с Вами вместе, хотя я почти не знал покойного Николая Корнеевича ^{1*}...

Люблю Вас и крепко обнимаю.

А. А. Реформатский.

П. С. Скорблю и о нашем общем друге Николае Калининиче ^{2*}...

Примечания:

1*. Н. К. Чуковский (1904–1965) – сын К. И. Чуковского, писатель.

2*. Н. К. Гудзий (1887–1965) – литературовед, текстолог, исследователь древнерусской, а также русской, украинской литературы XVIII–XX веков, профессор МГУ.

Москва 11/VIII 66

Дорогой и обожаемый Корней Иванович!

Невероятно тронут Вашим подарком, а ещё более надписью на нём ¹... Юмиле! Или, как говорил диакон Ахилла в «Соборнах» Лескова: «Уизвлени!». Спасибо и ещё три раза большое русское мерси...

Как хорошо, что всё это выходит, и что Вас почитают, и даже в газетах с правнучкой печатают! Есть ли у Вас эта газета? ² Если нет, то вырезка у меня есть, и я по первому Вашему зову её пришлю.

Как хорошо, что именно в этом томе содержатся самые интересные для меня опусы: «Живой как жизнь» и «Высокое искусство», впрочем, я обожаю ещё «От двух до пяти» и сказки, например, «Телефон», который я исполнял на много голосов моей дочери Марии в её трудные детские годы во время войны... А, кстати, она молодец: нашла в окрестностях Пошехонья икону XIII века, и говорят, очень интересную! Горжусь такой дочерью! ³

Итак, достолюбезный сердцу моему, Корней Иванович – живите! отдышайте! думайте! пишите!

Хай живе Корнилие аткве Крокодилине! ⁴

Благодарный Вам поклонник и Ваш почитатель

А. А. Реформатский.

Примечания:

1. Подарок Корнея Ивановича был III том собрания его сочинений с надписью: «А. А. Реформатскому с благоговением Корней Чуковский. 1966. Август».

2. Снимок Корнея Ивановича с правнучкой был опубликован в газете «Вечерняя Москва».

3. М. А. Реформатская, искусствовед, научный сотрудник Третьяковской галереи обнаружила в забитой церковке близ Пошехонья икону Спаса нерукотворного, которую реставрировал Кишилов * [Н. Б. Кишилов – реставратор Третьяковской галереи].

4. *Титула* Корнея Ивановича ясны из предыдущих писем, связанных с Оксфордом и его посвящением «гонорис кауза».

[К. И. Чуковский – А. А. Реформатскому]

Ваше Преосвященство.

Я не видал той гнусной газетной заметки, которой сукин сын автор даже не показал мне перед напечатанием.

Будьте великодушны, пришлите мне оную.

Вашими приветливыми словами о моих опусах я чрезвычайно польщен, но еще больше порадовали бы меня указания на мои промашки и просчеты.

На днях выйдет книжонка «Живой как жизнь» отдельным изданием, там будет одна ссылка на Вас, коей Вы будете у контенто-ваны, надеюсь, вполне.

Сердечный привет Её Преосвященству (если только существует такой великолепный титул).

Ваш Корней Чуковский.

Авт.
1966

Москва 19/VIII 68

Высокочтимый Корней Иванович!

Мэтр, Верховный жрец! Мефистофель, Архангел Гавриил и Иоанн Дамаскин «един в трёх лицах божества»!

Даже не представлял себе быстроту Вашего ответа, при ловле блох только обычно проявляющуюся! Спасибо!

Вырезку из «Вечерней Москвы» незамедлительно высылаю, что же касается титула «Её Преосвященство», то, конечно, такового не было, по в языке бывает то, чего нет в жизни (срвн. мой пример: «Кентавр выпил круглый квадрат», «Введение...»^{1*}), но одно стилистическое примечание: не Её, а Ея Преосвященство!

Нонче отбываю к Перми, где, говорят, всё «э перми»^{2*} — надо воспользоваться! А, главное, подышать и дать отдых глазам, что всячески и Вам советую; нельзя же всё писать и корректуры читать! Берегите очи — они зеркало души и достойны особого внимания!

Не хворайте, не сдавайте Ваш чудесный топус, дышите!

Преданный Вам

А. А. Реформатский

Пы. Сы. Наталия Иосифовна покидает меня на буфетчиц и со мной не едет... Она шлёт Вам самые горячие приветы!

А. Р.

Примечания:

1*. См.: Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1960.

2*. А. А. Реформатский отправлялся на теплоходе по Волге и Каме; *est permis* (франц.) — «разрешено».

Москва 28 марта 1969

Дорогой и вечно-зелёный

Корней Иванович!

Счастлив, что могу опять к 31-му марта поздравить Вас с №№-летием и пожелать Вам «ни пуха, ни пера» во всех деяниях!

Когда-то Вы меня спрашивали, как называется «цветовой слух», я тогда не мог вспомнить, а потом забыл об этом. И – вдруг паткнулся, называется это:

СИНОПСИЯ

(у Римского-Корсакова, особенно у Скрябина; даже в карикатурном виде у «Сирина»).

Обнимаю Вас, уезжая, увы, в Крым, куда мы едем из-за моих проклятых бронхов!

Мы там будем в Ялте, в Доме творчества писателей...

Ваш

А. А. Реформатский.

И последнее:

Москва 19/X 69

Дорогой Корней Иванович!

Как грустно, что Вас упрятали в «Кунцевку!» «Такого БОЛЬШОГО и такого НУЖНОГО!» Но, коли Вы попали, то отлежитесь и отдохните как следует!

Мы тоже помаленьку побаливали, но вроде обошлось. Летом мы на Пахре активно дружили с Верейским, Антокольским и Ахмадулиной. И писали друг другу разные вирши, которые я собираю в «Пахроколу» по Вашим мудрым следам! ^{1*} Всё будет пряник потомкам! Когда Вы выйдете из «Кунцевки» и воспрянете духом, мы Вас включим в игру. Готовьтесь!

Желаю Вам, Корней Иванович, скорейшего выздоровления и возврата к бурной жизни!

Преданный Ваш поклонник

А. А. Реформатский.

28/X 69 К. И. скончался от инфекционной желтухи.

Примечания:

1*. А. А. Реформатский имеет в виду «Чукоккалу» – рукописный альманах, который К. И. Чуковский начал вести в Чуоккале близ Петербурга.

*Вступительная заметка, публикация и комментарии (со значком *) Л. П. Крысина ©*

Окончание следует

ЧТО ТАКОЕ КУЛЬТУРА РЕЧИ*

Е. Н. Ширяев,

доктор филологических наук,
Заведующий отделом культуры речи Института
русского языка АН СССР

Коммуникативный аспект культуры речи

В процессе развития культуры речи как науки гораздо больше внимания, особенно в советское время, уделялось нормативному аспекту культуры владения языком. Это во многом объясняется тем, что после революции к активной деятельности приобщались массы людей. Ясно, что общественная жизнь требовала владения литературным языком. Именно поэтому нормативный аспект культуры речи в то время был главной заботой лингвистов и всего общества.

Проблема культуры речи оставалась и в последние годы сталинщины, когда во всем, в том числе и в области языка предписывалось следовать готовым рецептам. Даже в прославлении любимого вождя нельзя было выйти за определенные «рамки»: «отец народов», «корифей науки»... Старшее поколение наших читателей без труда продолжит этот ряд.

Между тем лингвисты всегда хорошо понимали важность для культуры речи того, что мы называем коммуникативным аспектом. Еще в 20-е годы известный советский филолог Г. О. Вишокур, автор многочисленных работ по культуре речи, подчеркивал: «Для каждой цели свои средства, таков должен быть лозунг лингвистически культурного общества». Об этом же много позднее писал и С. И. Ожегов: «Высокая культура речи — это умение правильно, точно и выразительно передать свои мысли средствами языка. Правильной речью называется та, в которой соблюдаются нормы современного литературного языка... Но культура речи заключается не только в следовании нормам языка. Она заключается еще и в умении найти не только точное средство для выражения своей мысли, но и наиболее доходчивое (т. е. наиболее выразительное), и наиболее уместное (т. е. самое подходящее для данного случая), и, следовательно, стилистически оправданное».

Язык выполняет разные коммуникативные задачи, обслуживает разные сферы общения: одно дело язык науки и совсем дру-

* Начало см.: Русская речь. 1991. № 4.

гое — обыденная разговорная речь. Каждая сфера общения в соответствии с теми коммуникативными задачами, которые ставятся в ней, предъявляет к языку свои требования. Поэтому невозможно говорить в коммуникативном плане о культуре владения языком вообще. Речь должна идти о культуре владения разными функциональными разновидностями языка. То, что хорошо в одной функциональной разновидности языка, оказывается совершенно неприемлемым в другой.

Так, если для научной речи необходима точность, в том числе и точность в обозначении конкретных реалий, то в разговорной речи вполне нормативны такие, например, неточные обозначения, как *чем писать* (карандаш, ручка). Б. Н. Ельцин в своей книге «Исповедь на заданную тему» приводит такую полученную им записку: «Скажите, наши партийные руководители знают, что в стране нет элементарного: что поесть, во что одеться, чем умыться. Они что, живут по другим законам?»

Широкое признание получила типология функциональных разновидностей языка, сравнительно недавно предложенная академиком Д. Н. Шмелевым. Эта типология такова: разговорная речь; язык художественной литературы; функциональные стили: официально-деловой; научный; публицистический.

Как уже говорилось, главной отличительной особенностью языка художественной литературы является его особая предназначенность. Вся организация языковых средств здесь подчинена не просто передаче содержания, а художественной передаче. Главная функция языка художественной литературы — эстетическая (или поэтическая). С этой целью в языке художественной литературы могут использоваться все другие функциональные разновидности литературного языка, а также и нелитературные формы национального языка: диалекты, просторечие, жаргонизмы и пр. Известно умелое обыгрывание просторечия в рассказах М. Зощенко, охотно использует диалектные слова в своих произведениях В. Астафьев, немало слов лагерного жаргона в произведениях на соответствующую тему у А. Солженицына и т. п.

Роль языка художественной литературы исключительна. Неслучайно в название нормированного национального языка включено определение литературный. Именно в произведениях писателей отражаются все богатство и возможности национального языка.

Но обратимся к другим функциональным разновидностям языка.

Разговорная речь. Еще не так давно она рассматривалась в ряду функциональных стилей. Почему же, по мнению многих исследователей, разговорная речь должна покинуть этот ряд? Из-

вестный советский психолог и лингвист Н. И. Жинкин (50–60 гг. XX в.) писал: «Как это ни парадоксально, я думаю, что лингвисты долгое время изучали человека молчащего». И стоило только обратиться к живой, обычной речи, как они очень быстро поняли: ее особенности столь существенны, что их нельзя объяснить законами письменного (или, как еще говорят, кодифицированного литературного языка), теми законами, которые, в частности, зафиксированы в грамматиках. Разговорная речь отличается от кодифицированного литературного языка даже чисто внешними, не собственно языковыми признаками: она не подготовлена, спонтанна; говоря на быденные темы, мы заранее не обдумываем текст (тексты же письменные, безусловно, предварительно обдумываются); разговорная речь возможна только в неофициальной ситуации общения (нельзя выступать на собрании, читать лекцию на разговорной речи, в то время как кодифицированный литературный язык рассчитан на опосредованное общение; письменная форма этого языка для того и существует, чтобы общаться не только через расстояния, но и через века).

Эти внешние особенности разговорной речи порождают целый ряд ее языковых отличий — синтаксических, лексических, фонетических. Ведь в обычной жизни мы говорим совсем не так, как пишем. И в этом нет никакого нарушения правил культуры речи. Более того, если бы в обычных, бытовых ситуациях использовался кодифицированный язык, именно это было бы неприемлемым. Действительно, странно было бы сказать своему сыну: «Сходи в магазин „Булочная-кондитерская“ и купи пять калорийных булочек», и вполне нормально: «Сходи в булочную и купи пять калориек». Между прочим, приведенный противоестественный способ изъясняться не столь уж переален, как может показаться. К. И. Чуковский рассказывает:

«В поезде молодая жепщина, разговорившись со мною, расхваливала свой дом в подмосковном колхозе:

— Чуть выйдешь за калитку, сейчас же *зеленый массив!*

— В нашем *зеленом массиве* так много грибов и ягод.

И видно было, что она очень гордится собою за то, что у нее такая „культурная“ речь.

Та же гордость послышалась мне в голосе одного незнакомца, который подошел к моему другу, ловившему рыбу в соседнем пруду, и, явно щеголяя высокой „культурностью речи“, спросил:

— Какие мероприятия предпринимаете вы для активизации клева?»

Все хорошо на своем месте. Штампы, шаблонные выражения типа *зеленый массив*, несомненно, большое зло для разговорной речи, но, например, в официально-деловом общении без них не обойтись. В самом деле, невозможно представить себе вольную форму для заявления о командировке или отпуске, существуют установленные образцы дипломов, паспорта и т. п.

Особый жанр официально-делового стиля — это юридические документы: конституция, своды законов и пр. Главное для этих документов — четкие, полные, не оставляющие места для двусмысленности формулировки, ничто не должно уходить в подтекст, неявно выраженный смысл для официально-делового стиля не характерен. Некоторая тяжеловесность многих юридических текстов неизбежна, ср.: «Защита гражданских прав осуществляется в установленном порядке судом, арбитражем или третейским судом путем: признания этих прав; восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право; присуждения к исполнению обязанности в натуре; прекращения или изменения правоотношения; взыскания с лица, нарушившего право, причиненных убытков, а в случаях, предусмотренных законом или договором, — неустойки (штрафа, пени), а также иными способами, предусмотренными законом». Такие юридические тексты не предназначены для быстрого усвоения, они требуют иногда неоднократного прочтения.

Выбор языковых средств для научных текстов подчиняется таким требованиям, как последовательная логичность изложения, точное обозначение понятий и предметов. Научный текст невозможен без терминологии, поскольку именно она обеспечивает такую точность. Последовательное развитие научной мысли (логика мысли) требует того, чтобы новое предложение постоянно вбирало в себя смысл предшествующих. В тексты многих научных специальностей (математика, физика, химия, логика и др.) органически входят формулы. Поэтому научные тексты объективно трудны для восприятия. К ним нельзя предъявлять требование вседоступности. Следует, однако, заметить, что объективные трудности восприятия научных текстов не имеют ничего общего с субъективной трудностью некоторых научных изложений. Существует ложное убеждение, что наука и должна быть непонятна для непосвященных. Поэтому некоторые ученые, особенно начинающие, стараются во что бы то ни стало написать «позаковыристей», например, так: «...На месте генетического знания выступает значение реальное, или ближайший смысл из числа неязыковленных смыслов пространственной таксономии в роли коммуникативной абстракции». Прочтешь такое «неязыковленное» суждение — и тут же разоча-

руешься в своих способностях, потому как не приблизиться тебе к этому шедевру!

Следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Есть существенные различия между письменной и устной формами научного стиля. Вполне объяснима глубокая информационная насыщенность письменных научных текстов, поскольку письменный текст, если он не сразу понят, может быть вновь прочитан. Устный научный текст, например, лекция, такого повторного восприятия, естественно, не допускает. Поэтому опытный лектор подает информацию как бы порциями, часто возвращаясь к уже сказанному, вновь активизируя его в сознании слушающих. В результате семантико-синтаксическая структура устного научного текста оказывается весьма своеобразной.

Нетрудно видеть, что официально-деловой и научный стили имеют немало общего. Это прежде всего точность обозначений (термины), отказ от смысла в неявном выражении. Эти стили относятся к разряду строгих. Они рельефно отличаются от нестройной разговорной речи. Особое, промежуточное положение между строгими и нестрогими функциональными разновидностями языка занимает публицистический стиль. Известный языковед, президент Академии педагогических наук СССР В. Г. Костомаров, анализируя один из основных жанров публицистики — язык газет, показывал, что в нем соединяются две противоположенные тенденции: тенденция к стандартизации, свойственная строгим стилям, и тенденция к экспрессивности, характерная для разговорной речи и для языка художественной литературы. В. Г. Костомаров пишет: «К максимуму информативности стремятся научный и деловой стили... К максимуму эмоциональности приближаются некоторые бытовые и поэтические тексты... Газетное изложение не терпит ни той, ни другой крайности: в первом случае не было бы эмоционально-воздействующего эффекта (скучно, неинтересно), во втором — необходимой фактографичности (на одних чувствах)».

Итак, была сделана попытка в общих чертах определить основные языковые особенности функциональных разновидностей языка и дать рекомендации по культуре владения ими. Процесс создания текста определенной функциональной направленности — это творческий процесс, исключение составляют только некоторые канонические жанры официально-делового стиля. Творчество всегда предполагает проявление языковой индивидуальности. Каждая функциональная разновидность языка располагает таким богатым арсеналом языковых средств и способов их организации, что всегда есть возможность строить соответствующие тексты разнообразно, но во всех случаях эффективно.

ИЗ ДИСКУССИИ 20-х ГОДОВ О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ *

Еще раз о культуре языка

С. И. Бернштейн.

действительный член Российского
института истории искусств

Разрешите мне воспользоваться обещанием редакции «еще не раз вернуться» к вопросу, поставленному в заголовке этого письма. Мне бы хотелось несколько развить мысли, высказанные мною в заметке, напечатанной во 2-м номере «Журналиста». Исходной точкой послужат мне два типографские недосмотра, существенно видоизменившие текст моего ответа на предпринятую редакцией анкету.

В конце 1-го абзаца моей заметки пропущена фраза: «Именно в наши дни общим правилом стала циничная формула присылать материал в газеты: „Не заботьтесь о литературности изложения: редакция поправит — лишь бы было дельно“».

Это очень досадный пропуск, потому что пропущенная фраза содержит практическое предложение — отказаться от цитированной в ней формулы обращения редакции к корреспондентам. И это предложение, пожалуй, заслуживает более обстоятельного обоснования.

Я понимаю, что, — по причинам, указанным в заметке Л. П. Якубинского, — нельзя рассчитывать, что статья, написанная рабкором или селькором, всегда будет стилистически удовлетворительна и не потребует редакционных поправок. Безусловно, согласен и с замечанием редакции о том, что «в листовках, авторами которых являлись „необразованные“ рабочие, можно найти немало элементов свежей языковой культуры». В силу всего этого не следует считать «литературность» изложения первым и необходимым условием для напечатания статьи, — тем более, что, — как справедливо

* Начало см.: Русская речь. 1991. № 3, 4.

отмечает Д. Н. Ушаков, — самая «литературность» часто понимается ложно. Но, с другой стороны, я считаю безусловно вредным пренебрежительное отношение к языку, которое внушается корреспондентам газет упомянутой формулой. Напротив, надо настаивать и подчеркивать: «Всеми силами стремитесь к выразительности письменной речи. Но не смущайтесь, если не всегда вам удастся ее достигнуть». И потом, надо различать новую, нарождающуюся, рабочую и крестьянскую интеллигенцию, и профессиональных журналистов из среды старой интеллигенции; рабкоры и селькоры, еще не овладев в достаточной мере приемами письменной речи, тем не менее, уже и сейчас искупают свои ошибки свежей языковой струей, какую они вносят в стертый газетный язык; что же касается профессиональных литераторов, которые в огромном большинстве грешат против свежести и выразительности языка уж во всяком случае не меньше, чем рабкоры и селькоры, — то им, по справедливому замечанию Ленина, действительно «простить этого нельзя»: овладеть благами языковой культуры, выработать в себе отношение к языку как к деятельности, а не как к мертвому продукту — в их власти и в их силах; для этого достаточно доброй воли, и, если они ее не проявляют, то это, повторяю, надо отнести за счет пагубной языковой косности.

Хочется верить, что новая интеллигенция порвет с этой дурной традицией... Хочется верить, а между тем редакторы газет — в большинстве благонамереннейшие революционные деятели — пребывают в наивной уверенности, что редакция может всякую статью «поправить», не затронув мысли автора, не нанеся ей ущерба, не обесплодив ее. Не сказывается ли и тут отношение к языку, как к складу мертвых шаблонов, в которые может быть втиснута безразлично всякая мысль? Не забывают ли товарищи редакторы о том, что язык — не средство выражения готовой мысли, а орудие самого мышления? Поистине наивно думать, что из косной языковой формы можно вылущить яркую мысль: ведь проблеск мысли тускнеет уже в ту минуту, когда облачается в стертую форму, и никакая редакторская провицательность не восстановит его первоначальной яркости. Здесь, в области деловой прозы, как и в области художественной литературы, обнаруживаются допотопно наивные взгляды на взаимоотношение «содержания» и «формы».

Перехожу к другому недосмотру. В конце предпоследнего абзаца заметки пропущена фраза: «Надо учесть то разлагающее влияние, какое оказывает нынешний газетный язык на все грамотное население, изо дня в день впитывающее из каждого помера газеты языковую небрежность и косность».

Эта фраза не содержит, подобно первой, практических предложений, она только заостряет мысль, высказанную в предшествующей части текста. И все же, пропуск ее существенно искажает мою заметку. Дело в том, что заметка, как Вы легко можете усмотреть, написана в определенном стиле. Этот стиль в своих занятиях стилистикой я обычно определяю техническим термином «кумулярующий стиль». В произведениях этого стиля эффект создается накоплением однородных элементов. Одна и та же мысль повторяется, с небольшими вариациями, много раз и в различных языковых формах. Этот прием создает впечатление энергии, натиска. Потому он часто применяется в прокламациях — в литературных произведениях, предназначенных для того, чтобы побудить к действию. А ведь задача моей заметки — именно в том, чтобы побудить к действию, — задача агитационная. Согласитесь, что логическая сущность заметки легко укладывается в две фразы: «Ленин прав, утверждая, что наш газетный язык небрежен. Главным оружием борьбы за очищение языка должно служить хорошо поставленное преподавание практической стилистики». Согласитесь и с тем, что даже тот текст, который напечатан во 2-м номере «Журналиста» за моей подписью, выразительнее, а следовательно и действеннее (не действительнее) этих двух фраз. Наконец, едва ли Вы будете оспаривать, что если бы наборщик был внимательнее, и не пропустил двух фраз, которые я привел в этом письме, моя заметка значительно выиграла бы в выразительности и, опять-таки, в действительности. Ведь вся она сводится к воплю о стилистической небрежности газет, и читатель вправе требовать от нее известной степени стилистического совершенства. Иначе, провинциальный журналист, читая мои поучения, вправе будет сказать: «Врачу, исцелися сам». На примере стилистического разбора собственной заметки я попытаюсь показать, какое существенное значение с точки зрения «влияния на массы» имеют стилистические приемы и стилистическое построение.

В заключение мне хочется приветствовать почин редакции «Журналиста», поставившей на обсуждение вопрос о языке, и выразить надежду, что редакция не забудет своего обещания «еще не раз вернуться к этому вопросу». В частности, мне представляется желательным, чтобы, выслушав представителей научного языкознания, редакция обратилась с запросом к деятелям рабочей печати — прежде всего, к раб. и селькорам.

О цинизме, политической целесообразности и языковой косности

Дружеский ответ тов. С. Бернштейну

А. Курс

Пожмем сочувственно друг другу руки, уважаемый тов. Бернштейн: огорчение, испытываемое Вами по поводу «типографских недосмотров», как Вы вежливо выражаетесь, переживается нами с удвоенным страданием в связи с десятками других обид, ежемесячно причиняемых типографской кассой нашему журналу и его сотрудникам. «Наша техника — позор наш», и я не уверен, что когда я пишу *позор*, в журнале не будет напечатано *повар*... Эти неприятности мы изживем, когда поднимем на одну-две ступеньки нашу культуру — на этот раз не языковую, а печатную.

Но в одной вещи я должен сам повиниться, в чем и держу ответ. Вашу фразу: «Именно в наши дни общим правилом стала циничная формула: „не заботьтесь о литературности изложения: редакция поправит — лишь бы было дельно“» — эту фразу вычеркнул я, пользуясь своим редакторским правом и будучи преисполнен самых лучших намерений: я считал, что она портит Вашу ценную заметку. Но раз Вы настаиваете — ладно: воспользуюсь и я этим частным случаем, чтобы развить только одну мысль по поводу языковой косности наших литераторов, в особенности газетчиков. Спорить, собственно, мне с вами не приходится. Ваши рассуждения вполне правильны, но бьют они не в ту точку, куда следовало.

Вы лишь неправы, называя вышеприведенную «формулу» *циничной*. Это у Вас так выходит потому, что вы подходите к вопросу о языке исключительно филологически. Забывая о стороне политической. Мне не приходится объяснять, что газета, призывая своего читателя к сотрудничеству, преследует не литературные, а общественные цели. Поэтому ее предложение не цинично, а совершенно целесообразно, ибо всем известен страх слабограмотного человека перед редакцией. А ведь письмо именно этого «необразованного» человека нам важно получить. Чему наша «циничная» формула и способствует.

Так что не в этой «формуле» беда, — несчастье в «циничном» выполнении второй ее части. Чем плохо — «не заботьтесь о литературном изложении»? Ведь мы с вами, тов. Бернштейн, вместе против «литературности», против литературных трафаретов, по-

рождающих косность языковых форм. Стало быть, эта часть «формулы» правильна, а что до второй части, то она вызывается тем, что каждый слабограмотный человек хочет быть уверенным, что его писание появится в печати в «приличном» виде. Вот тут-то мы и приходим к нашей беде — отсутствию языковой культуры, отсутствию чутья свежего языка у тех, кто обязан «поправить» — лишь бы было дельно.

Проблема правки газетного материала очень важна, а между тем этим делом, насколько мне известно, наша филология до сих пор не занималась, как и вообще вопросом газетного стиля (за исключением тов. Винокура, с которым во многом согласиться нельзя, но это уже другой разговор). Как же разрешается эта проблема в наших газетах? Можно с уверенностью сказать, что в девяти случаях из десяти она решается именно в сторону «литературирования» живого русского языка рабкора или селькора. В девяти случаях из десяти простые, «грубые», пропитанные бытовой образностью и жизненной силой выражения рабкорских и селькорских заметок расплющиваются карандашом «косноязычного» правщика, заменяясь плоскими литературно-газетными трафаретами.

Вот где корень данного вопроса. А они, эти правщики наши, являются ведь воспитателями тех, кто пишет в газету со стороны. И мы замечаем тревожные признаки того, как под влиянием «косноязычного» воспитания рабкоры начинают писать неоправимыми шаблонами. Вот где беда и опасность не только с точки зрения филологии, но и с политической точки зрения. Шаблоном прикрывается отсутствие мысли — может ли газета, полная шаблонов, осуществлять свою политическую задачу?...

Итак, чтобы выйти из круга рассуждений «вокруг вопроса», надо нам что-то сделать для оздоровления нашего газетного стиля (стиля массовой литературы тоже). Что нам могут конкретно предложить по этому поводу филологи? Не примкнете ли к нашей «Ассоциации газетной культуры», тов. Бернштейн, вместе с Вашими талантливыми друзьями? Не возьметесь ли Вы поработать с нами над анализом газетной формы и стиля? Наш общий друг, порывистый Виктор Шкловский, говорит, что он достоверно знает, «как сделан» автомобиль «Испана Суиза» и «Дон-Кихот» Сервантеса. А я бы хотел заставить его показать нам, «как сделана» хорошая газета: право, последняя имеет сейчас в тысячу раз больше потребителей, чем милый старый «Дон-Кихот».

Порча языка или болезнь роста?

И. Фомин

Вопрос о порче русского языка нужно рассматривать не филологически (а этот подход не может не сквозить в ответах филологов), а социологически. В самом деле, так ли уж стоит горевать по поводу переполнения русского языка новыми словами, комбинациями слов, оборотами «жаргонного происхождения»? Язык отражает жизнь и развивается не из самого себя, а обогащается самой жизнью. Жизнь вводит всякие «жаргонные» словечки, иностранные слова и обороты в язык, — благодаря им язык развивается, а часто и перерождается в какой-нибудь новый язык. И никто не горюет о том, что исчезает кельтский язык, что умерла латынь, а живут ее потомки — романские языки: никто не считает жаргонном английский язык.

Наша революция создала множество новых учреждений массового, всесоюзного масштаба, вызвала необходимость во множестве новых терминов, и чутье массы потребовало экономии языковых средств, заменив «агитационно-пропагандистский отдел» — агитпропом, «губернский комитет» — губкомом и т. д. Что это чутье массу не обмануло, видно именно из того, что полное название учреждения звучит подчас чуждо и непонятно, а близко и ясно новое слово. Это слово — термин, и поэтому, если многие не сообразят, что такое «исполнительный комитет», то зато всякому будет ясно, если мы скажем «исполком». Конечно, многие такие сокращения будут совершенно непонятны через несколько лет (что такое «чусоснабарм?»), но сама жизнь такие сокращения отвергнет, и они исчезнут, не оставив никакого следа в языке. Такие слова, ясное дело, в русский словарь не войдут, и в литературе (не газетной) должны использоваться с оговорками. Верно, что мы очень злоупотребляем сокращениями и без всякой надобности говорим «детдом», «зубврач», но это, несомненно, явление временное, а, кроме того, настолько ли сие важно, чтобы ломать копыя из-за «зубврача».

Нас интересует не это коверкание русского языка, а другое явление, гораздо более серьезное и имеющее поэтому гораздо большее значение.

Совершенно исчезло из употребления слово «падевать». Во всех случаях жизни его заменило «одевать». Зато популяризировано малоизвестное массам слово «местничество», но ныне это слово означает совершенно иное понятие. Искони под словом «местничество» понимали борьбу за место у княжеского стола, сорев-

нование о старшинстве рода. Теперь «местничеством» определяется местный патриотизм, интересы «своей колокольни». Здесь мы имеем дело уже не с жаргоном, не с новообразованиями, а просто с безграмотностью, вроде слова «будировать», о котором писал В. И. Ленин. Сами по себе эти факты незначительны, но они происхождения общего с тем явлением, на котором мы хотим остановиться.

Наша революция всколыхнула огромные массы рабочих и крестьян. Мы теперь имеем известное преобладание развития культуры вширь над развитием вглубь. Это, безусловно, явление прогрессивное. Потому что, какая цена углублению и уточнению культуры, когда массы коснели в пицете и невежестве? А интересы культуры, — если только можно говорить о каких-то специальных интересах культуры, — лишь выиграют, ибо колоссальны возможности, предоставляющиеся в будущей культуре, которую будет двигать не кучка привилегированных, а миллионы пролетариев.

Однако, теперь, как верно указал в предпринятой «Журналистом» анкете проф. Якубинский, массы переживают период «учебы». А этот период, как период переходный, не может не отличаться своеобразием, от которого коробит иных блюстителей «чистоты» культуры.

В деле воспитания масс колоссальное и исключительное значение имеет у нас современная советская печать. Печать, рупор партии и власти, учит массу, руководит ею, ставит перед ней определенные задачи и помогает ей эти задачи разрешать. Стоит какому-нибудь большому советскому работнику создать в статье новый образ, бросить новое словообразование, как этот образ, это словообразование, с быстротой почты распространяется по всему Союзу, и вся читающая и пишущая масса начинает это слово жевать и пережевывать. И скоро, вместо образа, мы имеем шаблон, штамп. Как нам намозолили глаза выражения — «грызть гранит науки», «перевариться в котле революции». А такие выражения, как «профессиональная, партийная и проч. линии», «в общем и целом», «обработка масс» (будто массе не доказывают, не убеждают, будто масса не осознает, а обрабатывается).

С. Бернштейн указал на изобилие в газетах «банальных и стертых образов, навязших в зубах и потому бездейственных словосочетаний». Но здесь беда не столько в невыразительности такой речи, как пишет С. Бернштейн, сколько в гораздо большем грехе: злоупотребление штампованными выражениями и шаблонными образами означает связанность мысли, ослабленную самостоятельность мышления. Где шаблон и штамп, там нет творчества. Если статья пестрит бесчисленными «достижениями», «увязками» и «не-

увязками», значит содержательностью она не блещет. Что говорит, например, такая, выхваченная нами наугад из газеты, фраза: «Работа последнего пленума была направлена на внедрение в широкие массы линии партии»?...

Но этот грех — пониженная самостоятельность мысли — есть своеобразие периода учебы. Следовательно, он и будет существовать в больших или меньших размерах, пока длится учеба. А ведь учатся еще не только рядовые пролетарии, но и многие руководители в провинции.

Из сказанного следует, что панацеи против порчи языка искать не приходится. Здесь нет болезни, требующей быстроедействующих средств. Здесь только болезнь роста. Следовательно, не лечить надо, а руководить, направлять. Надо только уяснить себе проблему, понять, что она заключается не в понижении выразительности речи, а в ученическом подходе пишущих сейчас в газетах. И медленно, исподволь это ученичество изживать.

Журналист. 1925. № 4.

Публикацию подготовила
О. Л. Дмитриева,
кандидат филологических наук ©

*Беседы о языке рекламы**

ДИНАМИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС В РЕКЛАМЕ

Н. Н. Кохтев,

кандидат филологических наук

Реклама не терпит многословия и усложненно-аморфных синтаксических оборотов, так как по своей природе она динамична. Надо иметь в виду, что существуют некоторые типы предложений, с помощью которых можно усилить изложение, а кроме того, четко сконструировать текст рекламы, что немаловажно для ее восприятия.

Но сначала сравним два фрагмента из рекламных текстов:

1) «Об акционерном обществе „ЛЭНД“ можно было бы сказать коротко: это большой успех в кратчайшие сроки. Но прежде чем эскиз Пикассо стал стоить тысячи долларов, художнику потребовались десятилетия упорного труда. Дружной команде А/О „ЛЭНД“ успех принесли солидная теоретическая подготовка в экспериментальном творческом научно-производственном объединении АН СССР, умелое сочетание передовых идей с бизнесом, честность с клиентами и учет интересов партнера (...) Наука и бизнес — сообщающиеся сосуды, они помогают сохранить высоким общий уровень. Когда-нибудь и мы научимся делать то, что сегодня предлагает для продажи А/О „ЛЭНД“. Пока это — лучшее из того, что предлагает мировой рынок, не говоря об отечественном».

2) «Русский страховой банк

Привлекает свободные денежные средства. Гарантирует 15% годовых.

Предоставляет кредиты.

Осуществляет страхование валютных инвестиций, прибыли, кредитов.

Предлагает услуги по медицинскому страхованию.

Производит страхование персонала предприятий, страхование от безработицы.

* Начало см.: Русская речь. 1991. №№ 2—4.

Производит правовую защиту объектов техники и технологии по категориям изобретений, промышленных образцов и „ноу-хау“.

Разрабатывает и регистрирует товарные знаки.

Первый фрагмент воспринимается с большим трудом, поскольку в нем отсутствует четкая структура, текст как бы сливается. Второй — динамичен, имеет четкую структуру за счет выделения однородных глаголов, и потому легче и эффективнее воспринимается.

К динамическому (иногда его называют экспрессивным) синтаксису относят некоторые стилистические фигуры (стилистическая фигура — оборот речи, синтаксическое построение, используемое для усиления выразительности высказывания). Они-то и придают динамичность рекламе, повышают ее результативность. Останемся лишь на некоторых фигурах.

П а р ц е л л я ц и я — членение предложения, при котором содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких фразах, следующих одна за другой после разделительной паузы. Например, можно написать так: *Конкуренция — дело живое, творческое и сугубо конкретное.* По-можно и так: *Конкуренция — дело живое. Творческое. И сугубо конкретное.* Второй пример иллюстрирует явление парцелляции. Конечно, не каждое словосочетание можно парцеллировать, например, нельзя разделять подлежащее и сказуемое, поскольку их связи очень сильные.

Приведем пример парцелляции в рекламе:

«Сбергательный банк — Ваш экономический советник.

Вы помните себя в шестнадцать? Правда, прекрасная пора? Время надежд. Стремлений. Желаний. Время, когда кажется, что самое лучшее у тебя еще впереди, и ты готов одолеть любые вершины (<...>)

Мы рады помочь Вам, внимательные родители! Добрые! Заботливые! Сбергательный банк СССР принимает целевые вклады на детей до 16 лет. Причем вкладчиком может стать любой! Независимо от родственных отношений!»

Не менее интересна и так называемая с е г м е н т и р о в а н н а я конструкция. Это такая конструкция, в первой части которой называется предмет или явление с целью вызвать представление о них, в последующей части они получают второе обозначение чаще всего в форме местоимения или, реже, в форме синонима. Например: *Все ли могут короли бизнеса? — Короли бизнеса. Все ли они могут?; Я очень люблю театр. — Театр... Я очень его люблю.* Несколько примеров из рекламы: *Индийские йоги, кто они?* (из рекламы фильма об индийских йогах); *Оздоровительный центр. Что это такое?* (из рекламы оздоровительного центра);

Производственный кооператив «Стройсервис»... Чем он занимается? (из рекламы строительного кооператива).

Вопросо-ответные конструкции создают непринужденность изложения. Составитель старается предугадать вопросы потребителя, задает их и отвечает на них. Это стимулирующий прием, так как он вызывает активный, повышенный интерес со стороны потребителей.

«Вы хотите вернуть опрятный вид своей любимой зачитанной книге? привести в порядок газетные вырезки и детские книги вашего ребенка? пополнить свою библиотеку последними новинками современной журнальной прозы и публицистики?»

Если „да“ — то запишите адреса, где принимаются заказы, на переплет книг и журналов...»

И парцелляция, и сегментированные конструкции, и вопросо-ответные единства имеют разговорную окраску.

Чтобы привлечь внимание читателей на объект рекламы, а также для эффективного запоминания текста, часто используется повторение одного ключевого слова или группы ключевых слов: «Новое судно — новые доходы» (в рекламе В/О «Судоимпорт»); «Новое время — новые песни» (в рекламе В/О «Международная книга»). Еще пример:

«Высокая чистота полупроводниковых материалов

Высокая производительность

Широкая автоматизация

Широкое применение комплексных операций

Только на установке...»

(реклама В/О «Техмашэкспорт» установки для получения монокристаллов).

Типы повторов могут быть различны. Анафора (единица) — это повторение отдельных слов или оборотов в начале предложений или отрывков, из которых состоит высказывание. Этот прием также позволяет выделить основное слово и создать динамику рекламного текста. Вот как выделяется в следующей рекламе ее объект — сертификаты:

«Сертификаты Сберегательного банка СССР — ценные бумаги на предъявителя.

Сертификаты — выпускаются достоинством 250, 500 и 1000 рублей.

Сертификаты — предназначены для хранения денежных средств в течение 10 лет с выплатой дохода дифференцированно в зависимости от срока хранения.

Сертификаты – свободно продаются, принимаются на хранение и по предъявлении паспорта оплачиваются в любом филиале Сберегательного банка СССР.

Сертификаты – удобная форма долговременного хранения денежных средств».

В рекламе может использоваться и э п и ф о р а (единоокончание) – повторение слов или выражений в конце предложений или смежных отрывков. Например: «Ценные бумаги на предъявителя – сертификаты... Удобная форма долговременного хранения денежных средств – сертификаты».

К этим фигурам близок п а р а л л е л и з м – одинаковое синтаксическое построение отрезков речи. Например:

«Школа культурной политики

проводит философские и методологические исследования в проблемных областях гуманитарного знания.

Школа культурной политики

разрабатывает вопросы гуманитарной поддержки культурных инициатив, регионального развития культуры и систем образования, культурной миграции и занятости.

Школа культурной политики

осуществляет программы развития, требующие создания междисциплинарных коллективов и взаимодействий представителей различных сфер деятельности...»

Весьма эффективна в рекламе а н т и т е з а – оборот речи, в котором для усиления выразительности и лучшего запоминания текста используются противоположные понятия. Например: «По малой воде на большой скорости.

Пассажирский теплоход на подводных крыльях „Полесье“ успешно эксплуатируется в светлое время суток на реках с малыми глубинами...»

В рекламном лозунге здесь использована антитеза.

Г р а д а ц и я – стилистическая фигура, состоящая в таком расположении слов, при котором каждое последующее содержит усиливающееся (реже – уменьшающееся) значение, благодаря чему создается нарастание (ослабление) производимого ими впечатления. Обычно градацию применяют, когда приводят различные цифровые сопоставления и располагают их по мере усиления. Отдельные слова, фразы, иногда целые абзацы рекламного текста выстраиваются в порядке их нарастания. Вот интересный пример градации в одной зарубежной рекламе советского автомобиля «Москвич»:

«Знаменитый гоппик ошибается»

Когда советские машины прибыли в Лондон, некоторые отнеслись к ним с недоверием. Известный гоппик Джек Форрест, просмотрев список участников, отметил только двадцать автомобилей, которые, по его мнению, могли бы дойти до Сиднея. „Москвичей“ среди них не было.

В Лондоне перед стартом его спросили: «Выдержат ли „Москвичи“ гонку до конца?» Он ответил: «В лучшем случае — до Бомбея». В Бомбее Джеку Форресту снова пришлось столкнуться с этим вопросом. «Я вижу здесь все четыре „Москвича“, — резюмировал он. — Однако, впереди дороги Австралии, которых им не одолеть. В лучшем случае, идеальном, придет один».

Наконец, в Сиднее после финиша советской команды Форресту напомнили о его прогнозе. Он развел руками, покачал головой и сказал: „Москвич“ — очень сильная машина».

С помощью градации автор этого текста с каждой фразой усиливает интерес читателя к высказыванию знаменитого гоппика на разных этапах состязания автомобилей. Такая реклама, содержащая много фактических данных, звучит убедительно.

Для усиления психологического воздействия на читателей в рекламе нередко используется *о б р а щ е н и е*. Риторическое обращение — стилистическая фигура, состоящая в подчеркнутом обращении к кому-либо для усиления выразительности. Это важное языковое средство не только оживляет текст, но и помогает установить контакт с будущим потребителем. Безусловно, реклама, обращенная к конкретной категории читателей, обладает наибольшей действенностью. Например: «Для вас, специалисты!», «Дорогие женщины!», «Дети!», «Любители охоты!», «Автолюбители!», «Мамы и папы!».

Вполне оправданно в рекламе обращение на «Вы», поскольку каждый читатель, естественно, принимает информацию на свой счет и становится как бы собеседником автора.

Р и т о р и ч е с к и й в о п р о с — стилистическая фигура, состоящая в том, что вопрос ставится не с целью получить на него ответ, а чтобы привлечь внимание читателя или слушателя: «За час до вылета салат с креветками в вине, свежие огурцы и помидоры, вырезка по-внуковски, корейка по-внуковски.

Вкусно. Не правда ли?

Отправляясь в воздушное путешествие из аэропорта „Внуково“, не забудьте попробовать эти деликатесы».

Большой заряд экспрессии несут восклицательные предложения. Например: «Удивите гостей!»

Для этого вам не понадобится ничего „экзотического“. Необычные рецепты, хитрые кулинарные приемы помогут вам создать оригинальные кушанья из самых обыкновенных продуктов...»

Широко используются в рекламном тексте прямая речь и различного типа разговорные конструкции. Например:

«Ресторан „Волга“

„Это великолепно!“ – сказали японские туристы, побывав здесь недавно. А уж они-то знатоки рыбной кухни. Все лучшее, что создано поварами из рыб, можно попробовать в этом замечательном ресторане...»;

«Где посадить тещу?

тестя, свекровь и прочих родственников? Какие рюмки и бокалы поставить перед молодоженами? Кто разрежет свадебный торт? Все эти вопросы отнюдь не праздные, так же, как большой интерес представляют, вообще, правила вашего поведения в обществе. Как сидеть за столом, как есть? Не рекомендуется сидеть слишком далеко от края стола или слишком близко, класть локти на стол. Сидеть следует прямо, не нагибаясь над тарелкой. В то же время, если слишком далеко откинуться на спинку стула, можно закатать костюм. Даже суп надо есть умеючи. Ложкой черпать от себя. Следить, чтоб суп с ложки не стекал обратно в тарелку. Ложку подносят ко рту левым широким краем...

Обо всем этом живо и интересно рассказывается в недавно вышедшей книге издательства „Экономика“ „Организация обслуживания в ресторанах“. В книге 250 страниц, 14 глав. Написана она как учебник и предназначена для официантов, тем не менее прочитать ее интересно каждому. Особенно сегодня, в праздник, сейчас, когда через несколько минут откроется дверь и к вам войдут ваши гости».

Мы рассмотрели лишь основные конструкции динамического синтаксиса, который эффективен в рекламе, так как способствует достижению главной цели рекламного текста – быстро и результативно воздействовать на восприятие.

*«Спонсируя свою милицию»,
у меня слетела шляпа...*

Заметки журналиста

Л. А. Региня

Да, да именно так: «Спонсируя только „свою“ милицию, руководители предприятий не понимают, что преступность прорвется в другом, „слабом“ районе» (Вечерний Ленинград. 1990. 14 ноября). Слово «спонсор» мы приняли в свой речевой обиход без особого восторга. Живое чувство русского языка противилось ему. Мы иронизировали, пародировали, негодовали: «Что бы сказал Пушкин?» Но – привыкли. Пустили козла в огород. И что же? Обратившись в деепричастие, чужое слово превысило меру и стало безобразным для слуха.

Деепричастие при нашей-то варварской безграмотности лучше бы вообще оставить в покое. Но мы его как раз обожаем. (Правда, *обожать* – это, по Далю, почитать кого-либо богом, божеством, и потому обожать можно Настасью Филипповну, а не борщ или деепричастие. Смысл выветрился, а слово живет.) Так вот – пишущие и ораторствующие обожают деепричастие: «Говоря о городе, он очень красивый...»; «Исходя из этого постулата, остальные проблемы решаемы...»; «Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа...». Эту последнюю фразу как классический пример неграмотного употребления деепричастия нам подарил Чехов, и мы еще в школе должны были зарубить себе на носу, что подъезжал к станции я, но никак не шляпа, и, подъезжая, именно я или замешкался, или не предугадал внезапного порыва ветра, и шляпа моя слетела. Я – субъект действия, а шляпа – объект. Деепричастие всегда относится к субъекту. Так что «исходили из постулата» тоже я, мы, они, и вот, «исходя», я, мы, они полагали, видимо, что «остальные проблемы решаемы...»

Но до того ль, голубчик, было?.. Слова слетают и с уст, и с пера, не связанные между собой логикой и смыслом, пренебрегающие нормами грамматики, лишённые прелести, благозвучия и аромата – бедные слова... «Тревожная тенденция», «нестандартная ситуация», «неординарные меры», «структурные сдвиги», «пегатинные явления», «деструктивные элементы»... Я выбираю даже не

шокирующий, а самый обычный ряд бесконечно употребляемых словосочетаний, которые проскакивают мимо создания, не задерживаясь, до того они стерты и тусклы. Но ведь в этом и назначение бюрократического языка — замаскировать явное, уйти от правды, от честного ответа. Фельетон Юрия Макарова в «Известиях» (1991. 23 февр.) точно и своевременно спародировал эту фальшивую манеру: говоря — ничего не сказать: «На любой неприятный вопрос сперва — решительное отрицание самой его сути. Затем, не меняя выражения лица, — на полном серьезе выдается поток слов, не имеющих никакого смысла (бедное деепричастие, и тут, не желая, я на него нарвалась. — Л. Р.). Что-то вроде: „Эне, бене, раба, квинтер, финтер, жаба“. Или: „изучение консенсуса конфронтации для стабилизации, и процесс пойдет“. Что в принципе все равно».

Автоматизм подобного «аляляканья» нередко приводит к курьезам. Некий депутат сообщает в газете, что идея карточек разрабатывалась «совместно с ответственными работниками служб исполкома, и что товаров вполне хватает, чтобы обеспечить ленинградцев минимумом (изящень здесь творительный падеж! — Л. Р.) необходимых продуктов» (Вечерний Ленинград. 1990. 14 ноября). Каково заявление! «Вполне хватает» в сочетании с «минимумом» носит неприкрыто издевательский характер. Либо уж в п о л н е (и тогда максимум), либо м и н и м у м (и тогда неполное). Два же выделенных слова исключают друг друга. Уж не честнее было бы прямо и написать: «товаров вполне хватает, чтобы ленинградцы не умерли с голоду». Случайно намешанные слова передают характер равнодушного отношения к людям, или, как принято нас называть на казенном языке, к населению, которое все проглотит — и уже не дешевую синтетическую колбасу, и дешевое синтетическое слово.

Ленинградская писательница Зоя Журавлева в обстоятельном очерке «Уповаю на лаврах, стою на вершине развала...» (Невское время. 1991. 26 января), посвященном патологии современного русского языка, категорически заявила: «Я-то, если по-честному, только тогда поверю правительству, когда оно станет объясняться со мною на достойном себя, меня и русского языка языковом уровне: ясно, четко по мысли, грамматически-безупречно и стилистически — объемно». Ставлю под этим высказыванием и свою подпись, поскольку убеждена, что никакая борьба за чистоту речи не поможет делу до тех пор, пока язык будет служить инструментом обмана и манипулирования общественным сознанием. Слово и этика, слово и совесть неотделимы друг от друга. Распад смысловых языковых связей говорит об отклонениях на общественном и че-

ловеческом уровнях. Когда мне предлагают принять лозунг «радикального обновления страны на основе сохранения и приумножения уже созданного достоинства» (Известия. 1991. 12 марта), мой здравый рассудок бунтует. Я хочу понять и не понимаю, за что меня агитируют: за обновление или за сохранение? И за кого меня держат? Язык выявляет и неискренность, и невежество...

Кстати, а вы знаете, что такое жупел? Ведя занятия в Школе молодого журналиста на тему «Язык и стиль газеты», я задала этот вопрос в двух группах, и ни один из тридцати моих учеников не смог сказать, что значит это слово. Признаться, и я в свое время открыла словарь, когда в газете «Советская Россия» (4 марта 1990 г.) в полемической статье, направленной против Анатолия Собчака, прочла: «для чего вдруг уважаемому депутату понадобилось размахивать истрепавшимся жупелом „Нины Андреевой“?» Не будем задаваться досужим вопросом, почему Нина Андреева в кавычках (ведь она реальная и любимая женщина «Советской России»), а уважаемый депутат (презираемый той же газетой) без кавычек? Нас интересует другое. Итак, по Далю, жупел — это «горящая смола, жар и смрад», а по Ожегову, «вечто, внушающее ужас». Так что жупел даже в переносном смысле не зная, не выпел, не жезл, чем можно было бы «размахивать». Истрепаться он не может.

Эрудиция не в том, чтобы щегольнуть невиданным словом, а в точном, уместном его употреблении и в безошибочном попадании в цель. Как блестяще и своевременно вытащил Юрий Карякин «ждановскую жидкость» из Достоевского — в тот самый момент, когда общественные силы, взявшиеся стереть мрачное имя А. А. Жданова из названия города, с вывесок университетов, дворцов пионеров и судоверфей, нуждались в подтверждении своей правоты. В прошлом веке ждановской жидкостью заглушали трупный запах, а в годы тоталитарной власти над умами (XX век) — ею окропляли культуру. Неожиданное сочетание Жданова и ждановской жидкости имело поразительный эмоциональный эффект. А что если Карякин, спросил меня один дотошный человек, пошел на допущение и назвал трупную жидкость ждановской ради этого эффекта? Мыслимо ли, мол, такое совпадение?.. Ах, мы все учились понемногу... Что ж, откроем предпоследнюю главу «Идиота», между прочим, по указанию самого Карякина, и прочтем: «Я ее клеенкой накрыл, хорошею американской клеенкою, а сверх клеенки уж простыней, и четыре склянки ждановской жидкости откупоренной поставил...». Надо быть Карякиным, чтобы сильный образ, вызванный злобой дня, явился из недр глубочайшей культуры и образованности, соединился с острым умом и великолепной ре-

чивой свободой и таким образом непосредственно воздействовал па чувство. Чувство подтолкнуло поступки, и долгая борьба увенчалась победой. Слово сыграло в ней решающую роль.

А позже, выступая в Ленинградском технологическом институте, Юрий Федорович узнал, что в свое время в «технологжке» учились братья Ждановы, они-то и изобрели жидкость, названную по их имени ждановской.

Вот если бы с таким мастерством все выходили на публику! Но чаще, к сожалению и стыду, приходится читать и слышать речи невпопад, угадывать смысл предложений, путаясь в их синтаксическом хаосе, пробираться сквозь цепи родительного или дательного надежей, впадать в тоску от неправильных ударений, своевольного цитирования классики, новообразованного канцелярита... Все эти «озабоченности», «узаканиваем», «подытаживаем», «мы не заметили о том», «овладение школьниками прочными навыками», «на выборе образцов поведения ребенка скажется тип отношения в семье, которая в свою очередь служит индикатором нравственного состояния общества», «согласованный с предприятиями план мероприятий», «сформирован раздел социально-бытового развития на основе целевых программ с увязкой с материальными ресурсами», «ушовая на лаврах», «воочию делил хлеб» и так далее — разве не грубое издевательство над языком?

Когда депутат из зала заседаний взывает к коллегам: «хватит петь мифирамбы!», мы смеемся у своих телевизоров по-детски нечаянной словесной находке, но зрелому деятелю и невдомек, что он все смешал и перепутал, как путает желающий казаться «умным» экзерсис с катарсисом, а экстремальность с экстремизмом. «Ушовая на лаврах, стою на вершине развала...» — точнее, кажется, не скажешь.

Не ссылаясь на авторов, да и не всегда они известны, назову ряд вошедших в обиход нашего новейшего времени слов: *гулаз*, *отказник*, *самиздат* и *тамиздат*, *невозвращенцы*, *образованцы* и *образованщица*, *минаандреевщица*, *накашпировать*, *бандократия*, *сексплуатация*, *интердевочка*, *демократизатор*, *бровеносец*, *покупанты*, *подписант*, *депутанты*, *подгассовка*, *брежневить*, *одобрямс...* Я уж не говорю о море-океане иностранных слов от *стагнации* до *презентации* и от *брифинга* до *консорциума*. Обогастило это наш язык? Или замусорило? Вопросы не праздные. Язык политиков, философов, экономистов, социологов стал языком повседневности. Без «популизма» и «плюрализма» мы теперь и за обеденный стол не садимся. Не задумываясь над точными определениями, решительно все называем «непростой ситуацией».

Пышным цветом расцвел молодежный сленг — тема особого разговора. *Пипл, аск, флэт, хайр, еерла, крыша, мажоры...* «Всё в кайф», — так называется словарь, который выходит в Ленинграде. Институт социальных проблем молодежи смотрит в корень: в языке, как в зеркале, отражаются человек и время.

Есть язык академический, книжный, партийный, молодежный, канцелярский, уголовный, казарменный, богословский и т. п. Обретает зримые черты депутатский язык, складывается многослойный образ языка перестройки.

Что происходит с нами, какие мы — об этом нам прежде всего сообщает слово. Раньше, чем мы разберемся в происходящем, явится оно и назовет вещи своими именами.

Помните, какое очищающее действие произвел на нас фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние»? Он совпал по времени с началом перестройки и стал ее сильным эмоционально-художественным прологом. «Скажите, это дорога ведет к Храму?» — на философском вопросе фильм кончился. Вопрос был обращен к нам. Пока мы не изживем в себе бесчестье, страх, ложь, рабство, дороги к Храму для нас нет. Лучшие литераторы, как разнорабочие, взялись расчищать дорогу к Храму, освобождая человека от груза мертвых догм, приучая его дышать воздухом свободы, приучая: сделай первый шаг, распрямись, это не страшно...

Язык — это живое и хрупкое существо. Он корчится от боли, когда утрачиваются моральные абсолюты. Вслушайтесь в речь, и вы узнаете кто есть кто.

Ленинград

*К 100-летию со дня рождения
Е. Д. Поливанова*

ОБЫКНОВЕННЫЙ ГЕНИЙ

В. К. Журавлев,

доктор филологических наук

Философы утверждают, что гениальность — явление редчайшее, и за всю историю цивилизации можно насчитать не более пятисот истинных гениев. Как правило, благодарное человечество навеки сохраняет священную память о лучших своих сынах... Но, вопреки этому правилу, едва вспыхнувший звездою первой величины, ярко осветивший многие тайны мироздания гений Евгения Поливанова был уничтожен адскими силами зла и невежества, а память о

нем всячески стиралась более четверти века...

Евгений Дмитриевич Поливанов родился 28 февраля 1891 года в Смоленске в семье железнодорожника и писательницы. Окончив рижскую гимназию в 1908 году, Е. Д. Поливанов поступил на славянорусское отделение Петербургского университета и одновременно на японское отделение Восточной практической академии. В формировании его научного мировоззрения большую роль играли И. А. Бодуэн де Куртене и Л. В. Щерба. Щерба называл Поливанова «своим гениальным учеником». И в самом деле, «черты гениальности начинали сверкать мгновенно, — вспоминал писатель В. А. Каверин о первом знакомстве с Поливановым в студенческие годы, — вы сразу видели, что этот человек, если сказать грубо, чем-то отличается от остального человечества, и вместе с тем он необычайно прост».

Окончив университет в 1912 году, он приступил к работе над магистерской диссертацией и изучению тибетского языка. В 1914 году, сдав магистерские экзамены, он стал приват-доцентом Петроградского университета. Революцию встретил, по его собственным словам, как «революцию труда».

С 1921 года Е. Д. Поливанов работал в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Здесь он занялся поисками теоретических основ построения наиболее эффективной методики преподавания русского языка нерусским. Он разрабатывал теорию языковых контактов, теорию билингвизма, стал инициатором новой лингвистической дисциплины — сопоставительной грамматики контактирующих языков, получившей бурное развитие лишь в наши дни. Впервые в науке он доказал, что иноязычный речевой поток первоначально членится по правилам родного языка, просеивается через фонологическое «сито» своего языка. Так, японец слышит в русском слове «Севастополь» свои привычные фонемы и их привычное сочетание: «Сибастопури».

Осенью 1921 г. Евгений Дмитриевич Поливанов был командирован в Среднюю Азию для организации «языкового строительства» и системы народного образования. Необходимо было разработать теорию формирования литературных языков, критерии определения живой народно-разговорной основы литературного языка. Вопреки мнению большинства специалистов, Е. Д. Поливанов предложил опираться не на говоры сельского большинства узбеков, а на речь городских жителей Бухары и Самарканда. Дальнейшие процессы урбанизации подтвердили правильность этого решения.

Ученый принял активное участие в создании алфавитов и грамматик узбекского, дунгайского, китайского, казахского, туркменского, японского, таджикского и других языков, создал оригинальный букварь русского языка для тюркоязычных народов, а также учебно-методическое пособие «Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам» и учебник узбекского языка для русских.

Тогда же он решил разработать общую теорию языковой эволюции и в качестве ее первой главы предложил теорию конвергентно-дивергентных процессов. Это, пожалуй, самое крупное открытие в сравнительно-историческом языкознании со времен младограмматиков, выдвинувших постулат о непреложности фонетических законов (последняя треть XIX в.). В знаменитых формулах конвергенции и дивергенции он обобщил все фонетические законы младограмматиков и заложил фундамент новой лингвистической дисциплины — диахронической фонологии. Идея Поли-

ванова удивительно проста: в истории языка два элемента сливаются (конвергируют). При этом конвергенция сопровождается дивергенцией (расхождением), диктуется последней, и наоборот. Например, древнерусский редуцированный ⟨ъ⟩ конвергировал с ⟨о⟩, претерпев при этом расщепление, дивергенцию на «сильный» и «слабый»; последний, как известно, «падал»: *лѣбъ* — *лоб*, *дѣно* — *дно*, но *бездонный*. Конвергенция слабых ⟨ъ⟩ и ⟨ь⟩ в нуле звука сопровождается расщеплением согласных на два ряда: твердые и мягкие.

Е. Д. Поливанов расширил усвоенный от Бодуэна де Куртене критерий индивидуальной психологии говорящего до психологии социального языка субстрата, языкового коллектива. Намного раньше зарубежных ученых Е. Д. Поливанов ввел в языкознание «принцип экономии». Он предложил рассматривать «кооперативную» речевую деятельность коллектива как «трудовую деятельность», заложив тем самым основы еще двух новых научных дисциплин — психолингвистики и социолингвистики.

Вопреки утверждениям Н. Я. Марра, Е. Д. Поливанов доказывал, что социально-экономические факторы влияют на языковую эволюцию не непосредственно, а опосредованно, через социальный субстрат языка, т. е. речевой коллектив, пользующийся данным языком.

Создание целостной научной концепции, которая должна служить фундаментом теории и практики языкового строительства в нашей многонациональной стране, Е. Д. Поливанов воспринял как социальный заказ и считал выполнение этой задачи своим священным долгом. При этом он был убежден, что новая лингвистическая концепция должна включать в себя лучшие достижения мировой науки о языке. Иного мнения придерживались Марр и его последователи, строившие «единственно марксистское», самое материалистическое «новое учение о языке» в непримиримой борьбе с «буржуазным», «расистским», «идеалистическим языкознанием».

И вот 4 февраля 1929 года в Коммунистической академии состоялся доклад Е. Д. Поливанова «Проблема марксистского языкознания». «Работа над созданием марксистского языкознания, — говорил ученый, — должна выражаться не в виде похоронной процессии за гробом естественно-исторической лингвистики, а в построении новых лингвистических дисциплин на фундаменте бесспорных положений и фактов науки... В лингвистике, как и в математике, нет утверждений, противоречащих марксизму». Дискуссия длилась три дня, выступило более 30 человек, тексты выступлений были утверждены заранее. Официальные ораторы называ-

ли Е. Д. Поливанова «кулацким волком в профессорской шкуре». В поддержку ученого выступил лишь Г. А. Ильинский. Начались преследования, «проработки», интриги. В поисках спасения от них Е. Д. Поливанов уехал в Среднюю Азию, где его высоко ценили, но и там приходилось переезжать из города в город: из Самарканда — в Ташкент, затем во Фрунзе.

И бродил по стране, как дровиш, великий ученый с кипой рукописей под мышкой... Его эрудиция не знала себе равных. Казалось, что в одном лице объединились несколько талантливых деятелей культуры и науки. Редчайший полиглот, свободно владевший сорока языками, первоклассный лингвист-теоретик, прекрасно знавший русскую и европейскую, арабскую и дальневосточную филологические традиции, выдающийся японист, тюрколог и китаевед, литературовед, поэт и переводчик, автор киносценария, приключенческого романа и рассказов, поэм и стихотворений...

О способностях Е. Д. Поливанова, его методах изучения языков ходили легенды... Вот он идет на лекцию, громко напевая строки киргизского эпоса «Манас» то на киргизском, то на русском языке в собственном, только что родившемся переводе. Вот он сходу переводит куплеты Мефистофеля на узбекский язык. По свидетельству очевидцев, возникало впечатление, что ему как будто кто-то без пауз диктует, а сам он без остановки стенографирует, сохраняя размер и рифмовку немецкого оригинала... Вот идет он по Цветному бульвару, здороваётся со встречными китайцами и с каждым на его родном диалекте... Еще больше мифов породили его фантастическая сила воли, его аскетизм и «чуждачества». Он никогда не стремился ни к благополучию, ни к славе. Вот он в узбекском халате, поселившись в караван-сараях, изучает узбекские народные говоры, или, переодевшись буддийским монахом, изучает народные говоры Японии. «Поливанов был обычным... гениальным человеком. Самым обычным гениальным человеком, — писал о своем друге В. Б. Шкловский, — с годами я все больше убеждаюсь в этом».

В 1937 году Е. Д. Поливанов как «враг народа» был репрессирован... Любопытно, что незадолго до ареста он закончил поэму «Ленин» и опубликовал стихотворение о расстрелянных коммунистах, посвященное китайскому революционному отряду периода гражданской войны в России. Там есть такие строчки:

Революция, тебе мы верны,
И за тебя умираем мы,
Желтого Китая сыны...

25 января 1938 года Е. Д. Поливанов был расстрелян. Тогда же, но в другом лагере, расстреляли и Г. А. Ильинского... Поливанов — один из «троицы» русских языковедов, заложивших фундамент лингвистики XX века. Но если Н. С. Трубецкой и Р. О. Якобсон развивали и пропагандировали достижения отечественного языкознания в Европе и Америке, то Евгений Дмитриевич Поливанов остался в России, разделив судьбу лучших ее сынов — от восторженного принятия революции и беззаветного служения ей до расстрела. Но невозможно расстрелять талант, воплотившийся в гениальных идеях, поисках, трудах ученого, как невозможно было и убить память о нем.

Прошло много лет, и 25 января 1969 года в Париже в Институте живых восточных языков французские ученые и поэты организовали Поливановский семинар. С тех пор под руководством профессора Леона Робеля и Жака Рубо работает международное научное учреждение, исследовательская программа его семинаров включает и разработку проблем, поставленных Е. Д. Поливановым.

В нашей стране еще до официальной реабилитации Е. Д. Поливанова Вяч. Вс. Иванов опубликовал статью о нем в журнале «Вопросы языкознания» (1957). Там же была помещена и одна из работ ученого. Так началось знакомство нашей научной общественности с наследием Е. Д. Поливанова. Проводятся конференции и семинары, посвященные творчеству замечательного отечественного языковеда, вышел том избранных его трудов, публикуются работы о жизни и деятельности ученого.

В этом году советская общественность широко отмечает 100-летие Евгения Дмитриевича Поливанова, чей талант оставил глубокий след в науке и культуре.

В поисках единства*

III

«А кто там идет?»

Взгляд на этногенез белорусов

О. Н. Трубачев,

член-корреспондент АН СССР

17. У нас есть возможность ответить на вопрос о том, как все-таки осваивалась славянами Белоруссия и как они сами рассматривали это освоение. И эта возможность имеется, несмотря на все сопутствующие затемнения и искажения, которые, как и положено действительно старому вопросу, тоже, как говорится, «в деле имеются» и которые вызваны не только забвением за давностью самого дела, но и кривотолкованиями, продиктованными подчас самыми искренними стремлениями разъяснить вопрос. Значит, снова встает надобность «раздѣляти имена», то есть различать их,

* Окончание. Начало см.: Русская речь. 1990. №№ 1, 2, 5, 6; 1991. №№ 3, 4.

объясняя, как заведцал святой Константин-Кирилл, и это в полной мере приложимо к названию *Белая Русь, Белоруссия*, которую давно носит эта земля.

Историки говорят нам, что название *Белая Русь* стало известно с XIV в. в памятниках письменности, «но можно полагать, что оно было известно и значительно раньше» [1, с. 119; 2, с. 48–49]. Интересно, что объем понятия «Белая Русь, Белоруссия» был неодинаков в разные эпохи и утвердился в границах, близких нынцешним, как думают, в XVII веке [3, с. 38; 4, с. 9]. Впрочем, и это лишь относительно, и яркий пример тому — изменение взглядов на статус Смоленщины, на ее принадлежность, можно сказать, на протяжении жизни последних трех поколений. Такой знаток белорусоведения, как Е. Ф. Карский, говорил еще в начале нынешнего века о белорусской принадлежности значительной части смоленских крестьян по языку [5, с. 23–24], хотя, впрочем, он же и констатировал, что около Смоленска «белорусы теряют особенности своей народности и постепенно приближаются к великорусам». На известной специалистам «Диалектологической карте русского языка в Европе», изданной Московской диалектологической комиссией в начале I мировой войны, Смоленск и его округа еще отнесены к территории белорусских говоров, современные же диалектологические карты русского языка уже включают Смоленск в территорию южного наречия русского языка [6, *passim*].

18. Теперь нам придется коснуться весьма специфической проблемы трактовки Белой Руси у знаменитого нашего историка первой половины XVIII века В. Н. Татищева, в результате которой общая картина, кажется, заметно усложняется. Дело в том, что Татищев обобщил и принял в своем труде забытое давно уже воззрение о тождестве «Москвы» и Белой Руси, описывая границы «Белой Руси» в своем понимании («на север с Великою Русью по Волгу... на юг до Оки с Резанским княжением...») в целом как границы Владимиро-Суздальской Руси, позднее — великого княжества Московского [7, с. 355–356]. В. Н. Татищев, похоже, считал неточным или вторичным словоупотреблением отнесение к Белой Руси смоленских земель и тех земель, которые были долгое время под литовской властью. Однако ключ к своей загадке именованя Северо-Восточной Руси «Белой Русью» дает все же сам В. Н. Татищев, и этого трудно не видеть и нельзя не отметить здесь особо, дабы не впасть добровольно в лишнее заблуждение, будто такое называние Северо-Восточной Руси следует читать как «вольная, великая или светлая держава» (!) [3, с. 33]. Такое понимание неверно с начала до конца. Нетрудно заметить, что подобное название возвышающейся Руси Ростово-Суздальской и

Московской не было самоназванием, причем историки это знают, так как правильно видят здесь «термин восточного происхождения» [3, там же]. Видел это (хотя должным образом не оценил) и Татищев, который говорит об этом самобытным своим языком буквально следующее: «Татара, персиане и другие восточные народы, не от себя вымысля, государей русских *ак-падышага* (вар.: *ак падышаха* и *сархан*), т. е. белый император, и государство *Ак-Урусъ* (вар.: *Ак Урус*), т. е. Белая Русь, именуют...» [7, с. 355]. Но дело-то именно в том, что татары так поступали «от себя вымысля», они употребляли ордынскую политическую и дипломатическую терминологию, сложившуюся на восточной почве (см. еще специально [8, с. 72], где приводятся из летописей примеры *Ак-орда* «Белая орда», *Кок-орда* «Голубая орда» и другие). Именно с точки зрения последней, расположенное к западу государство Ростово-Суздальской Руси было Ак-Урус «Белая Русь». Вся относительность этого случая постигается в зависимости от точки отсчета: для всей остальной Руси это была Северо-Восточная Русь, но для татар географически это была как бы «Западная Русь». На совпадение, или, как еще сейчас сказали бы, нейтрализацию здесь понятий «Западная» и «Белая» Русь (татарское *ак* значит буквально «белый») желательно обратить самое пристальное внимание, ибо это пригодится в дальнейшем для главной нашей цели. И хотя понятие «белого» связывается неслучайно с Русью вообще (как я думаю и даже говорю об этом в другом месте, это этимологическое понятие, возможно, заложено в самом имени *Русь*), все же здесь в данном случае важнее констатировать, что «Белая Русь» применительно к Ростову Великому, Суздалью и Москве было названием со стороны, никогда не было самоназванием, почему и оказалось так легко и прочно позабытым. Когда же впоследствии оно вновь приобрело некоторую книжную известность благодаря татищевской же «Истории российской», оно имело своим следствием лишь дополнительное затемнение вопроса о Белой Руси в собственном понимании.

19. А вопрос этот до последнего времени для многих остается неясным, если иметь в виду мотивы происхождения нынешнего названия *Белоруссия*, несмотря на то, что все данные для положительного решения вопроса имеются — не в последнюю очередь благодаря самому Татищеву, помогающему нам напасть на «восточный след» всего явления, хотя вместить правильный смысл названия *Белая Русь* до сих пор, оказывается, дапо не всем. Большая часть авторов фиксирует на этот счет разброд и кривотолки, повторяя в течение очень длительного времени одни и те же несколь-

ко версий и не видя существенной разницы между близкими к правде и абсолютно неверными. Вот они вкратце.

Хотя это надлежит расценивать как курьез, однако до сих пор дожила попытка объяснить происхождение названия *Белая Русь*, *Белоруссия* преимущественно белым цветом одежды и голубыми или светло-серыми глазами, причем склонялись к этому объяснению даже такие серьезные представители мировой науки, как Е. Ф. Карский [5, с. 208] и Фасмер [9, с. 149]. Эти рассуждения ничем не более предпочтительны, чем мнение уже упоминавшегося неоднократно нами В. Н. Татищева, который, отвергнув еще более старинное толкование Герберштейна «и других» — «от множества снегов», сам склонялся вместе с митрополитом Макарием к тому, «что сие имя от преизящества земли и довольства в предпочтении протчим дано» [7, с. 355]. И это тоже не может быть верно, как и то, что «белая» здесь якобы имело первоначальное социальное значение «свободная, вольная» (см., например, [10, с. 23]. Так получилось, что на первый взгляд — простое и прозрачное — название *Белая Русь*, *Белоруссия* не без основания сохраняет репутацию неясного по своему происхождению [1, с. 119; 3, с. 511].

И все же одним из тех, кто подошел к проблеме природы названия *Белая Русь* с правильной стороны, был В. А. Никонов, который верно применил здесь свой принцип рядности названий, четко указав при этом, что *Белая Русь*, занимая, как известно, свое место в ряду *Великая*, *Малая* и *Белая Россия*, возникла, собственно, в совсем другом ряду: *Белая Русь* — *Черная Русь* — *Червоная Русь* [2, с. 48—49]. Отвергая наивно-этнографическое истолкование названия белорусов как народа блондинов со светлыми глазами и в белых свитках и наивно-социальное объяснение от «вольной», «свободной» земли, Никонов одним из первых у нас обратил внимание на большую вероятность связи имени *Белая Русь* с системой обозначения стран света как цветообозначений. Эта система коренится у нас гораздо глубже, чем можно было бы думать, вместе с тем она остаточна, что также свидетельствует в пользу ее старины, и многослойна в том смысле, что сюда входят и относительно поздние влияния с Востока и очень давние проявления (само название *Русь* — цветное, по всей вероятности, и тем самым, скорее всего, — ориентационное!). Этому вопросу у нас вообще уделяли мало внимания. Впрочем, едва ли больше внимания уделялось вопросу выражения пространственной ориентации вообще — я имею в виду эти относительные обозначения народов, стран, населенных мест, к которым принадлежит и наша *Белая Русь* и тот другой важный ряд, куда она также входит: *Великая*, *Малая*, *Белая Русь*. Этот ряд нам тоже придется затронуть, потому что он не менее замеча-

телен именно своим релятивизмом, но совсем не в том духе, который ему нередко приписывают, а приписав — обижаются.

20. Итак, по порядку — *Великая Русь, Великороссия*. По В. И. Ламанскому, первое употребление термина *Megálē Rōsía* «Великая Россия» — именно применительно к землям, отличным от Юга и Запада Руси, то есть от Белоруссии и Украины, — встречается в хрисовуле (хрисовуля — дарованная грамота. — *Ред.*) византийского императора Иоанна Кантакузина в 1347 г. [1, с. 102]. Хотя очевидно, что первая письменная фиксация, как правило, отстает от самого появления слова в речи и нашему термину, бесспорно, предшествовали какие-то более ранние и более расплывчатые словоупотребления, все же в научной литературе сильна тенденция видеть корни словоупотребления *Великая Русь/Россия* в документах византийской патриаршеской и императорской канцелярии [3, с. 38; 9, с. 289]. Мотив такого окончательного терминообразования и различения Великой и Малой России — якобы разделение единой русской митрополии. И все же здесь дело не в церковной истории, во-первых, и не в византийской канцелярии — во-вторых. Название родилось на собственной русской почве и из собственных потребностей, из них главная — обживание новых пространств. Аргументы для такого взгляда есть и были уже у тех, кто с этим взглядом лично не согласен. Так, А. Соловьев утверждает, что «понятие «Великая Русь» появилось уже в XII веке и относилось ко всей Русской земле как единому целому» [3, с. 38], в то же время сам Соловьев обращает внимание на явную связь и аналогию более северной (в целом) Великой Руси с аналогично называемыми — тоже «Великими» и тоже севернорусскими — городами, рядом городов, в том числе Новгородом, который с 1206-го года называется «Великим», причем Соловьев указывает, зачем это наречение потребовалось, — «очевидно, в отличие от меньшего — Новгорода Северского, а позднее и от «Малого Новгорода», Новгорода Литовского» [3, с. 27]. Очень существенна при этом не величина, как можно здесь буквально попятить историка, а как бы точка ориентации, и сам Соловьев нам ее объективно подсказывает: «Отметим, что он (Новгород — О. Т.) называется Великим именно в Ипатьевской летописи, в галицко-волынской ее части. С точки зрения южнорусса, великий город и его область находятся на севере» ([3, там же]; рядка моя — О. Т.). С той же объективностью историк приводит дальнейшие аналогичные пары, взятые, подчеркнем это, из живой древнерусской действительности, а не из практики константинопольской канцелярии: это *Ростов Великий* (год 1151 г.) на севере, «в от-

личие от малого Ростовца в киевской волости», Magna Lodomeria «Владими́ро-Сузда́льская о́бласть» в рассказе венгерских проповедников XIII в., *Великий Владимир* на Клязьме в отличие от Владимира Волынского на юге — просто Lodomeria. При этом всякий раз *Великий* — на севере, *Малый* (или оппозит без определения) — на юге. Еще Татищев смотрел совершенно четко на название *Великая Русь*: «Мню, от Великаго града, или Гордорики ...проименована» [7, с. 351]. Неслучайным в этой связи представляется мнение нашего слависта Ламанского, что первоначально Великой Русью была Новгородская земля [1, с. 103]. Это мнение неслучайно и для нас в наших «поисках единства» и в нашей концепции прихода новгородских словен на север с юга. С таким пониманием генезиса названия *Великая Русь* ассоциируется предшествующее, видимо, по времени, достаточно расплывчатое обозначение более северной (более дальней для жителей южных стран?) новгородской Руси термином «внешняя Русь» *he éxō Rōsía* — у Константина Багрянородного [1, с. 63; 12, с. 309].

21. Из всего этого вывод, думается, может быть один: название *Великая Русь*, *Великая Россия*, *Великороссия* обязано своим образованием не возвышению страны, как это выглядит на первый взгляд и как это себе представляли некоторые серьезные историки. В этом названии заложено своеобразно выраженное противопоставление вторично освоенной земли той земле, из которой это освоение исходило.

Если, таким образом, *Великая Русь*, *Великороссия* — это не «возвысившаяся Россия», как можно было бы понять буквально, а «вновь освоенная, колонизованная Русь», «Русь дальняя», то понятно, что метрополией при этом колонизационном движении всегда оставалась собственно Русь, ассоциировавшаяся по большей части с Киевской землей, а не с Новгородом [13, с. 171]. Именно Киевская земля и другие южнорусские земли были тем, что беллетристы наших дней называют «Русь изначальная». Однако язык шел своими путями. Наши пращурь сами себя, как известно, никогда не называли «Древняя Русь». Первое, что в таких случаях в естественном языке имеет место, — это отсутствие термина, которое может длиться довольно долго. Лишь позднее, под давлением возникающей как бы оппозиции между *Великой Русью* и *Русью* вообще, оставшейся на юге, создалась ситуация для возможного образования термина-оппозита (который, впрочем, может так и остаться невыраженным, как в известных парах *Великая Греция* — *Греция*, *Великая Моравия* — *Моравия*, которые все-таки, несмотря на разногласие исследователей, обозначают в обоих случаях миграцию и колонизацию, а не «хвастливость греков» и не возвышение Мора-

вни...). А может обрести и законченное выражение, как в общеизвестной паре – *Бретань* и *Великобритания*, где название предельно точно документирует, что расселение (причем – неоднократное) шло в направлении с континента на острова. Результатом оппозиции названию *Великая Русь* в конечном счете стала *Малая Русь*, и только в этом ориентационном противопоставлении Руси дальней и ближней, исконной Руси заключается весь смысл вновь возникшего обозначения *Малая Русь*. Ее также нельзя никоим образом толковать и понимать буквально («маленькая Русь»), что было бы грубым искажением исторической правды. Если в старой науке это случалось по извинительному незнанию и отсутствию типологической перспективы (например, Татищев совершенно искренен: «а Мадая [Русь.– О. Т.] от чего названа, неизвестно, может, от уменьшения тамо силы и власти великих князей» [7, с. 354]), то тем, кто в наши дни утверждает, будто «украинцы в царской России увичужительно стали именоваться малороссами, а их язык – малорусским наречием» [14, с. 71], следует указать на недостойность подобной постфактумной политизации и идеологизации. Это столь же недобросовестно, как и утверждение, будто великороссы – «шовинистическое название, возникшее в XIX веке» (см. [14, с. 77]). Между пространственной ориентацией, складывавшейся веками, и шовинизмом пового времени все-таки есть разница... Название *Малая Русь*, как полагают, впервые отмечено в 30-е годы XIV века в грамоте галицко-волыньских князей, несколько позднее оно стало применяться более широко, ко всем южнорусским, украинским землям [1, с. 108; 3, с. 29; 15, с. 119].

22. Восточнославянская этническая и языковая стихия, заливая огромное пространство земли к северу от Десны и к востоку от Днепра, не сразу получила название *Великая Русь*, которое надлежит понимать единственно как «Русь дальняя, вновь освоенная». Не сразу, то есть тоже вторично, появилось и название *Белая Русь*, позднее – *Беларусь*, *Белоруссия*. Но если точкой отсчета для Великой Руси явилась сама как бы Русь изначальная, фигурально названная позднее *Малой Русью*, то в случае с *Белой Русью* точку отсчета надо искать в расположенной к востоку от нее части Великой Руси. По отношению к этой «Руси Восточной», как можно было бы ее обозначить чисто условно (точнее, в согласии с изложенными выше размышлениями о центре древнерусского пространства, это была «Русь Средняя, или Срединная»), *Белая Русь* была «Западной» Русью. О том, что «белый» может еще иметь значение «западный», также уже говорилось выше. Выдвинутый здесь специально тезис, что *Белая Русь*, *Беларусь*, *Белоруссия* в смысле названия земли белорусского народа означало

«западная страна, Западная Русь», необходимо обосновать дополнительно. Выше, в частности, мы уже констатировали, что та эпизодическая Белая Русь применительно к Ростово-Суздальской и Московской Руси (татищевская Белая Русь) корней в русском языковом и этническом сознании не имела. Точнее говоря, это было исключительно татарское *Ак-Урус*(ь), отражавшее, как и *акпадишах* «белый царь» (о русском государе), специфически татарскую точку зрения и ориентацию: «Западная (по отношению к Орде) Русь». Это заносное, заимствованное словоупотребление, никогда не выходившее за рамки книжного, дипломатического языка. В качестве аналогии может послужить болгарское название Эгейского моря — *Бяло морé* «Белое (то есть Западное) море», заимствование (впрочем, уже прижившееся, хотя и лишенное полного внутреннего смысла, поскольку в действительности Эгейское море находится к югу от Болгарии), собственно, калька с турецкого *Akdeniz* «Эгейское море», буквально — «белое море», и с «турецкой» точки зрения это название дано точно, поскольку Эгейское море для анатолийских турок расположено как раз к западу. Иное дело — наше Белое море, одно из самых северных наших морей, однако, если учесть, что, с точки зрения рано освоенного Русью устья Северной Двины, Белое море — это, несомненно, море, расположенное к западу, сразу станет ясна внутренняя мотивация названия *Белое море* = «Западное море» еще в Древней Руси. И этот географический смысл названия «белый» = «западный» был, по всей вероятности, знаком также другим славянам и в более ранние времена, достаточно сослаться на тот известный в науке факт, что славянское племя хорватов, дальше всего продвинувшееся на запад, носило название *белые хорваты*, о чем знал Константин Багрянородный уже в середине X века.

23. Такая система обозначений стран света и пространственной ориентации, при которой исходный центр ориентации мыслится как бы на востоке, а главный ориентир — на западе, причем западный обозначается как «белый», известна в общем в разных культурах и странах. Поскольку она как бы независимо проявляется в разные эпохи (в том числе древние) и в разных регионах, можно было бы допустить ее независимое аналогическое возникновение, хотя преобладает, кажется, мнение, что в конечном счете эта система идет с Востока и что по своему первоначальному происхождению она тюрко-монгольско-китайская [16, 17, 18]. Интересно отметить, что в этой системе белый цвет символизирует запад, красный — юг, черный — север, а голубой/зеленый (вар.: лазурный) — восток. Отмечают также, что для восточных систем главным ориентиром является именно запад, а не север (северный полюс), как

это характерно для современной европейской ориентировки, предположительно — поздней. Возвращаясь к восточнославянским данным, мы можем констатировать, что именно *Белая Русь* входила вполне определенно в местную систему географической ориентации, аналогичную описанной выше. Помимо названия *Белая Русь*, судя по всему, первоначально более конкретно привязанного к понятию «Запад, Западная», сюда входили *Черная Русь* (с городами Новгородком, Гродно, Слонимом и Волковыском [1, с. 119; 15, с. 119]) для обозначения относительно более северных районов и *Черво[n]аяя*, то есть *Красная, Русь*, отождествляемая с Галицко-Волынским княжеством и, действительно, более южная относительно Черной и Белой Руси [1, с. 104; 15, с. 119]. В свете всего рассмотренного нами ясно, что нет никаких оснований для утверждений о синонимичности понятий «белый» и «великий» (так см. [3, с. 26]).

24. Все сходится к тому, что *Белая Русь* постепенно сдвигалась на запад, чтобы стать действительно самой западной Русью. Отправной пункт этого движения, прослеживаемого по данным лексики, ономастики, исторической фонетики и других, суммарно рассмотренных выше показаний, остался на востоке. Сейчас его уже трудно нащупать, хотя, в нашем представлении, он близок к искомому центру восточнославянского языкового пространства, который мы локализуем примерно на водоразделе Окского и Донского бассейнов. Отныне Запад, а не Восток занял место главного ориентира формирующегося языка и этноса белорусов. Восток отодвигался вдаль и как бы растворился в великорусских просторах — столь бесследно, что и в довольно неплохо, комплектно сохранившейся системе цветовых сторон света, отложившихся в *Белой, Черной и Красной Руси* (выше), одно звено все же отсутствует, именно оно оказалось забытым, если и существовало. Письменная история на сей счет хранит молчание, наша реконструкция бессильна, и, быть может, лишь русскому народному поэтическому гению Есенина дано было мгновенным прозрением, как вспышкой, выхватить этот момент истины: «Я покинул родимый дом, / Голубую оставил Русь... Я не скоро, не скоро вернусь! / Долго петь и звенеть пурге./Стережет голубую Русь/Старый клен на одной ноге», — говорит о себе поэт, прощаясь с родными местами. Именно так или примерно так (в духе соответствий «лазурный/голубой» = «восточный») могла в отдаленные для нас времена зваться Русь приокская, Русь Восточная.

25. Самобытность народной культуры Белоруссии в ее славянских и европейских связях изучена все еще недостаточно, и на этот счет не нужно обольщаться. К тем примерам из области само-

бытности языка и этноса, которые мы приводим выше, можно добавить еще некоторые, по-своему тоже важные. Так, Белоруссию, при всех ее «юго-западных» общностях с Украиной, обычно охотно перечисляемых из книги в книгу, все же ставит в стороне от карпатского культурного круга такая черта белорусской народной культуры, как отсутствие, неизвестность в Белоруссии молока овцы (не знает его и русская народная культура).

Для углубленных исследований по типологии языка и культуры именно Белоруссия, ее язык и этнос продолжают оставаться недостаточно раскрытым, манящим материалом. По-своему удивительная судьба языка, вводившая в заблуждение даже лучших лингвистов своего времени, принимавших доминирующую, но все же вторичную, как мы знаем, польскую ориентацию за изначальную сущность белорусского языка, и не менее удивительная судьба этноса, соблазнявшая кажущейся простотой литовско-белорусских отождествлений... Не удивительно, что за этими напластованиями и за спорами о них не сразу открывается собственная белорусская — славянская физиономия культуры, выраженной через язык, возьмем хотя бы минимальное — на фоне других славянских — количество иноязычных заимствований в белорусской терминологии ткачества. Последнее, чем хочется закончить этот очерк, это то, что не полонизмы и не балтизмы (сами по себе — сколько угодно интересные и заслуживающие изучения!), а имманентно белорусские параметры — именно они и их раскрытие — вот, что документирует неповторимый путь к самобытности от восточнославянского единства, из великорусских просторов в район Минска и другие земли исторической Белоруссии.

Литература

1. Державин П. С. Происхождение русского народа — великорусского, украинского, белорусского. М., 1944.
2. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
3. Соловьев А. Великая, Малая и Белая Русь. // Вопросы истории. 1947. № 7.
4. Бандарчык В. К., Чаквін І. У. Праблемы этпагенезу беларусаў у працах славянскіх вучоных. IX Міжнародны з'езд славістаў. Мінск, 1982.
5. Булахов М. Г. Е. Ф. Карский. Жизнь, научная и общественная деятельность. Под ред. В. И. Борковского. Минск, 1981.
6. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

7. Татищев В. Н. История российская. Т. I. М.—Л., 1962.
8. Богатова Г. А. Золотая Орда. // Русская речь. 1970. № 1.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. Т. I. М., 1986.
10. Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск. Издательство БГУ, 1974.
11. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. Отв. ред. К. В. Чистов. М., 1987.
12. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989
13. Boršćak Ё. Русь, Мала Росія, Україна. // Revue des études slaves, t. XXIV, f. 1—4, 1948.
14. Kronsteiner O. Die Kontinuität der Mission von Virgil bis Wladimir. // 1000 Jahre Christentum bei den Ostslawen. Internationales Symposium 13.—15. Mai 1988 in Salzburg (=Die Slawischen Sprachen, Bd. 16, 1988).
15. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Відповід. ред. О. С. Стрижак. Київ, 1985.
16. Von Gabain A. Vom Sinn symbolischer Farbenbezeichnung.— Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, t. XV, fasc. 1—3, 1962, S. 111 и сл.
17. Schubert G. Etymologische Besonderheiten der slawischen Farbenbezeichnungen.— 3. Salzburger Slawistengespräch. Probleme der Etymologie. November 1984.
18. Никонов В. А. Наименования стран света. // Этимология. 1984. М., 1986. С. 162 и сл.

*Православные традиции: праздники, обычаи,
обряды*

ОБЪЯВЛЕНИЕ

**СИМВОЛА ВЕРЫ,
МОЛИТВ и ЗАПОВЕДЕЙ** *

**66. Учение Иисуса Христа
о втором Его пришествии
в страшном суде.**

Когда придет Сын человеческий и все святые ангелы с Ним, тогда Он сядет на престол славы Своей. Пред Ним соберутся все народы, и Он отделит одних от других: праведных поставит по правую от Себя сторону, а грешных по левую. И скажет Он стоящим по правую сторону: «Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте царство, приготовленное вам от создания мира: потому что Я был голоден, и вы накормили Меня; жаждал, и вы напоили Меня; Я был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был Я болен, и вы посетили Меня; в темнице Я был, и вы пришли ко Мне». Тогда праведники скажут Ему: «Господи! Когда мы видели Тебя голодным, и накормили, или жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником, и приняли, или нагим, и одели? Когда мы видели Тебя больным или в темнице, и пришли к Тебе?» Царь скажет им в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то все равно, что сделали это Мне». Тогда скажет Он и стоящим по левую сторону: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, приготовленный диаволу и ангелам его; потому что Я был

* Начало см.: Русская речь. 1991. №№ 2-4.

голоден, и вы не накормили Меня; жаждал, и вы не напоили Меня; Я был странником, и вы не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; был болен и был в темнице, и вы не посетили Меня». Они скажут Ему: «Господи! Когда же мы видели Тебя голодным, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?» Тогда скажет Он им в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы этого не сделали одному из братьев Моих меньших, то все равно, что не сделали Мне». — И пойдут они в муку вечную, а праведники — в жизнь вечную.

О дне же и часе, когда все это будет, никто не знает, кроме одного Отца небесного. Поэтому мы должны быть всегда готовы предстать на суд Божий.

67. Преображение Господне.

(6-го августа)

Чтобы во время крестных страданий Иисуса Христа ученики не потеряли веры в Его божественность, Он незадолго до этих страданий показал им Свою божественную славу.

Иисус Христос пошел с тремя Своими учениками, Петром, Иаковом и Иоанном, на гору Фавор помолиться. Когда Он молился, то вдруг преобразился, то есть принял другой вид. Лицо Его просияло, как солнце, одежда же сделалась бела, как снег. К Нему явились с неба святые пророки, Моисей и Илья, и говорили с Ним о тех страданиях, какие Он должен потерпеть в Иерусалиме. Петр в блаженном восторге воскликнул: «Господи, хорошо нам здесь быть; сделаем три палатки: Тебе, Моисею и Илии!» При этом светлое облако покрыло учеников, и был слышен с неба голос Бога Отца: *«Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте!»* Апостолы испугались и от страха упали на землю. Иисус подошел к ним, дотронулся до них и сказал: «Встаньте, не бойтесь!» Апостолы встали и увидели Иисуса Христа уже опять в обыкновенном Его виде.

68. Благословение детей.

Однажды матери стали подходить к Иисусу Христу со своими детьми, чтобы Он благословил детей и возложил на них руки. Ученики же Христовы не допускали их, думая, что не стоит из-за детей беспокоить Учителя. Иисус Христос заметил это и сказал ученикам: «Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть царствие Божие. Истинно говорю вам, кто

не примет царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него». После этого Он обнял детей, возложил на них Свои руки и благословил их.

Из этого ученики Иисуса Христа должны были понять, что невинность, незлобие, простота и доброта души вводят человека в царство небесное.

69. Воскрешение Лазаря.

(за 7 дней до Пасхи)

Близ Иерусалима было селение Вифания. Здесь жил Лазарь с двумя своими сестрами, Марфой и Марией. Иисус Христос любил их за благочестие и часто бывал у них. Случилось, что Лазарь сделался очень болен, умер и был погребен. Иисус Христос пришел в Вифанию на четвертый день после его смерти и погребения, когда уже был запах от его тела. Марфа и Мария горько плакали о брате. Иисус Христос стал утешать их, а потом велел отвалить камень от пещеры, где был положен Лазарь, и, вознеся молитву Богу, громко сказал: «Лазарь, выйди вон!» И по Его слову Лазарь ожил и вышел из гроба. Такое чудо изумило бывший при этом народ, и многие уверовали в Иисуса Христа.

70. Вход Господень в Иерусалим.

(за 6 дней до Пасхи)

За шесть дней до Пасхи Иисус Христос отправился из Вифании в Иерусалим. На половине дороги ученики, по Его повелению, привели к Нему ослицу с осленком, чтобы Ему ехать на них. Они покрыли их своими одеждами, и Иисус Христос сел и поехал в Иерусалим. Народ начал прославлять Его и оказывать Ему царские почести: одни постилали одежды свои по дороге, а другие ломали или резали ветви с деревьев и бросали их по пути, громко крича: «*Осанна Сыну Давидову! Благословен грядый во имя Господне! Осанна в вышних!*» — Так произошел торжественный царский вход Господа Иисуса Христа в Иерусалим. (*Осанна* значит: спасение! Употреблялось это слово как приветствие. Сыном Давидовым Иисуса Христа называли потому, что Он, как человек, происходил из рода царя иудейского Давида. *Благословен*—достоин прославления; *грядый*—идущий; *осанна в вышних*—осанна Богу, живущему на небесах).

Праздник, в который воспоминается нами это событие, называется Вербным Воскресеньем и бывает за неделю до *Пасхи*, или *Светлого Христова Воскресенья*. В этот праздник на всенощном

или утрени мы, по подражанию иудеям, встречавшим Господа, стоим в церкви с вербами.

71. Предательство Иуды.

Сам Иисус Христос не раз говорил о Себе, что для спасения мира Он должен пострадать, умереть и потом воскреснуть, как о том было написано пророками еще задолго до Его рождения. Так действительство и случилось.

Между иудеями оказалось много таких, которые не веровали в Него и не любили Его за то, что Он обличал их пороки, а также завидовали Его славе. Особенно не любили Его иудейские первосвященники и книжники. Они искали случая взять Иисуса Христа тайно от народа. На четвертый день после входа Господня в Иерусалим, в среду, к ним явился один из 12 главных учеников Иисуса Христа, Иуда Искариотский, и сказал: «Что вы мне дадите, и я вам предам Его?» Они обещали дать Иуде 30 сребреников. Иуда согласился на это и стал ожидать удобного случая предать Его.

72. Тайная вечеря.

В пятый день после Своего торжественного входа в Иерусалим, в четверг вечером, Иисус Христос по случаю наступавшего праздника Пасхи совершил с 12 апостолами пасхальную вечерю. Во время нее Он Сам умыл ноги ученикам и тем не только показал Свою любовь к ним, но и дал пример смирения и готовности послужить ближним. После вкушения ветхозаветной пасхи Господь установил на этой вечери таинство святого Причащения, и потому она называется «тайною вечерью». Иисус Христос взял хлеб, благословил его, преломил и, раздавая апостолам, сказал: «Примите, ядите, сие есть тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов». Затем Он взял чашу с вином, благословил и, подавая апостолам, сказал: «Пийте от нея вси, сия есть кровь Моя Нового Завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов». При этом Он прибавил: «Сие творите в Мое воспоминание».

На этой же вечери Иисус Христос объявил апостолам, что один из них предаст Его. Каждый из них спрашивал: «Не я ли, Господи?» Спросил и Иуда. Господь тихо сказал ему: «Ты,— а потом прибавил вслух: «Что ты задумал делать, делай скорее». Иуда встал и вышел вон. Все прочие апостолы, кроме Иоанна, который слышал все слова Христовы, подумали, что Иуда вышел исполнить какое-нибудь поручение Господие.

73. Иисус Христос в саду Гефсиманском и на суде у первосвященников.

Когда после тайной вечери наступила ночь, Иисус Христос пошел в сад Гефсиманский вместе с учениками Своими, кроме Иуды Искаротского, который, не дождавшись конца вечери, отправился к Его врагам. В саду Гефсиманском Иисус Христос скорбел и тосковал. Отойдя немного от учеников и падая лицом на землю, Он молился, чтобы миновала Его, если возможно, чаша страданий. «Отче Мой,— говорил Он,— если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, пусть будет не как Я хочу, но как Ты». После Своей молитвы Он, подойдя к ученикам, сказал им, что наступает время Его страданий и идет сюда Его предатель.

Зная, что Иисус Христос находится в саду, Иуда привел туда воинов и служителей архиерейских и сказал им: «Кого я поцелую, Того вы и берите». Потом он подошел к Иисусу, поцеловал Его и сказал: «Здравствуй, Учитель!» И таким образом Иуда предал Его врагам. Апостолы же от страха разбежались, и только Петр и Иоанн издали следовали за Иисусом Христом.

Из сада Гефсиманского Иисуса Христа повели на суд к иудейским первосвященникам. В доме первосвященника Каиафы собрались по этому случаю и другие первосвященники, а также старейшины народа и книжники. Сюда же явилось много лжесвидетелей, и они явно клеветали на Него, чтобы в чем-нибудь обвинить Его. Каиафа спросил Его: «Скажи нам: Ты ли Христос, Сын Божий?» Иисус Христос отвечал: «Да, Я»,— и при этом прибавил: «Отныне вы увидите Сына человеческого, сидящего одесную (то есть по правую сторону) Бога и грядущего на облаках небесных». При этих словах Каиафа разорвал на себе одежду и сказал: «Зачем еще нам свидетелей? Вы сами слышали Его богохульство. Как вам кажется?» Все сказали в ответ: «Он достоин смерти!» После этого вывели Иисуса Христа на двор, где Он должен был оставаться до утра под надзором архиерейских слуг. Они, окружив Его, ругались над Ним, плевали на Него и, закрывая Ему глаза, ударяли Его по лицу и с насмешкой спрашивали: «Скажи нам, Христос, кто Тебя ударил?» Все это Он с терпением переносил. Он мог бы не допустить их до этого, но ведь Он затем и явился на землю, чтобы добровольно претерпеть страдания и смерть за грехи людей и чрез то самое умилостивить правосудного Бога и избавить нас от вечной погибели.

Увидев, что Иисуса Христа присудили к смерти, Иуда, мучимый угрызениями совести, принес полученные им 30 сребреников

пазад к первосвященникам и старейшинам, говоря: «Согрешил я, предав кровь неповинную». Они же сказали ему: «Что́ нам до того? Смотри сам». Иуда бросил сребреники в храме, пошел и удавился.

74. Иисус Христос на суде у Понтия Пилата.

Рано утром в пятницу связанного Иисуса Христа повели к римскому правителю Иудеи, Понтию Пилату, чтобы он утвердил смертный приговор над Ним. Пилат спросил иудейских старейшин и первосвященников: «В чем вы обвиняете этого человека?» Они сказали: «Если бы Он не был злодей, то мы не предали бы Его тебе. Он называет Себя царем и запрещает платить подать кесарю». (Это была явная ложь. Известно, что после чудесного насыщения пяти тысяч человек народ хотел провозгласить Иисуса Христа своим земным царем, но Он не восхотел этого и незаметно удалился на одну гору для молитвы. Когда же, в другой раз, фарисеи спрашивали Его: «Нужно ли платить дань кесарю»,— Он велел показать Ему монету, которою платилась подать. Они показали монету. На ней были изображение и надпись кесарева. «Чье это изображение и надпись?»— спросил их Иисус. Они отвечали: «Кесарева».— «Итак, отдайте кесарево кесарю, а Божие Богу»,— сказал им Иисус Христос). Пилат спросил Его: «Царь ли Ты иудейский?» Иисус отвечал, что Он действительно царь, но только не земной, и что Он затем родился и пришел на землю, чтобы всех учить правде и истине. Пилат сказал врагам Иисусовым, что он не находит в Нем вины. «Нет,— кричали они,— Он развращает народ, начиная с Галилеи вплоть до сего места». Пилат спросил: «А разве Он галилеянин?» Узнав, что Он из Галилеи, Пилат, чтобы отстранить от себя это дело, отослал Иисуса Христа на суд к правителю галилейскому, Ироду, который в это время приехал в Иерусалим на праздник Пасхи.

Ирод также не нашел в Нем никакой вины и в знак Его невиновности надел на Него белую одежду и отослал Его опять к Пилату.

Пилат сказал: «Вот и Ирод не нашел Его виновным. У вас есть обычай, по случаю праздника Пасхи, отпускать на свободу кого-нибудь из преступников. Кого хотите, чтобы я отпустил вам Иисуса или Варавву?» Варавва же был разбойник. Первосвященники и старейшины научили народ кричать, чтобы он отпустил им Варавву, а Иисуса распял бы. «Какое же зло Он сделал?»— спросил Пилат. Но народ еще сильнее стал кричать: «Распни, распни

Его!» Малодушный Пилаг, видя, что народ все более и более возмущается и требует Его казни, взял воды, умыл пред народом свои руки и сказал: «Я неповишен в крови этого праведника; смотрите!» Народ закричал: «Кровь Его на нас и на детях наших» (то есть пусть за Его кровь Бог взыщет с нас и с наших детей!) Тогда Пилат предал Иисуса Христа на распятие.

Воины Пилатовы взяли Иисуса во двор правителя и здесь стали издеваться над Ним. Они надели на Него багряницу, то есть красную одежду, как бы наподобие царской, возложили на голову Его колючий терновый венец, а в правую руку, вместо скипетра, как знака царской власти, дали Ему простую трость и, насмехавшись над Ним, становились на колени, кланялись и восклицали: «Радуйся, царь иудейский!» — а потом вставали и плевали на Него, брали из Его рук трость и били Его по голове. Иисус Христос все это с терпением и молча переносил. — После этого войны сняли с Иисуса багряницу, надели на Него собственную Его одежду, дали Ему Самому нести крест и повели на распятие.

75. Крестные страдания, смерть и погребение Иисуса Христа.

Иисуса Христа привели на место, находящееся близ Иерусалима и называемое Голгофа, что значит: Лобное место. И здесь распяли Его на кресте. Рядом с Ним распяли двух разбойников: одного по правую сторону, а другого по левую. Иисус Христос молился за Своих врагов и говорил: «*Отче, прости им, они не знают, что делают!*» Пилат сделал надпись на кресте: «Иисус Назарин, Царь Иудейский».

Первосвященники просили его переменить эту надпись и написать, что Он Сам называет Себя царем Иудейским, но Пилат сказал: «Что я написал, то написал», то есть я не буду переменять того, что написано.

Враги Иисуса Христа увеличивали Его страдания на кресте своими насмешками. Первосвященники и старейшины иудейские, а также воины и многие из народа говорили Ему: «Вот, Ты других спасал, а Себя не можешь спасти; если Ты Сын Божий, сойди со креста!» Даже один из разбойников, вися на кресте рядом с Иисусом, подобно другим, ругался над Ним и говорил: «Если Ты Христос, то спаси Себя и нас». Но другой разбойник останавливал его и говорил: «Или ты не боишься Бога, когда сам осужден на то же? Мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал». И при этом сказал Иису-

су: *«Помыли меня, Господи, когда придешь в царствие Твое»*. Иисус ответил ему: *«Истинно говорю тебе: ныне же будешь со мною в раю»*.

При кресте Иисусовом стояли Матерь Его *Мария* и ученик Его *Иоанн*. Иисус, указывая глазами на ученика, сказал Матери Своей: *«Вот сын твой!»* Потом сказал ученику: *«Вот мать твоя!»* С этого времени Иоанн взял Пречистую Деву Марию к себе в дом, заботился о Ней и почитал Ее как мать.

Три часа Иисус Христос страдал и мучился на кресте: с шестого часа от начала дня до девятого. (Шестой час от начала дня соответствует нашему 12-му часу дня, а девятый — 3-му пополудни). Солнце померкло при этом, и была тьма по всей земле. В девятом же часу Он произнес: *«Совершилось!»* — и, помолчав немного, прибавил громким голосом: *«Отче, в руки Твои предаю дух Мой!»* — склонил голову и испустил дух. В эту минуту земля потряслась, камни расселись, завеса церковная, отделявшая Святое-Святых от Святилища, раздралась надвое, сверху до низу, и многие умершие Святые воскресли. Начальник стражи и бывшие с ним, видя все происшедшее, сказали: *«Воистину Он был Сын Божий!»* Народ, бывший при распятии, с грустью и молча расходился по домам своим.

Вечером иудеи пришли к Пилату и сказали, что на следующий день, в субботу, у них большой праздник, Пасха, и потому нехорошо оставлять распятых висеть на крестах. Они просили Пилата приказать перебить у распятых голени, чтобы они поскорее умерли и можно было снять их со крестов. Пилат на это согласился. Воины перебили голени у обоих разбойников, но у Иисуса Христа не стали перебивать, потому что Он и без того уже умер; только один из воинов пронзил Его коньем в бок, и из рапы потекла кровь и вода.

В тот же день поздно вечером, с позволения Пилата, Иисус Христос был снят со креста двумя тайными учениками Его, Иосифом Аримафейским и Никодимом. Они помазали Его благовониями, обвили полотном, или плащаницею, и погребли в новой пещере, которая находилась в саду Иосифа, недалеко от Голгофы, а ко входу пещеры привалили большой камень.

На следующий день, в субботу, рано поутру, иудейские начальники пришли к Пилату и сказали ему: *«Господин! Мы вспомнили, что этот обманщик говорил, что Он чрез три дня воскреснет. Поэтому прикажи охранять гроб Его, чтобы ученики не украли Его тела и не сказали народу, что Он воскрес из мертвых»*. Пилат согласился, и они приставили стражу ко гробу, а к камню приложили печать.

76. Воскресение Иисуса Христа.

В первый день после субботы, весьма рано утром, вдруг сделалось сильное землетрясение. Явился светозарный ангел Господень, отвалил гробовой камень и сел на нем. Господь же Иисус Христос уже воскрес, и Его не стало во гробе. Воины, бывшие на страже у гроба, от страха попадали, как мертвые, на землю и потом, опомнясь, разбежались. Узнав от них о всем бывшем, первосвященники, после совещания со старейшинами, дали им денег и научили говорить всем, что ученики Иисуса Христа, пришедши ночью, унесли Его тело, когда они спали. В тот же день Иисус Христос явился некоторым благочестивым женщинам-мироносицам: Марии Магдалине и другим, а также апостолам. Потом Он в продолжение сорока дней много раз являлся ученикам Своим и учил их тайнам царствия Божия.

Своим воскресением Иисус Христос яснее всего показал, что Он был не человек только, но вместе и Бог, и что если Он Сам воскрес, то, значит, может воскресить и нас, верующих в Него, и дать нам жизнь вечную. Потому-то для нас особенно радостно воскресение Христово.— Праздник Светлого Христова Воскресения, или Пасха, есть самый большой праздник. Он есть праздник праздников. Бывает не ранее 22-го марта и не позже 25-го апреля, но всегда в воскресенье.

77. Явления воскресшего Христа-Спасителя.

В день воскресения Христова весьма рано поутру благочестивые женщины — Мария Магдалина, Саломия и другие с ними — пошли помазать тело Иисуса Христа благовонным миром. Мария Магдалина, увидев, что камень отвален от пещеры, подумала, что враги унесли тело Иисуса Христа для посмеяния. Она поспешила назад, чтобы сказать об этом апостолам. Прочие же мироносицы подошли к пещере и увидели ангела, который сказал, что Иисус Христос воскрес, и Его уже нет здесь. Они пошли назад. На дороге Сам Иисус Христос явился им и сказал: «Радуйтесь!» Они упали пред Ним на землю и ухватились за ноги Его. Он сказал им: «Не бойтесь, ступайте и скажите братьям Моим (так Господь назвал Своих учеников), чтобы они шли в Галилею: там они увидят Меня». Мироносицы сказали обо всем этом ученикам. Но они не поверили и подумали, что это мироносицам так только показалось.

Мария Магдалина, возвратясь от апостолов, стояла у пещеры и плакала. Заглянув в нее, она увидела там двух ангелов. Они

спросили ее: «Что ты плачешь?» Она сказала: «Взяли Господа моего, и не знаю, где положили Его». В это время позади нее был Сам Иисус Христос. Он спросил ее: «Что ты плачешь? Кого ищешь?» Она подумала, что это садовник, и сказала: «Господин! Если ты взял Его, скажи мне, где ты положил, и я возьму Его». Иисус Христос назвал ее по имени: «Мария!» Она узнала Его и воскликнула с радостью: «Учитель!» Он не велел ей прикасаться к Нему и сказал, чтобы она возвестила ученикам о Его воскресении.

В тот же день Иисус Христос явился двум ученикам, Луке и Клеопе, которые из Иерусалима шли в селение Еммаус. Он поровнялся с ними на дороге и из Священного Писания доказывал, что Христу нужно было пострадать, умереть и потом воскреснуть. Они Его не узнали, а потом, когда вместе с ними пришел Он в селение и стал благословлять хлеб, разламывать и подавать им, они узнали Его, но Он стал невидим для них. Они поспешили в Иерусалим, чтобы рассказать об этом апостолам.

В самый день воскресения Христова, поздно вечером, все апостолы, кроме Фомы, были вместе в одной комнате, а двери были заперты. Вдруг явился им Иисус Христос и сказал: «Мир вам!» Они подумали, что это призрак, и испугались. Но Он сказал, что это Он Сам, и показал им руки, ноги и ребра Свои. Когда же они от радости все еще не верили, Он сказал им: «Нет ли у вас чего-нибудь съестного?» Они дали Ему рыбы и меду, и Он пред всеми ел.

Когда пришел Фома, апостолы сказали ему: «Мы видели Господа». Фома же сказал им, что он до тех пор не поверит, пока не увидит ран на руках Его и не вложит перста своего в раны и ребра Его.

Через неделю апостолы были опять все вместе в одной комнате, и Фома с ними. Двери были заперты. Иисус Христос явился среди апостолов и сказал им: «Мир вам!» Потом сказал Фоме, чтобы он осязал Его и не оставался в неверии. Фома воскликнул: «Господь мой и Бог мой!» Иисус Христос сказал ему: «Вот ты увидел Меня и поверил, но блаженны те, которые не видели и поверили».

Также Иисус Христос явился нескольким ученикам на море Тивериадском, как иначе называлось Галилейское озеро. Здесь они всю ночь ловили рыбу и ничего не поймали. Настало утро, и Христос явился на берегу. Ученики же не знали, что это Он. По слову Его они закинули сеть по правую сторону лодки и поймали множество рыбы. Тогда они увидели, что это Господь.

В другой раз все апостолы пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус. Там они увидели Его и поклонились Ему. Тог-

да Он сказал им: «Мне дана всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и вот, Я с вами во все дни до скончания века».

78. Вознесение Иисуса Христа на небо.

В сороковой день по воскресении Иисус Христос в последний раз явился апостолам и сказал, чтобы они никуда не уходили из Иерусалима до тех пор, пока не получат обещанного Иисусом Христом Утешителя, Духа Святого, Который, вселись в них, наставит их на всякую истину. Потом Он возвел их на гору Елеопскую, близ Иерусалима, и там, благословляя их, стал возноситься на небо. Апостолы с удивлением смотрели на возносившегося Господа. Светлое облако скрыло Его из вида. Иисус Христос вознеся на небо и сел одесную Бога Отца. Апостолы долго смотрели на небо. Им явились два ангела и сказали: «Что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо». Апостолы поклонились вознесшемуся Иисусу Христу и с радостью возвратились в Иерусалим.

Праздник Вознесения Господня бывает в 40-й день после Пасхи, или Светлого Христова Воскресенья.— Иисус Христос вознеся на небо *человечеством*, а Божеством Он всегда был и будет на небе и везде. По вознесении Иисус Христос сел *одесную* (то есть по правую сторону) Бога Отца. Это значит, что, по вознесении на небо, Он, как Богочеловек, имеет равную силу и равную честь с Богом Отцом.— Вознешись на небо, Иисус Христос, по собственному Его обещанию, невидимо всегда находится на земле среди верующих в Него и опять придет на землю видимым образом, чтобы судить живых и мертвых, которые тогда воскреснут, после чего настанет *жизнь будущего века*, то есть другая, вечная жизнь, которая для истинно верующих и благочестивых людей будет вполне блаженною, а для неверующих и грешников весьма мучительною.

79. Сошествие Св. Духа на апостолов.

(Чрез 10 дней после вознесения Господня)

В пятидесятый день по воскресении Иисуса Христа апостолы, вместе с Божиею Матерью и другими верующими, находились в одной комнате и молились Богу. И вот, в третьем часу от начала дня, вдруг послышался шум с неба, как бы от сильного ветра,

и наполнил тот дом, в котором они находились. Дух Святой в виде огненных языков сошел на каждого из них, и все они, исполнившись Духа Святого, начали прославлять Бога на разных языках. По случаю шума с неба над их домом, много иудеев собралось к ним, и стали все дивиться, что апостолы говорят на разных языках. Но апостол Петр объяснил им, что это произошло оттого, что они получили Духа Святого, Которого им обещал послать от Бога Отца Тот Иисус, Которого распяли и Который есть истинный Спаситель мира. Слышавшие это умилились сердцем и сказали Петру и прочим апостолам: «Что же нам делать?» Петр сказал им: «Покайтесь и креститесь во имя Иисуса Христа для прощения грехов; тогда и вы получите дар Святого Духа». И в этот день крестилось около трех тысяч человек.

Общество всех истинно верующих в Иисуса Христа стало называться христианскою Церковью. После сошествия Св. Духа апостолы начали проповедовать по всем странам, и число верующих все более и более увеличивалось.— Праздник, в который воспоминается сошествие Св. Духа на апостолов, называется праздником *Пятидесятницы*, потому что Дух Святой сошел в 50-й день после воскресения Иисуса Христа. Еще он называется *Троицыным днем*, потому что в этот день прославляется Пресвятая Троица, то есть три Лица Божества. Следующий день называется *Духовым* днем и посвящен прославлению Духа Святого.

80. Обращение Савла.

Число христиан увеличивалось все более и более. Иудеи стали преследовать их и убивать. Один юноша, по имени Савл, особенно ненавидел христиан. Он испросил у первосвященника позволение идти в Дамаск разыскивать христиан и, связав их, приводить в Иерусалим. На пути внезапно ослеп и ослепил Савла свет с неба. Он упал на землю и услышал с неба голос: «Савл, Савл, зачем ты Меня гонишь?» Савл спросил: «Кто Ты, Господи?» Господь сказал: «Я Иисус, Которого ты гонишь». Савл в трепете и ужасе спросил: «Что повелишь мне делать?» Господь сказал ему: «Встань и иди в город, куда шел; там тебе будет сказано, что нужно делать». Савла повели за руку, потому что он ничего не видел. В Дамаске он крестился, после чего опять стал видеть и сделался ревностным проповедником веры христианской. Савл иначе назывался Павлом. Он был призван Самим Господом к апостольскому служению, и потому Церковь христианская именует его *апостолом Павлом*.

81. Успение Божией Матери.

(15 августа)

После вознесения Иисуса Христа на небо Божия Матерь еще несколько времени жила на земле. Ей хотелось поскорее быть на небе, где Ее возлюбленный Сын. Молитва Ее об этом была услышана. К Ней явился архангел Гавриил с вестию о скорой Ее кончине. Она пожелала видеть пред смертью апостолов, которые были в то время в разных странах света. По Божьему устройению, они явились ко дню Ее смерти в Иерусалим все, кроме Фомы. Божия Матерь скончалась. Душа Ее была взята на небо Самим Иисусом Христом, а тело апостолы с благоговением погребли в гефсиманской пещере, где были похоронены и Ее родители с Иосифом.

Через три дня прибыл в Иерусалим и апостол Фома. Узнав о случившемся, он очень сожалел, что не был при кончине и погребении Божией Матери. Ему хотелось видеть Ее бездыханное тело. Апостолы открыли пещеру, где оно было положено, и увидели, что его уже там нет. Оказалось, что как Иисус Христос Сам воскрес в третий день после смерти, так и Матерь Свою воскресил и взял с телом на небо. Так уверовали апостолы и так веровать научили и других.

82. Священные писания апостолов.

Апостолы проповедовали большею частью устно. Но, чтобы учение Христово лучше сохранилось, некоторые из них написали книги, которые называются Священными книгами Нового Завета.

Матфей, Марк, Лука и Иоанн написали четыре книги, которые называются *Евангелиями*. В них они описали жизнь, учение и чудеса Иисуса Христа. Слово «*Евангелие*» значит *благовестие*.

Лука написал еще книгу *Деяний Апостольских*. В ней он описал, как апостолы проповедовали учение Христово в разных местах.

Иаков, Петр, Иоанн и Иуда Иаковлев написали семь соборных посланий, или писем, к христианам всего света (одно апостола Иакова, два Петровых, три Иоанновых и одно Иудино).

Апостол Павел написал 14 посланий к отдельным церквам и лицам.

Апостол Иоанн Богослов, кроме Евангелия и трех посланий, написал еще Апокалипсис, или Откровение. В этой книге он излагает будущую судьбу Церкви Христовой и всего мира.

Все вместе Священные книги Ветхого и Нового Заветов называются обыкновенно *Библиею*, или же *Священным Писанием*. А то

Божественное учение, которое не было записано апостолами, но передано ими устно и уже после кем-либо записано, называется *Священным Преданием*.

83. Воздвижение креста Господня.

(14 сентября)

По наступлении 4-го столетия от Рождества Христова, сам император римский Константин Великий со своею матерью Еленою принял христианскую веру и старался об ее распространении. Он строго запретил гонения на христиан, которых до него часто подвергали мучениям и смерти, и был ревностным покровителем христианской Церкви. Как его, так и мать его, царицу Елену, Церковь причислила к лику Святых и назвала Равноапостольными.

В 326 году царица Елена отправилась в Иерусалим, чтобы найти крест, на котором был распят Спаситель. Оказалось, что враги Христовы зарыли этот крест в землю. При раскопке ее были найдены три одинаковых креста, а дощечка с надписью Пилата лежала отдельно от них. От прикосновения к одному из них воскрес умерший. Из этого видно было, что этот крест и есть Господень. Всем христианам, бывшим при этом, хотелось видеть этот крест и поклониться ему. Чтобы все могли лучше видеть его, патриарх Иерусалимский Макарий и царица Елена, став на возвышении, *воздвигали* его, то есть приподнимали вверх. Вот почему и праздник, в который воспоминается это событие, называется праздником *Воздвижения Креста Господня*.

В этот праздник полагается пост в память страданий Христовых. Во время всенощного богослужения, после великого словословия, при пении «Святый Боже», выносятся из алтаря крест на средину храма и кладется на аналой для поклонения ему и целования. При этом священнослужащие и затем певчие поют: *Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим*. Подобный вынос креста бывает в третье воскресенье Великого поста и 1-го августа.

84. Христианская вера в России.

Наше отечество, Россия, сделалось страной христианскою в десятом столетии по Рождестве Христовом, а до того времени наши предки, славяне, были язычниками и поклонялись идолам. Правители земли Русской прежде назывались князьями. Из русских князей первыми приняли от греков веру христианскую княгиня Ольга в 957 году и внук ее князь Владимир в 988 году. Владимир,

приняв крещение, крестил также и своих сыновей, истребил идолов в городе Киеве, где он жил, и просветил его христианскою верою, которая отсюда стала распространяться по другим городам и селениям. Как Владимир, так и его преемники,— князья русские,— и сами, и чрез особых проповедников и пастырей церкви повсюду распространяли и утверждали христианскую веру, строили храмы Божии, старались об определении к ним священников и об основании при них училищ, где дети могли бы получить надлежащее христианское воспитание и образование. Так, мало-помалу, просветилась верою христианскою вся земля Русская.

В других же славянских землях вера христианская водворилась на столетие раньше, благодаря трудам братьев-иноков, святых Кирилла и Мефодия. Для более успешного распространения веры христианской в славянских землях они составили славянскую азбуку и перевели с греческого на славянский язык многие книги Священного Писания, а также книги богослужебные, по которым совершается служба церковная. Труды их принесли большую пользу и русским славянам, нашим предкам, которые, приняв веру христианскую от греков, получили вместе с нею книги Священного Писания и книги богослужебные на понятном им славянском языке.

Продолжение следует

Советы диалектолога

А. С. Герд,

доктор филологических наук

Из года в год сотни преподавателей и студентов России ведут полевую экспедиционную работу по сбору диалектологических материалов. Результаты этого труда, наконец, увидели свет: появился Диалектологический атлас русского языка. Т. I. М., 1986; т. II. М., 1990.

С окончанием полевых работ, связанных с Атласом, многие вузы приступили к углубленной систематизации материалов по лексике. К этой работе подключились местные краеведы, учителя. В результате на кафедрах различных вузов появились картотеки местной лексики. Так, в Ленинграде были созданы картотеки Псковского областного словаря, Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей, Брянского словаря, Словаря русских говоров по реке Печоре; в Москве и Архангельске – Архангельского словаря. Весьма солидные картотеки появились в вузах Пскова, Смоленска, Новгорода, Петрозаводска, Вологды, Череповца, Ярославля, Перми, Свердловска, Ростова-на-Дону; в Сибири – в Томске, Новосибирске, Красноярске.

На базе многих из таких картотек началось активное составление областных словарей. Выходят в свет Псковский областной словарь с историческими данными, Архангельский областной словарь, Словарь брянских говоров, Словарь смоленских говоров, Ярославский областной словарь, Словарь говоров по реке Оби, Словарь донских говоров, Словарь вологодских говоров и др.

Нередко, однако, приходится слышать такие вопросы: «Ну вот, а когда будет завершен „Словарь“, надо ли продолжать ведение картотеки и сбор материалов, да и что делать дальше и с самой картотекой?»

И здесь следует сразу же сказать, что сбор лексических материалов и пополнение картотеки надо вести регулярно и постоянно.

Во-первых, как показывает опыт, относительно полная и глубокая выборка даже только дифференциальной лексики одного говора происходит лишь после 8–10 экспедиций в один район с числом студентов не менее восьми в год и с нормой не менее 1000 карточек на студента в месяц, то есть после накопления картотеки в 65–70 тысяч карточек на один район.

Во-вторых, непредметная дифференциальная лексика, и как раз архаичная, встречается не так часто, выявляется с большим трудом, при внимательном и повседневном вслушивании в народную речь. При этом не следует забывать, что записи и труды географов, этнографов, краеведов, фольклористов XVIII–XX веков, посвятивших свои работы описанию рельефа, быта, нравов, ваяний, народной поэзии, истории той или иной губернии, представляют собой богатый источник для пополнения картотек областной лексики.

В-третьих, любой диалект представляет собой одну из разновидностей современной устной разговорной речи, которая постоянно меняется и развивается. Дополненные материалами магнитофонных записей, наблюдениями над спонтанной речью городов и поселков именно картотеки областной лексики открывают перед преподавателями и студентами широкие и редкие перспективы для исследования не только основных тенденций функционирования разговорной речи, но и ее истоков. В идеале полевая работа по разговорной речи предусматривает организацию постоянных стационарных наблюдений в опорных пунктах и группах населения.

Так постепенно картотека областной лексики перерастает в картотеку современной региональной разговорной речи.

В-четвертых, пополнение и поддержание картотеки предусматривает на определенном этапе переход к углубленному сбору лексики по отдельным лексико-семантическим группам (лексика крестьянского быта, строительства, гончарная, рыболовецкая и т. д.).

И здесь большие возможности для углубления работы в этом направлении предоставляет новая межведомственная тема «Лексический атлас русских народных говоров». Это комплексная кол-

лективная тема Государственного комитета СССР по народному образованию и Академии наук СССР, к которой присоединилось уже более 50 вузов.

Создание Лексического атласа представляет собой общенациональную культурную задачу; он призван не только запечатлеть географию сотен русских слов, но и вывить, и сохранить все, что еще живо в народной речи, в народном сознании. Лексический атлас явится одним из важнейших источников по истории русского народа, исторической географии России.

Все программы Атласа построены на лексико-семантической основе так, чтобы обеспечить максимальное выявление слов, относящихся к той или иной лексико-семантической группе.

Таковы программы по духовной культуре, природе, строительству, транспорту, земледелию и другие. Программы предполагают обязательное предварительное знакомство собирателей с историей края, говора, с этнографией.

Тщательный сбор материала по программам Лексического атласа русских народных говоров создает идеальные предпосылки для организации последующих работ по отдельным тематическим группам лексики, над региональными тематическими словарями.

Таким образом, предметно-тематическое углубление областных картотек — одно из наиболее перспективных направлений их использования. Сейчас многие вузы, в том числе Ленинградский, Свердловский, Сыктывкарский университеты создают специализированные картотеки по духовной культуре русских.

И, наконец, нельзя не сказать о тех существенных ответвлениях, которые обычно постепенно вырастают из областных картотек. Это картотеки по топонимике, по названиям лиц по месту жительства и т. п.

У нас почти не собрана микротопонимия России — названия небольших рек, озер, топей, ручьев, болот, оврагов, прудов, урочищ, полей, сухих участков степи, рощ и т. п., — а они, увы, исчезают из уст и памяти народа быстрее других пластов лексики. Вот почему нужно вести тщательный сбор топонимических материалов во всех областях и районах.

Мало мы знаем и то, как по-настоящему называют сами себя жители тех или иных мест (важкане, поморы, поозёры, осташи, скобари, вятчи, новгородские и т. п.). В то же время узнать и понять мотивировку и происхождение как топонимических названий, так и этнонимов можно только на фоне всей диалектной лексики, а топонимика, этнонимы, местные собственные имена — важнейшие источники истории народа и его мышления.

В любой картотеке как особой разновидности информационной

системы заложены и (при определенном внимании к ней) довольно быстро проявляются внутренние тенденции роста эволюции и трансформации. Точно так же и диалектные картотеки постепенно перерастают в картотеки разговорной лексики, порождают новые специализированные предметно- и проблемно-ориентированные картотеки и фонды. В их создании очень эффективна современная техника. Существуют фонды магнитофонных записей разговорной речи, фольклора, машинные фонды диалектных данных. Интересные опыты представляют собой Диалектологический подфонд машинного фонда русского языка в Москве в Институте русского языка АН СССР и машинный подфонд областных словарей в Сыктывкарском университете. Машинный подфонд по географии слов для Лексического атласа русских народных говоров планируется создать и в Ленинграде. Но все это невозможно без повседневного тщательного сбора диалектной лексики в полевых условиях.

Таким образом, в картотеках областной лексики должно быть собрано все, что хранит сегодня народная память, все, что связано с особенностями развития русской речи разных краев и областей. В то же время картотеки региональной лексики нельзя рассматривать изолированно. В целом, вместе с фундаментальной сводной картотекой Словаря русских народных говоров в Ленинграде они представляют уникальное собрание слов и образцов русской народной речи, своеобразную энциклопедию русской народной жизни, отраженную в языке. И в этом отношении по своей ценности диалектные картотеки местной лексики стоят в одном ряду с фондами археологических и этнографических музеев.

Постоянно пополнять, бережно хранить и поддерживать в рабочем состоянии эти картотеки — наш повседневный долг и конкретный вклад в общее дело сохранения русской культуры.

Ленинград

Влияет ли имя на судьбу человека*

А. В. Суперанская,

доктор филологических наук

В наш просвещенный век мы склонны ответить на этот вопрос однозначно: «нет». Но в древности люди верили, что однажды выбранный человек предопределяет судьбу. Больше того, иные народы считали имя неотъемлемой частью человека и думали, что, заочно повторяя имя в составе какой-нибудь магической фразы, можно навредить человеку и даже привести его к гибели. В связи с этим возникали различные запреты (так называемые табу) на имена. Например, чтобы не употреблять имя человека слишком часто (а ведь звать его как-то надо), придумывали второе («обманное», «охранное») имя для повседневного обращения, а истинное имя засекречивали.

Традиция иметь два имени, тайное и явное, сохранялась у русских в отдельных семьях вплоть до прошлого века. С отголоском ее встречаемся в семье Мусоргских, где два первых ребенка умерли малолетними. Чтобы уберечь от той же участи следующего, поворожденному (это был старший брат композитора Модеста Петровича Мусоргского) дали два имени: *Филарет* и *Евгений*; думали, что злые силы «запутаются», обманутся: придут за младенцем *Евгением*, а найдут *Филарета* — и уйдут ни с чем.

Охранные имена часто образовывали от названий крупных сильных животных, опасных для человека: *Волк*, *Медведь* и др. В древности думали, что человека по имени *Волк* не съест волк, а по имени *Медведь* — не тронет медведь. Если у них одинаковые имена, то они в родство с названными животными, а брат не будет есть своего брата.

У болгар до сих пор сохранились такие женские имена, как *Гроза*, *Лиза* как якобы защищающие от удара молнии и от всякого зла. У русских в древности детям, родившимся во время грозы, бури, сильного мороза и т. п., давали имена *Гроза*, *Буря*, *Мороз*, *Мерзлица*... По-видимому, в подобных именах не просто фиксировались события, сопутствовавшие рождению, но и сохранялись отголоски веры в охранную способность имени, поскольку ребе-

* Начало см.: Русская речь. 1991. №№ 1-4.

нок, родившийся во время грозы или бури, невольно оказывался как бы родственным этой стихии.

Времени и месту рождения детей до сих пор много внимания уделяется, например, в Индии. По расположению небесных светил в час рождения ребенка древние индийцы определяли, в благоприятное или неблагоприятное время он появился на свет. Многовековые наблюдения астрологов вносились в специальные таблицы. Там же отмечалось, какие имена наиболее благоприятны для человека, родившегося в таком-то месте, в такой-то день и час. Обычно отец новорожденного идет к астрологу, и тот назначает ему начальный слог имени, по его мнению, наиболее подходящий для ребенка, например, *ра-*. Родители дополняют слог до полного имени: *Радж, Рао, Рама, Раман* и т. п.

А. М. Горький в произведении «Жизнь Клим Самгина» обращает внимание читателя на имя своего героя. Имя *Клим* не было традиционным в купеческой среде, где были приняты *Сава* (с одним в), *Викула, Тут, Феропонт, Фрол, Федул, Фома, Егор* и т. п. На этом фоне имя *Клим* казалось одиноким, и таким же одиноким рос мальчик.

Это нас подводит к проблеме частотности имен. Массовые имена, наряду с редкими и редчайшими, существовали во все эпохи. Менялся лишь их состав. Так, если в конце прошлого века самым частым мужским именем было *Иван*, то теперь его место заняло имя *Александр*. Часто употребляющиеся имена входят в пословицы, поговорки, присловья, дразнилки: *Иванушка-Дурачок*, но и *Иван-Царевич*, *Иван-крестьянский сын*, *Ивашка-Белая Рубашка* и т. д. «Дразнилки» беспокоят многих матерей, и они стараются выбрать для ребенка такое имя, к которому трудно было бы подобрать присловье. В результате одно и то же имя дается тысячам детей, что их обезличивает и приводит к необходимости именовать их с ясельного возраста по фамилиям. Хорошо ответила одна знакомая, собравшаяся назвать своего сына Антоном. На замечание, что его могут начать дразнить Антошка-Картошка, она сказала, что дразнилку можно подобрать к любому имени. Поэтому Антон останется Антоном.

Мода на имена существовала всегда. Связана она прежде всего с психологией. В любом случае, когда имеется проблема выбора, одни люди стремятся к массовому, частотному, другие — к единичному, индивидуальному. Полаблюдайте на вокзале или в метро, где есть несколько дверей: большинство людей стремится пройти только в одну-две двери, в то время как остальные почти свободны. Так и с выбором имени: стоит во дворе появиться ребенку с более или менее интересным именем, его тут же подхватывают

соседи: у Ивановых *Игорь*, значит и у нас будет *Игорь*; у Петровых *Марина* — у нас тоже.

В 20-е годы у нас в стране четко обозначилась мода на новые имена, которые люди давали своим детям для «новой жизни». мода эта усилилась в начале 30-х годов, когда, начиная с 1924 года, новые имена печатались в отрывных, настольных и прочих календарях. Не все эти имена абсолютно новы. Среди них встречалось немало так называемых старых календарных, хорошо известных, но которые не допускались церковью как неистинные: *Виктория, Витал, Виталиан, Гай, Гаян, Георгиан, Гонор, Гортенз, Гран, Грант, Зил, Зилот, Камаз, Карпофор* и мн. др. К числу новых календарных отнесятся *Грациан, Дориан, Калган* и под., включенные в календари после 1924 года. Такие имена из старых календарей, как *Дарий, Гор, Демократ, Диоген* и некоторые другие повторены в новых. Некоторые новые календарные имена — это по сути несколько измененные старые календарные; например, новые *Диомед, Деидерий* очень напоминают старые *Диомид, Дисидерий*. В числе новых были имена, образованные от названий цветов: *Лилия, Розалия, Гортензия*, а также иноязычные, хорошо известные из литературы: *Эрнст, Эдуард, Гарри, Альфред, Эмма*. Ряд новых имен создали по образцу старых: *Краснослав* (как *Станислав*), *Новомир* (как *Казимир*).

Каждое из этих имен имело достаточно ограниченное распространение, но в целом они составляли значительный массив, и среди них встречались имена удачные, хорошо вписавшиеся в систему русских имен. Многие из них получили распространение у разных народов Советского Союза (*Эльмира, Дарий*). Одиноко и неуютно чувствовали себя лишь дети с вычурными, надуманными именами типа *Желдора, Бебелина, Коммуналла*. Многие из них, став взрослыми, сменили имена на традиционные.

Неудачность некоторых новообразований ударила по всем новым именам (а их было более тысячи), их стали избегать. В настоящее время лишь около 5 процентов новорожденных получают новые имена (*Снежана*) и древнерусские (*Бажена*). Многовековая привычка к тому, что имена не должны иметь «нарицательного» значения, что они созданы из элементов заимствованных слов, привела к тому, что древнерусские имена у нас почти полностью забыты. Родители охотнее дают своим детям имена типа *Эдуард, Рудольф, Ядвига, Эней, Эмиль, Эжен, Эльмар*, чем древнерусские *Беляна, Русава, Любим, Милан, Найдан, Негослав* и под.

Возвращаясь к вопросу, поставленному в заглавии, отмечам, что выбор имени, не влияя на судьбу ребенка в том мистическом плане, о чем рассказывалось вначале, важен прежде всего пси-

хологически. Отношение к имени во многом зависит от склада ума, характера именуемого, а также от воспитания, которое он получает в семье.

В одном детском рассказе говорится о том, что мальчик Ваня плакал: уж больно простецким казалось ему его имя. Но, узнав, что именем Иван звались баснописец Крылов и художник Айвазовский, писатель Тургенев, физиолог Павлов, полярник Папанин и многие другие выдающиеся люди нашей страны, он стал по-иному относиться к своему имени. Многие родители отдают предпочтение малораспространенным именам, но, выбирая для ребенка редкое и даже редчайшее имя, необходимо впоследствии объяснить ему причину выбора: звался ли этим именем кто-либо из уважаемых знакомых или членов семьи, откуда родители узнали об этом имени. Важно, чтобы ребенку, когда он вырастет, его имя нравилось, чтобы он был в нем активно заинтересован.

Аполлон, Афина, Меркурий

Среди старых традиционных русских имен можно найти такие, которые прямо повторяют имена древнегреческих и римских богов или включают их имена в качестве основного компонента.

К ним относятся, например, *Аполлон* (ср. имена двух русских поэтов: *Аполлон* Майков и *Аполлон* Григорьев), *Аполлоний*, *Аполлинарий* (оба в переводе означают: *относящийся к Аполлону, Аполлонов*). Аполлон у древних греков — бог Солнца.

Большим уважением у греков пользовалась богиня *Афина*, воинственная и мудрая хранительница городов. *Афина* — дочь *Зевса*. Но, в отличие от всех детей, она рождена не матерью, а вышла из головы *Зевса*, что подчеркивает ее мудрость. *Афина* обычно изображалась с копьем в руках и со змеей (змея — символ мудрости).

Интересно, что с именем *Афины* связаны исключительно мужские имена. У русских известны два имени, включающих имя *Афины*: *Афиноген* и *Афинодор*. Вторые компоненты их означают: *-ген* от *генос* — «потомок» и *-дор* от *дорон* — «дар, подарок». Русское имя *Парфений* (разговорное *Парфен*, *Пауфер*, *Парфениий*) образовано от эпитета *Афины*, ср. греч. *парфенос* — «целомудренный, девственный».

Как известно, у *Афины* было еще одно имя: *Паллада*. И от него — мужское имя *Палладий*. Изображение *Афины-Паллады* у греков называлось *Палладион*. Оно хранилось во многих греческих городах в залог их неприступности.

Согласно одной из древних легенд, *Паллада* было именем такой же воинственной девушки, какой была *Афина*. Они дружи-

ли, соревновались в кошном спорте и копьеметании. Однажды конь Афины случайно поразило Палладу. В память о подруге она взяла себе ее имя в качестве второго. Так в аллегорической форме отразились преобразование древних культов, слияние функций древних божеств при сохранении их имен.

Согласно римской мифологии, сын Юпитера *Меркурий* был богом красноречия, торговли, хитрости. Он же служил у богов на посылках: был их посланником. *Меркурий* ходил в «крылатых» сандалиях. Уже в XIX–XX вв. во многих странах Запада при строительстве зданий бирж и торговых палат на их крышах помещали бегущего юношу с крылышками на ногах. Его имя было заимствовано в русский язык. В народных говорах оно развило форму *Меркул*, откуда фамилия *Меркулов*.

В греческой мифологии *Меркурию* соответствовал *Гермес*, сын Зевса, посланец и вестник богов, покровитель красноречия, гимнастических состязаний, торговли. Его имя вошло в состав многих греческих имен и от греков перешло к русским. Это прежде всего имя *Ерм* с вариантом *Ерма* от греч. *Гермес* — конечное *-ес* при заимствовании отбрасывалось, а также имя *Ермий* с вариантом *Ермей*, буквально, *Гермесов*. В этом же ряду *Ермил*, *Ермипп*, *Ермоген*, *Ермократ*, *Ермолай*. Вторые их компоненты из греч. *генос* — «род, потомок»; *кратос* — «мощь, сила»; *лаос* — «народ»; *гиппос* — «копь». Многие из перечисленных имен имеют параллельные варианты с начальным *г*: *Гермоген*, *Гермократ*. При раннем заимствовании имен с мягким сочетанием *ге* в русский язык, оно как не свойственное его нормам превращалось в *е*-. Та же судьба постигла имя *Георгий*, превратившееся в русских народных говорах в *Егорий* и *Егор*.

Юлия, Валерия, Клавдия

В Римской империи девочек и женщин в семье просто нумеровали: *Уна* (единственная), *Прима* (первая), *Секунда* (вторая), *Терция* или *Терция* (третья) и т. д. За пределами дома и семьи они звались своими родовыми именами: *Туллия* (из рода Туллиев), *Скрибония* (из рода Скрибониев) и т. д.

У римских мужчин было обычно три, а иногда — и четыре имени: личное, родовое, прозвище и добавочное прозвище, полученное за особые заслуги: *Кай Юлий Цезарь*, *Публий Корнелий Сципион Африканский* (за победы в Африке). В приведенных примерах *Кай* и *Публий* — имена личные, *Юлий* и *Корнелий* — родовые, *Цезарь* и *Сципион* — индивидуальные прозвища, *Африканский* — почетное прозвание Сципиона.

Родовые имена — наиболее древние, поэтому анализ их затруднен. Нередко они восходят к названиям местных родов и племен, живших в Лациуме. В иных случаях они восходят к словам греческого языка. Обоснование этого находим в легенде, согласно которой начало римской цивилизации было положено греками. Возвращаясь на кораблях после Троянской войны на родину, они были занесены бурей в Лациум, откуда — прилагательное *латинский* и название древнего народа *латиняне*. Так, родовое имя Юлиев, возможно, восходит к греческому слову *юлос* (кудривый). Основателем рода Юлиев считается сын грека Эней, возглавлявшего греческое войско, прибывшее в Лациум.

Из рода *Юлиев* происходил *Кай Юний Брут*, убийца *Кая Юлия Цезаря*. По этим родовым именам были названы четвертый и пятый месяцы латинского календаря: июнь и июль. У нас это соответственно шестой и седьмой месяцы, поскольку у римлян новый год начинался 1 марта.

Дочь Юлия Цезаря звалась *Юлия*, то есть из рода *Юлиев*, *Юлиева*.

Род *Клавдиев* посыл родовое имя, образованное от глагола *клаудео* (хромать). По-видимому, их родоначальник прихрамывал. Это отнюдь не значит, что наши современники должны связывать свои имена *Клавдий* и *Клавдия* с хромотой. Речь идет лишь об истории слов и имен.

Родовое имя *Корнелиев* происходит от латинского слова *корнус* — «рог». В древние времена крупные животные высоко ценились за свою силу. Даже Зевс однажды превратился в быка, чтобы похитить Европу, дочь финикийского царя Агенора.

В русском языке от римского родового имени *Корнелий* образованы личные мужские имена *Корнилий*, *Корний*, *Корнил*, *Корнилла*, *Корней*. Женская форма *Корнелия* у нас до недавнего времени не употреблялась. Сейчас это имя изредка можно встретить.

Наши личные имена *Валерий* и *Валерия* происходят от римского родового имени *Валериев*, от слова *валере* — «быть сильным, здоровым».

Таким образом, русские женские имена *Юлия*, *Валерия*, *Клавдия*, *Корнелия* и ряд аналогичных восходят к римским родовым именам и уходят своими корнями в глубокую древность.

Усть + Юг = Устюг

ЖАДЖ ЖАДЖ ЖАДЖ

А. И. Моисеев,

доктор филологических наук

Поселения людей встречаются всюду — в степях, лесах, горах и даже в пустынях. Но наиболее излюбленное место для расселения — река: она кормит, поит, обмывает, помогает выращивать хлеб и скот, служит транспортной артерией при охоте, торговле и других общениях с миром. В нашей стране тысячи больших и малых городов, сел расположены на реках: *Новгород* — на *Волхове*, *Киев* — на *Днепре*, *Муром* — на *Оке*, *Нижний Новгород* — при впадении *Оки* в *Волгу*, *Златоуст* — на реке *Ай* (притоке *Уфы*), *Сергач* — на реке *Сергачка*, при впадении ее в *Пьяну*, левый приток *Суры*. Только на одной *Оке* находятся более десяти значительных городов: *Орел*, *Калуга*, *Серпухов*, *Кашира*, *Коломна*, *Рязань*, *Касимов*, *Муром*, *Павлово*, *Дзержинск* и названный уже *Нижний Новгород*.

У города и реки существует не только пространственная, но и «поименная» связи: 1 — название города формально полностью совпадает с названием соответствующей реки или название реки одновременно является и названием города; название реки переносится, распространяется на город, например: *Ветлуга*, *Воронеж*, *Харьков*, *Шилка* — названия рек и городов, расположенных на них; 2 — название города образуется на основе названия реки: *Волга* — *Волжск*, *Урал* — *Уральск*, *Омь* — *Омск* и т. п.

В этих, своего рода «речных» названиях городов большей частью, как и в уже приведенных примерах, отражается лишь общая связь города и реки. Но в некоторых случаях это конкретизируется, уточняется пространственное соотношение города и реки, а также отдельных ее участков: *Волга* — *Заволжск*, *Заволжье*, *Дон* — *Задонск*, *Урал* — *Верхнеуральск*, *Кама* — *Нижекамск* и под.

Есть еще одна особенность в наименовании городов, которые расположены в устьях рек, у места впадения малой реки в большую или в озеро, море. Они получают свое название обычно по

малой реке: город *Дубна* (Московская обл.), на реке Волга, в устье реки *Дубна*; *Сестрорецк* (Ленинградская обл.), на реке *Сестра* при впадении ее в Финский залив, и т. п. Это часто отражается и в самих названиях — через уточнитель «устье»: река *Ижора* — город *Усть-Ижора* (Ленинградская обл.); *Илим* — *Усть-Илимск* (Иркутская обл.), *Лаба* — *Усть-Лабинск* (Краснодарский край), *Луга* — *Усть-Луга* (Ленинградская обл.) и т. п. Так была образована основная часть названия города *Великий Устюг* (Вологодская обл., на реке *Юг* при впадении ее в реку *Сухона*): *Усть+Юг=Устюг*.

В образованиях названий городов на базе названий рек использованы разные средства и способы: суффиксация, сложение. Из словообразовательных суффиксов наиболее активным и продуктивным здесь оказался суффикс — *-ск-*. Далее приведем некоторые простые наименования с этим суффиксом:

Алей (левый приток *Оби*) — *Алейск* (Алтайский край), город с 1939 года.

Амур (образуется слиянием рек *Шилка*, левая составляющая, и *Аргунь*, впадает в Амурский лиман Охотского моря) — *Амурск* (Хабаровский край), до 1973 года — поселок городского типа.

Ангара (правый приток *Енисея*) — *Ангарск* (Иркутская обл.), на Ангаре близ впадения реки *Китой*; город с 1951 года.

Бердь (правый приток *Оби*) — *Бердск* (Новосибирская обл.), город с 1944 года.

Аткар (приток *Медведицы*) — *Аткарск* (Саратовская обл.), при впадении реки *Аткар* в реку *Медведица*; город с 1780 года.

Бия (правая составляющая *Оби*) — *Бийск* (Алтайский край), на реке *Бия* в 23 км от слияния ее с рекой *Катунь*.

Бирь (приток реки *Белой*) — *Бирск* (Башкирия); пристань на реке *Белой* близ впадения в нее реки *Бирь*.

Вель (приток реки *Вага*, левого притока *Северной Двины*) — *Вельск* (Архангельская обл.), известен с 1137 года, город с 1789 года.

Вилюй (левый приток *Лены*) — *Вилюйск* (Якутия), основан в 1964 г., пристань на реке *Вилюй*.

Гжать (правый приток *Вазузы*, притока *Волги*) — *Гжатск* (Смоленская обл.), с 1968 года город *Гагарин*.

Ея (впадает в Ейский лиман *Таганрогского залива Азовского моря*, летом пересыхает) — *Ейск* (Краснодарский край), на берегу *Ейского лимана*.

Енисей (образуется слиянием *Большого* и *Малого Енисея*, впадает в *Енисейский залив Карского моря*) — *Енисейск* (Красноярский край), основан в 1619 году, до 1676 — *Енисейский острог*; пристань на левом берегу *Енисея*.

Иркут (левый приток Ангары) — *Иркутск* (центр Иркутской обл.), расположен на реке Ангара при впадении в нее реки Иркут; основан в 1686 году.

Кан (правый приток Енисея) — *Канск* (Красноярский край), основан в 1626 году, город с 1822 года.

Лена (впадает в море Лаптевых) — *Ленск* (Якутия), до 1963 года — поселок Мухтуя; порт на реке Лена.

Лугань (приток Сев. Донца) — *Луганск* — центр области. Основан в 1795 году (Луганский завод). В 1935–1958 и 1970–1991 гг. — Ворошиловград.

Орь (левый приток реки Урал) — *Орск* (Оренбургская обл.), основан в 1735 году как крепость, с 1835 — город. Расположен у впадения реки Орь в Урал.

Охота (впадает в Охотское море) — *Охотск* (Хабаровский край), на берегу Охотского моря; поселок городского типа, затем город.

Пина (правый приток реки Припять) — *Пинск* (Белоруссия), при впадении реки Пина в Припять (приток Днепра); известен с 1097 года. В 1318–1793 годы в составе Литвы, в 1921–1939 — в составе Польши.

Плава (бассейн Оки) — *Плавск* (Тульская обл.), на реке Плава; город с 1840 года.

Поронай (впадает в залив Терпения Охотского моря) — *Поронайск* (Сахалинская обл.), до 1946 года — Сикуча.

Проня (правый приток реки Ока, притока Волги) — *Пронск* (Рязанская обл.), поселок городского типа на реке Проня.

Свияга (правый приток Волги) — *Свияжск* (Татария), основан в 1551 году как крепость (при осаде Казани Ивалом Грозным) на реке Свияга при ее впадении в Волгу; со 2-й пол. XVII века и до 1932 года — город, теперь — село.

Сев (приток) — *Севск* (Брянская обл.), известен с 1146 года, с 1779 года — город на реке Сев.

Сердоба (бассейн Дона) — *Сердобск* (Пензенская обл.), на реке Сердоба, в 1780 году преобразован в город из села Большая Сердоба.

Сура (правый приток Волги) — *Сурск* (Пензенской обл.), на реке Сура; до 1953 года — Никольский хутор.

Тобол (левый приток Иртыша, притока Оби) — *Тобольск* (Тюменская обл.), основан в 1587 году, на современном месте — с 1610. Порт на реке Иртыш при впадении в него Тобола.

Томь (правый приток Оби) — *Томск* (центр Томской обл.), основан в 1604 году. Порт на реке Томь.

Урал (впадает в Каспийское море; до 1775 года — Яик) —

Уральск (центр Уральской обл.), основан в 1584 году, до 1775 — Яицкий городок; на современном месте — с 1813 года.

Чара (левый приток р. Олёкма, притока Лены) — *Чарск* (Семи-налатинская обл.), город с 1963 года, на реке Чар(а).

Ярань (правый приток Пижмы) — *Яранск* (Кировская обл.), основан в 1584 году, на реке Ярань (Яранка).

Суффикс *-ск* при образовании «речных» названий городов часто входит в состав усложненных суффиксов: *-инск* (*Нерча — Нерчинск*), *-евск* (*Иж — Ижевск*), *-ийск* (*Уссури — Уссурийск*) и т. п.; он оформляет также приставочно-суффиксальные и сложные наименования городов (на базе названий рек): *Волга — Заволжск*, *Дон — Задонск*; *Северная Двина — Северодвинск*; *Сестра — Сестрорецк*; *Хопёр — Новохопёрск* и под. Отметим еще, что образования с суффиксом *-ск* в рассматриваемом круге наименований количественно превосходят образования со всеми другими суффиксами и уступают только метонимическим переносам наименований с рек на города (типа *Истра — река и город*, *Тында, Харьков, Шилка*), к которым примыкают составные наименования типа: река *Оскол — город Новый Оскол*, река *Тагил — город Нижний Тагил*.

Ленинград

Грозный царь Иван Васильевич

С. Н. Азбелев,

доктор филологических наук

Народные песни, где речь идет об этом царе, довольно многочисленны. Некоторые из них весьма близки былинам, обладают высокими художественными достоинствами и принадлежат к самым популярным произведениям устного эпоса. Какому историческому деятелю эти песни посвящены? Такой вопрос до сих пор в науке не ставился: фольклористы имели достаточно причин полагать, что всюду подразумевается Иван IV: широко известно, что уже в 16-летнем возрасте его торжественно венчали титулом цари, чего не было с его предшественниками; широко известно прозвание, закрепившееся именно за ним впоследствии и обязанное его патологической жестокости.

Но это — только впоследствии. Н. М. Карамзин писал об Иване IV: народ «отвергнул или забыл название *Мучителя*, данное ему современниками, и по темным слухам о жестокости Иоанновой доньне именует его только *Грозным*, не различая внука с дедом, так названным древнею Россиею более в хвалу, нежели в укоризну» (Карамзин Н. М. История государства Российского). Дед Ивана IV — Иван III Васильевич, по выражению Н. М. Карамзина, «принадлежит к числу весьма немногих государей, избираемых Провидением решить надолго судьбу народов»; при нем «Россия как держава независимая величественно возвысила главу свою на пределах Азии и Европы, спокойная внутри и не боясь врагов внешних» (Карамзин Н. М. Указ. соч.). И именно Ивану III «первому дали в России имя *Грозного*, но в похвальном смысле: грозного для врагов и строптивых ослушников» (Там же). В подтверждение этого Карамзин ссылается на письменные свидетельства современников Ивана III. Позже второй крупнейший наш историк С. М. Соловьев подкрепил это заключение Карамзина, приведя дополнительные данные сохранившихся источников о прозвании *грозным* именно Ивана III (Соловьев С. М. История России в древнейших временах).

Сходно обстоит дело с царским титулом, которым по праву пользовался уже Иван III, хотя он не короновался царем в начале своего долгого правления. Известно, что уже Иван III в дипломатических документах именовался официально *царем всея Руси*. Известно, что при многолюдной коронации его наследника в московском Успенском соборе митрополит обращался к Ивану III: «Божнею милостью радуйся и здравствуй преславный *царь Иван*» (Соловьев С. М. Указ. соч.).

Таким образом, фольклорные произведения, где речь идет о «Грозном царе Иване Васильевиче», могут в принципе подразумевать как Ивана III, так и Ивана IV. Не всегда возможно определить — кого именно, ибо порой только в самих исторических песнях или преданиях дошли сведения об исходных фактах; в истории обоих царствований, известной по документам, встречаются одноименные события. Нередко образ царя в песне — явно результат наслоения впечатлений о временах Ивана IV на припоминания о правлении Ивана III. Некоторая аналогия этому есть и в былинах Киевской Руси: давно установлено, что образ былинного князя Владимира Красное Солнышко совместил воспоминания о двух князьях древнего Киева — Владимире Святом и его правнучке Владимире Мономахе.

Характерно преобладающее отношение к царю Ивану Васильевичу: традиционное начало песен о нем — это прославление:

Ой да, как на небе солнце красное загоралось,
В небесах звездочка восточная воцарилась,
Воцарился на Руси Грозный царь Иван Васильевич.

(Исторические песни XIII—XVI веков. М.—Л., 1960.
Далее — строки исторических песен из этого сборника).

Положительная общая оценка в народной памяти Ивана III имела веские причины. Освобождение страны от ордынского ига (после которого он и воспринял фактически царский титул), воссоединение разобщенных русских земель в сильное государство, успешная оборона страны от разбойных набегов воинственных соседей, подчинение опаснейшего из них — Казахского ханства — всем этим руководил Иван III; при нем была отстроена Москва, создан Судебник и осуществлено немало других полезных дел эпохального значения. Н. М. Карамзин писал: «Россия Олегаова, Владимирова, Ярославова погибла в нашествие монголов; Россия нынешняя образована Иоанном» (Карамзин. История...)

Ивану III довелось преодолевать довольно много препятствий во внешнеполитических делах, но были у него немалые сложности и в политике внутренней. К числу этих затруднений при-

надлежали династические интриги, соперничество будущих наследников его престола.

От первой жены — тверской княжны Марии Борисовны — у Ивана III родился в 1458 году сын Иван, прозванный Молодым. После смерти Марии второй женой стала Софья (Зоя) Фоминична Палеолог — племянница последнего императора Византии (завоёванной турками в 1453 г.). Первенец ее Василий родился в 1479 году. Со временем при дворе разгорелась подспудная вражда сторонников Софии и Василия со сторонниками Ивана Молодого. В 1490 году Иван Молодой умер в результате неудачного лечения его врачом, которого привезли из Венеции родственники Софии Палеолог.

Как писал известный историк С. М. Каштанов, «второй брак Ивана III с самого начала таил в себе смертельную опасность для Ивана Молодого, так как рано или поздно должна была возникнуть борьба за право престолонаследия между ним и сыном Софии. Палеологи не могли не хотеть избавиться от Ивана Молодого при жизни Ивана III, когда сын Марии Борисовны не имел еще основания занять престол» (Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967).

Существует песня, посвященная смерти царевича: «Иван Грозный молится о сыне», где речь идет, скорее всего, об Иване III, горько оплакивающим своего любимого сына: «кручинушка безыходна царская».

Песня влагает в уста царя такие слова:

Закатилась-то звезда,
Поднебесна моя светла звездонька —
Не стало млад царевича.

Трагическое событие не вызывает, однако, печали у присутствующих в церкви бояр; напротив, они «промеж-то себя ухмыльнулись»; царь оглядывает их с гневом: «И чему-то, чему вы, бояре-князья, чему больно радостны? (...) или не ведаете горя-то великого?» Для придворной партии Софии Палеолог смерть Ивана Молодого действительно могла стать причиной радости.

Без достаточных оснований песню связывали со смертью другого царевича Ивана, убитого отцом — Иваном IV в 1581 году. Но радоваться по этому поводу было некому: единственным наследником престола тогда остался слабоумный Федор, родившийся от той же жены, что и убитый Иван.

Самая интересная и самая значительная из песен этого цикла, записанная повсеместно, — «Гнев Ивана Грозного на сына».

Выясняется, что более шестидесяти вариантов ее — отображение в позднейшем народном репертуаре не одной песни об одном факте, а, по меньшей мере, трех фольклорных версий, отозвавшихся на различные, хотя и сходные события, бывшие при Иване III и при Иване IV. Песни с похожим кое в чем содержанием при изустной передаче смешивались, влияли одна на другую в течение трех — четырех столетий. Обращение к фактам реальной истории помогает определить, чему были посвящены «исходные» исторические песни этого комплекса.

Разнообразные песенные тексты объединяются общими чертами содержания: гнев царя на сына связан с подозрениями в измене, которая гнездится в самом царском дворце; при этом нередко речь идет о соперничестве между царевичами: один интригует против другого. Царь сгоряча хочет казнить сына-изменника, но благодаря одному из бояр казнь отменяется; иногда казнят вместо царевича другого человека. Группа вариантов, записанных главным образом в Новгородской земле, связывает конфликт с массовыми казнями Ивана IV в Новгороде, активным участником которых в реальной истории был царевич Иван Иванович: он в песне доносит отцу на второго царевича, будто бы уклонявшегося от участия в репрессиях, и последнего царь за это хочет казнить.

Песню связывали с фактом убийства Иваном IV царевича Ивана Ивановича. Но в песне убийства царевича нет, а в тех вариантах, где речь идет о царевиче Иване, гнев отца направлен почти всегда не на него, а на Федора.

Некоторые второстепенные реалии записанных текстов указывают на царствование Ивана III, а не Ивана IV. Так, в экспозиции песни встречаются строки:

Когда зачиналась каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозный царь,
Что Грозный царь Иван сударь Васильевич.

Каменная Москва — это Московский Кремль, существующий доныне и построенный именно при Иване III (так же, как Грановитая палата и главный собор Кремля — Успенский). Согласно песне, царь Иван Васильевич объявляет на пиру: «Я повынес-то царенье из Царяграда». Такое утверждение тоже не имеет отношения к Ивану IV, но правомерно в устах Ивана III: женившись на Софии Палеолог, он стал себя считать преемником власти императоров Царьграда, и их герб — изображение двуглавого орла — сделал гербом России. Есть и другие детали подобного рода, необъяснимые в песне, если бы она с самого начала появилась как отклик на деяния Ивана IV.

Интересны некоторые имена главных персонажей. Среди вариантов песни есть такие, где объектом царского гнева является царевич Василий Иванович:

Ише было у царя-то да цядо милоё,
Ише мило-то ведь чядышко одинакоё,
Ише на имя Васильюшко Ивановичь;
Ише от роду Васильюшку было двадцать лет.

У Ивана IV сын Василий умер грудным младенцем. У Ивана III имя Василий носил старший сын от Софии Палеолог (родился в 1479 году), объявленный наследником престола после смерти Ивана Молодого. Но в 1497 году Василий Иванович был по приказанию отца заключен под стражу, а приверженцы его казнены. Причина — обвинение в государственной измене. Ивану III донесли о заговоре, участники которого намеревались захватить государственную казну, овладеть великим княжеством и известить сына Ивана Молодого — княжича Дмитрия, который был конкурентом Василия Ивановича по династическому старшинству (Соловьев С. М. Указ. соч.).

В ряде вариантов упоминается взрослый царевич Дмитрий Иванович, причем есть случаи, когда царский гнев направлен именно на него. Иван IV имел двух сыновей с таким именем, по первый из них умер во младенчестве, второй родился за полтора года до смерти отца, а позднее погиб в девятилетнем возрасте. В царствование Ивана III среди шести его сыновей был один Дмитрий, родившийся за 14 лет до смерти отца и не успевший себя проявить при его жизни. Зато весьма активную роль играл уже упомянутый Дмитрий Иванович — внук Ивана III, сын Ивана Молодого. После опалы на Василия Ивановича он был торжественно коронован в 1498 году как наследник престола. Но спустя несколько лет Иван III «положил опалу на внука своего, великого князя Дмитрия, и на мать его Елену, посадил их под стражу», — писал на основе летописей С. М. Соловьев, а незадолго до того был казнен за измену князь Семен Ряполовский и пострижены в монахи князь Патрикеевы. С. М. Соловьев заключал, что эта измена состояла в действиях «против Софии и ее сына в пользу Елены и Дмитрия внука», ибо «за опалю Патрикеевых и Ряполовского немедленно последовала опала Елены и Дмитрия, торжество Софии и Василия». Василия Иван III теперь вторично «благословил и посадил на великое княжество Владимирское и Московское и всея Руси самодержцем» (Соловьев С. М. Указ. соч.). Позднее Дмитрий Иванович был освобожден, но наследником престола остался Василий Иванович.

Таким образом, есть все основания видеть среди дошедших до нас записей остатки двух песенных версий о гневе царя Ивана III — сначала на объявленного им наследником престола княжича Василия Ивановича, а позднее — на другого княжича Дмитрия Ивановича, тоже перед тем объявленного царским преемником. В обоих случаях до казни царевичей дело не дошло, но оба побывали под стражей, а казнь постигла других людей.

Третья песня возникла, очевидно, уже при Иване IV на основе двух первых. Поводом послужило упоминание в них о том, что Грозный царь Иван Васильевич вывел измену из Новгорода. Иван III, присоединив Новгородскую землю к Московскому государству, пресек попытки части бояр вернуть их городу независимость. Он эти попытки расценивал как измену данной ему присяге и некоторых бояр казнил.

Около ста лет спустя Иван IV, основываясь, вероятно, на ложном доносе, обвинил в измене уже весь Новгород и учинил массовые жесточайшие репрессии. В этих злодеяниях участвовал его старший сын Иван (позже отцом убитый в семейной ссоре). Другой сын Ивана IV Федор, напротив, отличался кротким характером.

Пережившие страшное кровопролитие, оставшиеся в живых новгородцы, видимо, впоследствии переработали известную им песню, сделав героем ее царевича Федора, на которого Грозный царь будто бы прогневался — по доносу царевича Ивана — за то, что Федор щадил новгородцев. В песне царевич Иван обращается к отцу:

Ай, прегрозный сударь царь Иван Васильевич,
 Ай, родитель наш же батюшко!
 Ты-то ехал улничкой,
 Иных бил-казнил да иных вешал ли,
 Достальних по тюрьмам садил;
 Я-то ехал улничкой,
 Иных бил-казнил да иных вешал ли,
 Достальних по тюрьмам садил;
 А середечкой да ехал Федор да Иванович (<...>
 Наперед же он указы да пороссылал,
 Чтобы малыи да порозбегались,
 Чтобы старьи да растулялися.

Была ли у этого сюжета историческая основа, неизвестно нет достоверных сведений о каком-либо участии Федора в новгородской трагедии, как и о том, что он действительно прогневил Ивана IV.

Возникшая на основе более ранних песен об Иване III, эта песня в свою очередь и повлияла на них, в результате чего про-

изошло то смешение исторических реалий и имен, разделенных фактически почти целым столетием.

В 1487 году Иван III в результате военного похода и трехнедельной успешной осады Казани устранил опасность постоянных военных набегов оттуда на русские земли, приносивших разорение, гибель и плен не только русским жителям среднего Поволжья. Казанским ханом стал покорный вассал Ивана III. Но в конце его жизни, пользуясь болезнью русского монарха, правитель Казани вышел из повиновения, вторгся с войском на Русь и начал жестокие военные действия. Смерть застигла Ивана III в разгаре приготовлений к новому походу на Казань.

Сохранилась связанная с этим событием песня «Часовой плачет у гроба Ивана Грозного». Она заканчивается обращением к умершему:

Ты восстань, восстань,
Ты, наш православный царь! <...>
Царь Иван Васильевич,
Ты, наш батюшка!
Ты взгляни, взгляни
На свою-то силушку <...>
Твоя силушка
Скоро во поход пойдет. <...>
Как под тот-то славный
Казань, Казань-город.

Вполне очевидно, что такая песня не могла быть сложена по случаю смерти Ивана IV: он умер через тридцать с лишним лет после того, как навсегда прекратились походы под Казань, которая в 1552 году окончательно вошла в состав Русского государства. Любопытно, что песня записана у казаков. По сведениям их фольклора, казаки не только участвовали в подчинении Казани, но еще ранее активно способствовали освобождению России от ордынского ига.

Ленинград

Писатель и фольклор

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

В. П. Владимирцев,

кандидат филологических наук

Время связало проклятие с имени Ф. М. Достоевского. Однако и сегодня стыдно за, недавние еще, нападки на «реакционные идеи» его творчества. Все это в прошлом? Но попытайтесь затеять разговор о народности писателя Достоевского. Много ли найдется сочувствующих такой точке зрения?

Достоевский слишком заидеологизирован (и раздерган на цитаты) публицистами. Филология уступала писателя «нефилологам». Отсюда всякого рода однобокости в его общественном понимании. Кого, кроме филологов, заинтересует сейчас, в каких отношениях с народной песней находился Достоевский? Незлободневная, скажут, и ничтожная тема. Оттого и оказалась она научно замороженной на десятилетия. Между тем невозможен последовательно правильный взгляд на Достоевского в целом, если пренебречь этими «жизненными отношениями». Да еще делать вид, будто их не существует вовсе.

Писатель знал и любил народную песню. Видел в ней бесценное духовное достояние России. Песня жила в его душе всю жизнь: творчески беспокоила, развивала и подвигала. Сколько раз и по каким писательским поводам обращался Достоевский к фольклорной песне — этого, пожалуй, сполна не учесть. Русское песнетворчество, главным образом, крестьянское, так или иначе постоянно занимало его взыскующую правды о человеке мысль. Чем ценны для нас бесчисленные обращения писателя к народной песне? Они вводят в своеобразный мир народности Достоевского,

Обнаруживают никогда не оставлявшее его влечение к нравственному чувству и эстетическому идеалу «почвенной», пизовой России.

Литературный первенец Достоевского — роман «Бедные люди». Необъятна поэтически воссозданная здесь социально-городская многоголосица Петербурга. С тем большей силой, по контрасту, прозвучал в романе голос крестьянской песни. Кстати вспомнить золотое правило Достоевского-художника: не пользоваться эмпирически случайными подробностями быта (Бердяев Н. Мирозерцание Достоевского. Прага, 1923. С. 23). Героиня «Бедных людей» Варенька Доброселова угадывает в крестьянской песне неизъяснимо дорогое ей и невозполнимое ничем иным обаяние отечественности. Свое жительство-заточение в европеизированном Петербурге она ностальгически противопоставляет житью-бытию в России нестоличной, деревенско-песенной. (Достоевский автобиографичен: сходные чувства испытал и он, когда, после заветного сельца Дарового Тульской губернии, перебрался, по воле родителя, в Петербург для учебы и карьеры.)

Но понятие о фольклорной песенности, отозвавшейся в «Бедных людях», гораздо шире, чем можно судить по деревенским впечатлениям Вареньки. Художественное открытие, с которым Достоевский вошел в литературу, — образ «бедных людей». Социально придавленные, они обладают, как нашел и дотошно исследовал писатель, сложным внутренним миром. Полным, увы, горя и слез. Переписка Вареньки Доброселовой и Макара Девушкина — как бы одна сплошная, трагически усиливающаяся к концу романа жалоба на недостойное человека существование. словно плач, придающий особую тональность повествованию. Стилистика писем «бедных людей», интонационно и ритмически, во многом зависима от плачевых песен (крестьянских причитаний). Есть и прямые заимствования из этого фольклорно-бытового источника. Истомленные души героев, сущих мучеников Петербурга, сами собой исторгают кричащие стоны народных плачей-песен: «Ах, бедная, бедная моя матушка, если б ты встала из гроба, если б ты знала, если б ты видела, что они со мною сделали!..» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 1. С. 25; далее цитируется это издание лишь с указанием тома и стр.). «Трагический взлет похоронных плачей» в «Бедных людях» отмечал еще академик В. В. Виноградов (Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 186).

Народные плачевые песни обрели в Достоевском великого литературного интерпретатора, коснулись едва ли не каждого его произведения, вплоть до «Дневника писателя». Очевидно, он обладал способностью, в чем-то близкой дарованию русских народ-

ных воплениц (вспомним И. А. Федосову, знаменитую плакальщицу, современницу Достоевского) — с глубоким состраданием, по принятому на себя долгу печали, выражать, истолковывать, выплакивать чужое горе. Упомянутая в романе «Преступление и наказание» «одна песенка (...) русская, настоящая: „Зальюсь слезами горячими...“» (Т. 6. С. 160; см. об этом нашу статью — Русская речь. 1988. № 1) относится — по взятой горестной поте — к ведущим лейтмотивам творчества Достоевского.

Но Достоевский принадлежал к роднику народной песни не только в жажде проникнуться печальями соотечественников. Его литературно-песенные интересы простирались дальше и были разносторонними. В русском фольклоре, кажется, нет песенного жанра, к которому Достоевский остался бы глух или равнодушен. Изумляет разнообразие попавших в поле зрения (и слуха) писателя народных песен: плачевые, эпические (былины), колыбельные, лирические, плясовые, шуточные, балладные, свадебные, тюремные, солдатские, так называемые исторические, разбойничьи, бурлацкие, детские, «жесткие романсы», лакейские, духовные стихи, дразнилочные, скоморошья, частушки, шарманочные, похабные, цыганские, литературного происхождения... По жанровому составу — чуть ли не весь народно-песенный репертуар XIX века!

Одним песням Достоевский внимал больше, другим — меньше. Но в любом случае это было внимание к тайнам человеческой души. К тому, как народная (то есть наиболее авторитетная в глазах Достоевского) песенная поэзия и музыка запечатлели и объяснили жизнь человека. И как выразились при этом нравственные убеждения народа. В бытовой и психологической правдивости народной песни Достоевский не сомневался. Сошлемся на его суждение о «небыличной» строчке *Сын на матери ехал, молодая жена на пристяжке*: «с чего-нибудь да взялась же эта песня? Все русские песни взяты с какой-нибудь были — заметили вы это?» (Т. 26. С. 152).

Образ народной песни в творчестве Достоевского семантически многоцветен. Самое примечательное — отбор и трактовка песенных материалов художественно-философской мыслью писателя. «Великий жалобный голос» (выражение из «Дневника писателя» за 1876 год) плачей-причитаний не был монополюльно единственным у Достоевского. Печальник «униженных и оскорбленных», он питал интерес и к плясовым песням, бодрым и веселым, иной раз озорным до неприличия, но всегда взвихренным удачью молодечества. Достоевский творчески откликнулся на такие песни и пляски, как: *Ах вы, сени, мои сени; Ходи, изба, ходи печь; Камаринская, Барыня, трепак, казачок, рыбка* (ни в этнографии, ни в словарях и ака-

демических словарных картотеках нет сведений о народной пляске «рыбка»; Достоевский первым в нашей культуре указал на нее в рассказе «Скверный анекдот» (1862), а затем уже описание этой пляски можно было встретить у И. С. Тургенева в «Старых портретах» (1881) — Т. 5. С. 24, 356), *русская*.

Плясовая песня составляла предмет особых размышлений писателя. Воспринималась им как психологическая проблема, загадка народной души. Он не переставал уяснять себе, в чем состоит общее значение песенно-плясового фольклора. «Я в первый раз понял тогда (на каторге.— В. В.) совершенно,— признавался Достоевский в „Записках из Мертвого дома“,— что именно есть бесконечно разгульного и удалого в разгульных и удалых русских плясовых песнях» (Т. 4. С. 123). Позднее в «Дневнике писателя» за 1876 год (Т. 24. С. 244) он снова вернулся к этой теме: «Злобных песен русский народ не слагал. Он поет, например, „Барыню“, но с веселостью, а не с негодованием» (имелись в виду «антибарские» запевки к *Барыне*.— В. В.).

Писатель обращался к *Камаринской* чаще, чем к прочим народным песням. Как и М. И. Глинка (автор симфонической «Камаринской»), он уловил в наигрыше, припевках и плясовых коленцах *Камаринской* такие эмблемные народно-национальные начала, которые отвечали его представлениям о сущности России. Тут и безудерж огневой пляски («Село Степанчиково и его обитатели»), и первозданная пластика величественного музыкального рисунка («Записки из Мертвого дома»), и разгульное кощунство («Бесы»).

Такое тонкое постижение песенной культуры имело глубокие корни. Достоевский вырос на народных песнях (в отчем доме почиталось и культивировалось искусство народного песнопения). Он вел песенные записи, дорожил и гордился ими как собиратель. Ценил редкостные варианты песен. Намеревался изложить установленную им «историю двух каторжных песен» (возможный замысел главы к «Запискам из Мертвого дома»). Любил аргументировать свои демократические идеи ссылками на былинные, плясовые, частушечные и другие источники (*Илья Муромец, Камаринская*, припевки, лакейские куплеты и др.).

Достоевский мечтал написать о народной песне нечто вроде исследования. Сохранился беглый план-набросок этой работы. Она задумывалась для «Дневника писателя» за 1881 год. Безвременная кончина помешала Достоевскому исполнить намерение. Но и оставшись неосуществленным, замысел писателя полон для нас исключительного интереса. Он — уникален. С вершины своего духовного опыта Достоевский бросил взгляд на феномен песни на-

родной. Никто из русских (да и русских ли только?) писателей, сопоставимых по масштабам дарования с Достоевским, не покушался на такое. Очерк о песнях — а это важное обстоятельство, — был рассчитан на массового российского читателя, «на всех».

Судя по плану-наброску, во главу угла ставилась плясовая песня *Ах вы, сени, мои сени*, с ее лейтмотивом жгучей страсти. В будущей работе Достоевский предполагал воспользоваться также песнями *Веря ль, верюшка (Я вечер млада/Во пиру была)*, *Во музях* и *Вниз по матушке (по Волге)*. Ключевое значение он придавал любовному чувству, каким оно открылось ему в песенных сюжетах. В центре отобранных Достоевским песен — *млада*, молодая женщина из простолюдыя. Она похожа на Грушеньку, героиню романа «Братья Карамазовы». Писатель пересказывает песню *Сени, мои сени*, вычленяет событийно-психологические звенья сюжета о радостях и жертвах любви, о неизбежном столкновении *младой*, идущей наперекор всему, с *бабюшкой грозным* (см. Великорусские народные песни. Изданы проф. А. И. Соболевским. СПб., 1896. Т. 2. С. 57–60). «Анализ песни: она вся в страсти», — тезисно пишет Достоевский и делает смелый вывод о ее высоких художественных достоинствах: «Поэт не ниже Пушкина» (Т. 27. С. 45).

Такая оценка (критерий — «Пушкин») народной песенности происходила из демократических убеждений Достоевского. Он следовал своей программе: «(. . .) я лишь за народ стою прежде всего, в его душу, в его великие силы, которых никто еще из нас не знает во всем объеме и величии их, — как в святыню верую» (Там же. С. 26). Песня, как выражение народной души, магнетически и по-родственному притягивала к себе Достоевского. Помогала ему стать и быть тем художником, перед которым преклоняется все человечество.

Иркутск

Зачем стреляют в старых воробьев?

В. М. Мокиенко,

доктор филологических наук

— Вы пишете повесть! Да кто же вам поверит? И вы думали обмануть меня, старого воробья!

И. Гончаров. Обыкновенная история

В употреблении нашего оборота о воробье наблюдается любопытная тенденция: *старый воробей* постепенно уступает место *стреляному воробью*. В прошлом веке предпочтение отдавалось почти исключительно первому обороту, в русской советской литературе начинается усиленное использование второго.

«„Дело возможное!“ — отвечает генерал холодно, явно показывая, что он старый воробей, которого никакими компромиссами не надуешь» (М. Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы); «Позвольте, не делайте удивленного лица, вы отлично знаете, зачем я бываю здесь каждый день... Зачем и ради кого бываю, это вы отлично знаете. Хищница милая, не смотрите на меня так, я старый воробей...» (А. Чехов. Дядя Ваня); «Стреляный воробей этот полицейский! Такого на мякине не проведешь, — пояснил он причину своего смеха» (А. Сабуров. У друзей одна дорога); «„Запомни!“ — строго сказал Чупров. — У тебя две дорожки: стать честным человеком или ... Слышишь меня? Или под суд? Других дорог нет! И не надейся меня одурачить. Я стреляный воробей» (В. Тендряков. Падение Ивана Чупрова); «Но Водомеров, многие годы общавшийся с самыми разнообразными людьми, был стреляный воробей, и кажущийся оптимизм Петрунчикова не мог обмануть его. К тому не раз он слышал от других, что Петрунчиков не чист душой» (Г. Марков. Соль земли); «Я мог определенно сказать, что не так давно... здесь побывали два или три человека [диверсанты], сидели, курили, закусывали. Причем это стреляные воробьи и весьма осторожные. На месте пребывания они не оставили ни клочка бумаги, ни окурка, ни следов пищи» (В. Богомолов. В августе сорок четвертого).

Разумеется, непроходимой границы между этими выражениями нет, — это, как уже говорилось, — лишь тенденция разграничения. Показательно, однако, что конкуренция этих двух вариантов возможна даже в произведениях одного писателя — если он тяготеет и к классическому стилю прошлого века, и к современности. Вот несколько выдержек из произведений К. Федина, относящиеся именно к таким писателям: «Это не эксперт с вами закусывал? — Нет, мой личный друг. Мужчина образованный, антицерковный, знает по-древнелатински. В искусстве старый воробей, поскольку актер» (Необыкновенное лето); «„Да ведь он же поднадзорный!“ — сказал ротмистр с упрехом. „— Слышал. Однако полагал, что человек исправляется.“ — „Исправляется? — обрезал ротмистр начальственно. — Не слышал, чтобы такие тертые калачи, этакое стреляные воробьи исправлялись?“» (Первые радости).

Причина столь различной реакции «века нынешнего и века минувшего» на одну и ту же поговорку о воробье — в ее происхождении. Давно уже считается, что выражение возникло испытанным путем превращения пословицы в поговорку. Пословица имеет немало вариантов, но все они имеют в виду именно *старого*, а не *стреляного воробья*: *Старого воробья на мякине не проведешь; Старого воробья на мякине не обманешь; Не обманешь старого воробья на мякину; Хочет старого воробья на мякине обмануть; Хочет старого воробья над мякинами обмануть; Старого воробья на мякине не надуешь* и т. п. Некоторые из таких вариантов зафиксированы уже с XVII века.

Именно *старого воробья*, а не *стреляного* мы встречаем и в пословицах на «мякинпую» тему из соседних с русским языков — белорусского, украинского и польского: *Starobga verab'я na мякине не правядзеш; Старого воробья на полову не зловиш; Старого горобця на полові не обдуриш; Starogo wróbla na plewy nie złapiesz (nie z'owisz)*.

То, что у четырех славянских народов в пословицах о воробье фигурирует и *мякина*, свидетельствует о древности пословиц и подтверждает первичность пословицы по сравнению с поговоркой *старый воробей*. Связь *воробья* с *мякиной* естественна, ибо, по словам этнографа С. В. Максимова, эта птица — «повадливый вор, вооруженный опытом и острым глазом, привыкший отличать хлебные скирды от мякинных ворохов». Воробьи обычно жмутся к людям, в надежде поживиться: не случайно в Сибири до прихода туда русского земледельческого населения воробей был неизвестен. Не случайно и то, что к воробью в народе — пренебрежительное и укоризненное отношение: его именуют «проклятой птахой».

С. В. Максимов объясняет и то, почему именно *старый воробей* стал мерилом опытности и изворотливости. «Голодный молодой воробей на мякину, по неопытности, сядет, — пишет он, — старый пролетит мимо. Старая крыса почти никогда не попадает в мышловку. Редкий счастливец излавливал старого ворона или даже старую форель. „Старого моржа-казака не облукавишь“ — уверяют архангельские поморы, промышляющие на Новой Земле. Причина чрезвычайно прозрачна...» (Максимов С. В. Крылатые слова. М., 1955).

Действительно — старость и опытность в народном сознании устойчиво связаны. Это отражено в пословицах и поговорках разных народов. Вот лишь несколько русских: *Старый ворон мимо не каркнет, Стар ворон не каркнет даром; Старый конь борозды не испортит* и даже *Старые дураки глупее молодых*. Аналогичны и украинские *Вовк старий не лізе до ями, Старого лиса тяжко зловити, Старий віл борозни не зупсує, Старий віл з борозни не зверне*. Иногда сходство подобных пословиц в самых разных языках просто поражает. Например, русской пословице *Старый конь борозды не портит* почти полностью соответствует англ. *An old ox makes a straight furrow*, фр. *Vieux boeuf fait sillon droit*, нем. *Ein alter Ochs macht gerade Furchen*, итал. *Bue vecchio, solco diritto*, исп. *Buey viejo, surco derecho*. Я сказал, «почти полностью», поскольку вместо русского старого коня в этих языках — старый бык, а вместо «борозды не портит» — «делает прямую борозду». Но — как видим, эти различия весьма незначительны, ибо старое пахотное животное везде здесь оказывается на высоте. Как и старая рыба, которая, по французской пословице (точно соответствующей русской о старом воробье и мякине), слишком стара, чтобы попасться на приманку. *C'est un trop vieux poisson pour mordre à l'appât*.

Нужно заметить, что и образ старого воробья в некоторых вариантах способен отрываться от устойчивой связи с мякиной и переключаться в другие тематические сферы. Показательно, что самой старой фиксацией польской пословицы о воробье была пословица «Старого воробья в западню не поймаетшь» (*Starego wróbla na plęwy nie złapiesz* — 1838 г.). Более 150 лет известны в польском языке и такие варианты этой пословицы, как «Старый воробей узнает любые силки издалека» (*Stary wróbel każde sidło z daleka pozna*), «Старого воробья силками не поймаетшь» (*Starego wróbla na sidła się nie ulowi*), «Старого воробья на овес не поймаетшь» (*Starego wróbla nie złapiesz na owies*), «Старого воробья на муху не поймаетшь» (*Starego wróbla na muchę nie złapiesz*).

Такие варианты свидетельствуют о том, что, хотя поговорка о старом воробье и является результатом сжатия пословицы о воробье, которого не поймать на мякине, тем не менее, — ядром ее остается именно образ старого, опытного, не доверяющего никаким уловкам воробья. Не случайно и в неславянских языках его эквивалентом является «старая птица»: англ. *old bird* «опытный и изощренный в уловках человек». Кстати, А. В. Кунин это выражение производит от пословицы *Old birds are not to be caught with chaff* (Старых птиц не ловят на мякину — Кунин А. В. *Англо-русский фразеологический словарь*. М., 1984). И эта английская параллель еще раз подтверждает верность возведения русского *старого воробья* к пословице о мякине.

Русский *старый воробей* и английская «старая птица» входят в длинную шеренгу старых животных, известных многим языкам именно как характеристики опытных людей, которых нелегко перехитрить: нем. *alter Hase* (старый заяц), рус. *старый волк*, укр. *старий вовк*, болг. *стар вълк*, фр. *vieux loup*; рус. *старая лиса* и фр. *vieux renard* или норвеж. *en gammel rev* (старая лиса), исп. *perro viejo* (старая собака) и болг. *от стара коза яре* (ягненок от старой козы) — все это осколки универсальной интернациональной фразеологической модели (Солодуб Ю. П. *Изосемантические модели фразеологизмов качественной оценки лица // Филологические науки*. М., 1979. № 4). Модель, которая строится на весьма близких исходных образцах. Характерно и то, что в соответствующих языках многим из этих поговорок легко отыскиваются и пословицы, проясняющие этот образ. Достаточно привести несколько болгарских пословиц, понятных каждому русскому читателю: *Стар вълк в капан не влиза; Стара лисица в капан не влиза; Стар кон се на ход не учи*.

Итак, со *старым воробьем* все ясно.

Откуда же появился *стреляный*? Ведь па воробьев, как известно, никто не охотится — как на лис или волков: не случайно же у нас есть поговорка *стрелять из пушек по воробьям*, как о сущей бессмыслице и непрактичной трате энергии.

На вопрос этот помогает ответить русская классика. Точнее — один из текстов Н. В. Гоголя: «Какой-нибудь новичок не осмелился бы и подумать, чтобы можно было украсть у такого зоркого хозяина. Но приказчик его был обстрелянная птица, он знал, как нужно отвечать, а еще более, как нужно хозяйничать» (Старосветские помещики).

Действительно, во времена Гоголя вместо *стреляного воробья* в качестве фразеологической характеристики опытного, бывалого человека были распространены иные выражения — *стреляная пти-*

ца, обстрелянная птица, обстрелянный волк, стреляный волк, стреляный зверь и т. п. Такие выражения употребляются и сейчас «Я как-то нисьмецо ей подкатил... Не порть бумаги, говорит. По это всегда так сначала бывает. Я в этих делах стреляная птица» (Н. Островский. Как закалялась сталь); «Третий ушел,— сказал, точно повицился Кулик.— Двоих профессор прищучил, а третий, который командиром у них был, ушел. Туман с реки пал, он и воспользовался. Стреляная, видно, птица...» (Березко. Дом учителя); «А если вы с приставом говорить стесняетесь, то это дело мне поручите. Я зверь стреляный, меня не проведешь» (А. Перегудов. В те далекие годы).

Логика их понятна, ибо речь идет либо о «промысловой» дичи, либо о животных, опасных для человека и потому «достойных» выстрела. Не случайно, что и опытных, побывавших в боях и испытавших обстрелы людей также называют *стреляными и обстреляными*.

На этом фоне, конечно же, *стреляный воробей* — алогизм. Поэтому-то в прошлом веке и было возможно лишь выражение *старый воробей*, тогда еще цепко привязанное к соответствующей по словице.

Любопытное свидетельство разграничения этих двух ассоциаций находим у А. С. Пушкина в рукописном тексте «Домика в Коломне». Здесь поэт противопоставляет *обстрелянного волка* имени *молодому воробью*:

Покамест можете принять меня
За старого, обстрелянного волка
Или за молодого воробья.

И здесь Пушкин, всегда внимательный к семантическим нюансам слова, «брюхом почуял» (как он любил выражаться) смысловое различие *старого и стреляного волка* и просто *старого воробья*. Воробья, в которого во времена Пушкина еще не стреляли фразеологической экспрессией. Любопытной переключкой к этому ощущению смысловой оттеночности нашего оборота является употребление оппозиции *нестреляный воробей — стреляный сокол* в воспоминаниях И. Эренбурга о М. Е. Кольцове: «Однажды он [М. Е. Кольцов] мне признался: „Вы редчайшая разновидность нашей фауны — нестреляный воробей“. В общем, он был прав — стреляным я стал позднее. Конечно, никто не причислит Михаила Ефимовича к воробьям, а поскольку он однажды завел разговор о птицах, я назову его стреляным соколом. Мы расстались весной 1938 года, а в декабре стреляного сокола не стало».

Итак, можно подвести итог истории о *стреляном воробье*.

Родившись в недрах пословицы, оборот *старый воробей* постепенно оторвался от нее как самостоятельная характеристика опытного, бывалого, изворотливого человека. Затем — благодаря общему образному стержню и тождеству значения — этот оборот перекрестился, контаминировался с рядом других выражений — *стреляная птица, обстрелянная птица, стреляный волк, стреляный зверь*. Это перекрещенное было во многом облегчено тем, что в ряду этих выражений замена прилагательного *стреляный* на *старый* легко допускалась: *старый волк — стреляный волк*. В современном языке *стреляный воробей* таким образом стал лексическим вариантом первоначального *старого воробья*. И не просто стал, а потеснил его по употребительности благодаря особому заряду экспрессии, исходящему из его алогичного образа.

Более того: не имея вначале «пословишной» основы, этот вариант в наши дни породил ту же пословицу о мякине и воробье, которая была известна прежде лишь с прилагательным *старый*. Мы не найдем такого варианта ни в одном из собраний наших народных пословиц. Но зато в современной речи ему даже отдается предпочтение.

Ленинград

Гостиница для гостей

А. Н. Шустов

В древнерусском языке слово *Гость* не только означало «пришелец, чужеземец», оно было также именем собственным. От него образованы и другие дохристианские имена: *Гостин* и *Гостяга*.

Шло время, и слово *гость* стало в основном синонимом таких понятий, как *посетитель* и *визитер*. Иногда употребляется и в ироническом смысле: *неприятный посетитель*.

Существительное *гость* встречается во многих памятниках старославянского языка (X–XI вв.). В те далекие времена оно означало: «пришелец, чужеземец, навещатель». В древней и средневековой России *гостями* также назывались купцы, поскольку они в основном приезжали из других (чужих) мест. За *гостями* по рангу следовала *гостинная сотня* – привилегированная корпорация торговцев, существовавшая с XVI до начала XVIII в., т. е. до введения Петром I купеческих гильдий.

В старославянском языке от основы *гость* были образованы производные существительные: *гостина* – «гостеприимство»; *гостиница* и *гостиньница* – «постоялый двор»; *гостиньник* и *гостьник* – «содержатель постоялого двора»; *гостиньць* – «дорога, по которой проезжали гости-купцы»; позже – «пошлина, выплачиваемая куп-

цами»; еще позже — «привезенный купцом издалека подарок»; *гостолобие* — «гостеприимство» (Slovník jazyka staroslověnského. Вып. 8, Прага, 1964). Толковые словари XIX века фиксируют немало интересных лексических единиц, производных от *гость*, часть которых к настоящему времени вышла из активного употребления. В литературе этого времени можно встретить и такие слова, которые не зафиксированы словарями: *гостиная* — «постоялый двор, уготовленный на перепутье для проезжающих»; *угоститель* [ница] — «тот, кто принимает гостей, приглашая их к обеду».

Прославянское **gostь* и лат. *hostis* восходят к индоевропейскому слову **ghostis* — «чужеземец, которому предоставляли кров и ложе для сна, но перед запертой дверью своего дома» (Этимологический словарь славянских языков. Вып. 7, М., 1980).

В латинском языке *hostis* и его побочная форма *hospes* существовали со значениями: «прохожий, иностранец, пришелец, гость, знакомый, неприятель» и т. д. От *hospes* / *hostis* образовано немало слов и словосочетаний: *hospitalis* (гостеприимный), *gospitalitas* (гостреприимство), *hospitiolum* (небольшая гостиница), *hospitium* (ночлег, гостиница, гостеприимство), *hospitale cubiculum* (спальня для гостей), *hospitalis domus* (дом для приема гостей) и другие.

Из позднелатинского эта группа однокоренных слов была унаследована романскими языками, в частности — французским. Французский язык заимствовал несколько слов, значения которых изменялись в нем на протяжении веков: *hôte* (гость, посетитель; позже — жилец, хозяин дома или гостиницы), *hôtel* (с конца XI в. — жилище; с XVII в. — частный дом; XVIII в. — постоялый двор; XIX в. — гостиница), *hôtellerie* (постоялый двор, корчма, трактир), *hôpital* (с XII в. — благотворительное заведение, пристанище для больных; сначала странников, не имеющих жилья), *hôtel Dieu* (с XIII в. — богадельня, приют), *hospice* (с конца XIII в. — гостеприимство; с XVII в. — обитель; с XIX в. — убежище для стариков, богадельня) и др. Французская графема «ô» («о» с диакритическим знаком) означает, что исторически этот гласный звук стал долгим вследствие исчезновения звука «s», сохранившегося, однако, в некоторых других французских словах, производных от той же латинской основы. Применительно к нашему случаю: лат. *hostis* (= *hospes*) → франц. *hoste* → *hôte* (ср. франц. *hospice*).

Из анализа латинско-французских лингвистических связей следует, что слова *отель* и *госпиталь* в своем изначальном смысле — ближайšie синонимы: пристанище для ночлега или лечения странников, гостей. Не случайно синонимами существительного *гостиница* и в русском языке когда-то выступали: *странноприимный дом* — *дом*, где принимают странников.

Слово *госпиталь* было заимствовано русским языком в самом конце XVII в. из немецкого (Hospital) или голландского (hospitaal). Оно имело различные орфографические формы и несколько значений: *больница* (чаще военная, морская), *дом для призрения бедняков* (Н. Г. Курганов в своем «Словотолке» назвал его «странноприимцем»), *детский приют*.

Существительное *отель* в русский язык, как и во многие другие языки, пришло из французского. Однако российские лексикографы XVIII в. не спешили в своих словарях с его принятием, легко находя ему русские эквиваленты: *hôtel* – дом знатного господина, королевский дворец (Гельтергоф Ф. Французский целлариус, М., 1769); дворец королевский, монарший или княжий дом, большой богатый дом (Волчков С. Французский подробный лексикон. Ч. I. СПб., 1778); палаты, чертоги, дворец (Соц И. Новый лексикон... Ч. 2. М., 1787). Интересны при этом и одинаковые переводы-толкования французского слова *hopital* – гостиница, больница для проезжих, богадельня (Гельтергоф и Волчков). Как видим, *отель* пока еще синоним постоянного (и, как правило, богатого) жилища, а *госпиталь* играет двойную роль: «гостиницы» и «больницы», то есть помещения для временного пребывания.

Многие русские люди, путешествуя по Франции, были вынуждены останавливаться не в частных домах, а в гостиницах. Им, естественно, приходилось сталкиваться с названием *hôtel* или словосочетаниями, куда оно входило в качестве составной части. Об этом свидетельствуют письма русских путешественников. Так, писатель Д. И. Фонвизин пишет родным (20 ноября 1777): «Мы были в l'hôtel de ville (ратуша), которая амстердамской в красоте не уступает»; И. И. Панину (22 ноября 1777): «L'hôtel de ville есть здание весьма великолесное». Кроме ратуши, в Монпелье Фонвизин посетил и богадельню («божий дом»): «L'hôtel=Dien (госпиталь) заслуживает любования» (письмо от 20 ноября 1777). (Переводы в скобках Д. И. Фонвизина.) Наряду с французскими терминами в этом же письме Фонвизин дает русское написание иностранного слова: «мы въехали в *hôtel garni*» (меблированные комнаты. – А. III.); «мы в этом отеле будем *devinement bien* (очень хорошо устроены. – А. III.). Как и во французском оригинале, Фонвизин приводит неологизм *отель* в мужском роде. В последующем грамматический род этого существительного в русском языке еще испытывает колебания, пока вновь не вернется к исходному – мужскому.

В конце XVIII в. во Франции побывал и другой русский писатель – Н. М. Карамзин. Ему также пришлось останавливаться в

«меблирашках». В мае 1790 г. он писал из Парижа, что помимо других зарубежных удобств он рад «иметь хорошую комнату в лучшей *отели*». И здесь же, как он это обычно делал, Карамзин дал пояснение новому для русских читателей слову: «*Hôtel* есть наемный дом, где вы, кроме комнаты и услуги, ничего не имеете» (Письма русского путешественника).

Подобно Карамзину, П. А. Вяземский писал в 1838 году из Парижа: «Проводили они меня в отель св. Августина, где уже наняли для меня комнату». Героиня знаменитой сатирической поэмы И. П. Мятлева (1840), госпожа Курдюкова в своем «походном журнале» также упоминает *отель*, используя два грамматических рода:

Только въехали — сейчас
 Массой окружили нас
 И гарсоны и мамзели,
 Здесь служащие в отеле.

По их милости постели
 Не нашла нигде в отели.

1830-е годы стали периодом окончательного освоения французского слова русским языком. Тогда же слово *отель* было зафиксировано и словарями: *отель* — дворец, гостиница (Ренофранц И. Карманная квижка (...) или краткое истолкование (...) слов, из иностранных языков заимствованных... СПб., 1837). Лексикограф Ф. И. Рейф поместил в русской части своего параллельного четырехязычного словаря (1844) оба названия: *гостиница* и *отель*. Ныне по частоте употребления *отель* значительно уступает русскому *гостиница* (Частотный словарь русского языка. М., 1977).

В XVIII веке появляется новое сочетание *maitre d'hôtel* (букв. «хозяин гостиницы») — «управитель, дворецкий», которое фиксируется русскими лексикографами (Соц И. Новый лексикон... Ч. 2. М., 1787). Интересной иллюстрацией может служить запись в «Дневнике чиновника», сделанная в феврале 1807 года театралом С. П. Жихаревым: «...приказав своему метр-д'отелю во время одного званого обеда обнести гостей простым бордоским вином».

За многие годы слово *отель* практически не дало производных. Лишь в конце 1950-х годов в русский языка пришел американизм *мотель* (сокращ. англ. *motorists' hotel*) — придорожная гостиница, отель для автомобилистов (автотуристов) в котором, кроме жилых номеров, предусмотрены стоянки для автомобилей и их техническое обслуживание: «... нам придется остановиться (...) в этом мотеле, кажется так называется это чисто американское изобретение? (...) Сами себя они называют гостиницами» (Набоков. Жоли-

та). В советской прессе *мотель* появился с начала 1960-х годов и впервые отмечен в англо-русском словаре В. К. Мюллера (1960).

Сейчас мы являемся свидетелями (и участниками) того, как в нашем языке рождается еще один неологизм, восходящий к лат. *hospes*, — *хоспис*: «Что же все-таки означает это магическое слово? (...) В старину оно означало дом, помещение, где путники могли переночевать, подкормиться и набраться сил в тепле и уюте. Современный хоспис — это больница особого рода» (Ленингр. правда. 1990. 15 апр.). Основатель *хосписов* В. Зорза задался целью создать первый советский *хоспис* — особое медицинское заведение для онкологически безнадежно больных людей, где лечат душевные и физические страдания, дают человеку возможность спокойно умереть, а его родным и близким, если возможно, — утешиться. Такой хоспис открыт под Ленинградом в 1990 году.

Пока никакими словарями *хоспис* не зафиксирован, хотя и встречается в прессе. *Хоспис* — от англ. *hospice* (монастырская гостиница, богадельня, приют) — это качественно новая разновидность *госпиталя* на более высоком гуманитарном уровне развития общества.

Ленинград

Сорок бочек арестантов

А. А. Шунейко

История *сорока бочек арестантов* пока еще до конца не написана. Предлагаем читателям одну из гипотез происхождения этого выражения.

В древности на Руси считали «сороками», а не десятками, как теперь, остатки этой традиции сохранились только в выражениях, например, *сорок сороков* – «бесчисленное множество, большое количество», а также в разговорной речи: «Я тебе сорок раз говорю...». При этом интересно, что *сорок* (само по себе или в составе числительных) в значении «много» имеет не только народную, но и литературную традицию. Так, крылатое выражение *сорок тысяч братьев* из трагедии Шекспира «Гамлет»: «Я любил ее, как сорок тысяч братьев любить не могут» (перевод Н. А. Полевого, 1837); оно использовалось Чеховым: «Встречал я новый год у одного своего приятеля и наливался, как сорок тысяч братьев»; было преобразовано Ахматовой: «Я люблю тебя как сорок ласковых сестер» (то есть «очень сильно»).

Бочка до введения метрической системы употреблялась как мера жидкости. Особенно популярна при этом была «сороковая» бочка, т. е. сорокаведерная: «Стоят велики чаны меду, сороковыя бочки вина...» (Сказание о роскошном житии и веселии – XVII в.). О такой же бочке говорят и персонажи Грибоедова, когда пытаются объяснить мнимое сумасшествие Чацкого: «Шампанское стаканами тянул... Бутылками-с, и пребольшими... Нет-с, бочками со-

роковыми». Это значение тоже сохранили фразеологизмы: *бездонная бочка*, *бочка Даонид*, *пить как бочка* (много), *как сельдей в бочке* (о большом количестве людей), *ложка дегтя на бочку меда*.

Неудивительно, что эти два слова — *сорок* и *бочка*, — каждое из которых обозначало меру (и достаточно большую), вместе означают «много». Сложнее обстоит дело с *арестантами*, которые привнесли во фразеологизм значение «ерунда». Какие арестанты имеются в виду? Почему они сидят в бочках? «Опыт этимологического словаря русской фразеологии» (Н. М. Шанский, В. И. Зинин, А. В. Филиппов) дает такое объяснение этому факту: «Арестант — мелкая сушеная рыба, от арестега, аростега, оростега, оростига, оростяга. Из архангельских говоров в знач. «тонкая веревочка с крючком на конце, прикрепленная к длинной веревке и используемая для ловли рыбы». Арестант первоначально, видимо, «рыбешка, пойманная на арестегу». Таким образом, оказывается, что *арестант* — это не «заключенный», а «рыба».

Но ряд фактов позволяет усомниться в этом предположении. На арестегу есть указание у Даля, который, кстати, говорит, что она использовалась для ловли трески и палтуса, а эти рыбы мелкими не назовешь. Так, в «Словаре русских народных говоров» дается и такое значение: «2. Длинная хворостина, которой погоняют ездовых оленей». Очевидно, что от этого значения «рыбу» не образуешь. Непопытно также, почему обозначение мелкой сушеной рыбы породило значение «ерунда» (можно предположить, что оно развилось из значения «мелочь»).

Кроме того, интересна история слова *арестант*, время заимствования которого в русский язык (по Фасмеру — из немецкого) датируется 1704 г. По свидетельству Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, слово впервые встречается в именном указе от 17 июня 1718 года. «Но это новое слово привилось не сразу, и если употреблялось, то почти исключительно для обозначения преступников военного ведомства. Преступники же вообще назывались по-прежнему колодниками, а также невольниками. Твердая терминология была установлена указом от 24 июля 1816 г. В древней России и даже в конце XVII столетия арестанты назывались тюремными сидельцами, а подследственные арестанты — приводными людьми. ... народ называл их несчастными». То, что слово *арестант* так сложно входило в язык, имело параллельные варианты, как семантические, так и фонетические (рестанская рота), заставляет усомниться в том, что точный фонетический аналог слова в другом значении мог самостоятельно возникнуть в народной речи.

Все это позволяет предположить, что выражение *сорок бочек*

арестантов имеет иное происхождение, относительно позднее (конец XVIII — начало XIX вв.), когда слово *арестант* прочно вошло в язык. Косвенно подтверждает это и то, что в известных фиксациях приближенной к разговорной речи XVII в. этого фразеологизма нет. Образцом для его возникновения послужила, вероятно, традиция, представленная в «Росписи о приданом» — народном сатирическом произведении, относящемся к XVII в., в котором содержится перечисление фантастического приданого, где, между прочим, «сорок шестов собачьих хвостов, сорок сороков собачьих окороков... сорок кадушек соленых лягушек».

Если принять это предположение, то значение «бессмыслица, вранье» вытекает из прямого прочтения выражения: *сорок бочек арестантов*, то, чего нет и быть не может, плод фантазии, так как арестантов в бочках не перевозили, а мерить их бочками — все равно что питона, как в известном мультфильме, мерить попугаями. Но есть одна сфера, где подобные измерения возможны, — это народная смеховая культура. Это выражение довольно широко используется в разговорной речи, оно обозначает «большое количество / масса разной ерунды, небывальщины», например: «Он тебе наговорит сорок бочек арестантов, ты только слушай!». Стилистически сниженный фразеологический синоним выражения — *наговорит (наврет) с три короба*. Первое и второе выражения объединяют общие черты: сходное значение, в котором абстрактное действие (наговорит, солжет) как бы подвергнуто конкретному измерению (*сорок бочек, три короба*), причем *короб (коробья)* в древней Руси использовался как метрическая единица. Эти черты, важные для описания происхождения оборота, включают его в народную смеховую традицию: в «Лечебнике на ипоземцев» (XVII век) предлагается взвешивать на аптекарских весах «московский белый стук, светлый тележный скрип, женское плясание, сердечное прижимание, вежливое журавлиное ступанье, сладко-слышные песни, денные светлости, самый тонкий блошинный скок» и мн. др. Традиция перешла в литературу XVIII века: «В некое судебное место потребно правосудия до 10 пуд; желающие в поставке оного подрядиться могут явиться в оном месте». «Некоторому судье потребно самой свежей и чистой совести до несколько фунтов...» (Новиков Н. И. «Сатирические ведомости»).

Для народной смеховой культуры это выражение не содержит ничего необычного. Остается неясным, заключались ли арестанты в бочки? Оказывается, да. Вспомним Пушкинскую «Сказку о царе Салтане...»: «И царицу в тот же час / В бочку с сыном посадили, / Засмолили, покатали / И пустили в Окиян...» — царица и сын заключены в бочку, то есть *арестованы+наказаны*. Описанный у

Пушкина сюжет — не плод авторской фантазии, а демонстрация возможностей фантазии народной. Так, А. Н. Афанасьев указывает, что сказка «По колено ноги в золоте, по локоть руки в серебре» в кратком изложении была записана Пушкиным трижды. При этом в Пушкинской записи фигурируют царица и 34 сына: «Мачеха опять подменила приказ и написала повеление, чтоб заготовить две бочки; одну для 33 царевичей, а другую для царицы с чудесным сыном — и бросить их в море. Так и сделано». Сказка известна во всей Европе и очень популярна. Можно вспомнить и о «добровольном заключении» философа Диогена в бочке, а также о сорока разбойниках, которые оказались в кувшинах (1000 и одна ночь).

Этими сюжетами не ограничиваются путешествия героев, заключенных в бочки. Так, например, в Сборнике А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» есть девять сказок, в которых бочки так или иначе оказываются обитаемы. Разгневанный царь в сказке «Емеля-дурак» сажает в бочку дочь и дурака, за которого она хочет выйти замуж. В сказках «Марко Богатый и Василий Бесчастный» — в бочку попадает ребенок; в «Чудесной курице» — из бочки вылезло несметное войско с пушками и пороховыми ящиками.

Выражение *сорок бочек арестантов* построено на алогизме — приеме, типичном для народной смеховой культуры, где «простаки» сеют соль, пытаются доить кур, носят свет в мешках, воду в решетах и т. д. Алогизм+гипербола часто ложатся в основу образования фразеологизмов: *врет как сивый мерин, свинья в ярмолке, идет как корове седло*, — все эти выражения (вне зависимости от их происхождения — из фольклора или литературы) — используют тот же принцип: называют невозможное, подчеркивая этим какую-нибудь черту описываемого явления.

Таким образом, можно предположить, что *сорок бочек арестантов* — один из многочисленных примеров реализации фольклорной смеховой традиции, в которой различные приемы были направлены и на то, чтобы беззлобной шуткой (а не прямым указанием) оценить достоверность сказанного и характер говорящего.

тик, марочка...— Покажите мне видики Ленинграда,— попросила одна приезжая продавщицу».

Академик В. В. Виноградов считал «приторность» речи чертой «речевого мещанства», даже в разговоре с ребенком, в беседе врача с больным: Головка болит? Дай маме ручку. Валерьяночку пьете?

А вот какую оценку встречаем в литературном произведении. В повести «Подвиг» об одной из героинь В. Набоков пишет: «Софья Дмитриевна не терпела уменьшительных, следила за собой, чтобы не уютреблять, и сердилась, когда муж говаривал: «У мальчугана кашелек, посмотрим, нет ли температурки».

Мнения за и против изложены. Что можно сказать по этому поводу?

Давать какие-то определенные лингвистические рекомендации не так уж легко, потому что невозможно учесть все разнообразие и сложность ситуаций, в которых возможно использование форм субъективной оценки.

Известно, что в разговоре с детьми родители, чаще всего мамы, насыщают свою речь этими словами: Сыночек, спать будем. Ложись на правый бочок, глазки закрывай, носиком дыши. Я тебе сказочку расскажу. Про зайчика и лисичку. А еще про их дружка волчика. Доченька, сейчас пальтишко наденем, шапочку, рукавички. А какие ботиночки у нас красивые! Упрекнуть родителей в дурном тоне и нецелесообразности такого употребления трудно. В общении с ребенком мать руководствуется чувством гармонии: мир маленького человека — мир ласки и доброты.

Второй пример. О нем рассказал В. В. Ерофеев в предисловии к собранию сочинений В. Набокова.

Как-то И. Буниц, к тому времени Нобелевский лауреат, пригласил в парижский ресторан молодого Владимира Набокова для беседы. Но не получилось: «К сожалению, я не терплю ресторанов, водочки, закусок, музычки -- и душевных бесед». В. Набоков не хотел себя ставить в положение начинающего писателя, которого ободряет мэтр. Момент неравенства не мог понравиться В. Набокову, и он очень точно, хотя и не совсем тактично, используя экспрессивные языковые средства, отказался от благодарности.

В ряду традиционно выделяемых значений этих форм — ласки, доброты, нежности, иронии, издевки, презрения и т. д.— два приведенных нами примера занимают, пожалуй, противоположные места. Строгого правила тут не выработаешь. Все дело во вкусе и такте.

Т. Л. Козловская

поративных молодежных жаргонов, а также встречающиеся только в речи «митьков», например, *дык* — многозначное слово, означающее и упрек, и уверенность, и извинение; *оппаньки* — о чем-то поразившем говорящего. Эти слова понять можно, лишь учитывая интонацию, жесты говорящего, контекст. Жаргонизмы *дык*, *оппаньки* имеют настолько неопределенное смысловое наполнение, что приближаются к междометиям и часто передают только эмоции говорящего. Так, опоздавший на вопрос: «Почему опоздал, что случилось?» может сказать: «Дык», таким образом объяснив свое опоздание. Нельзя не отметить, что для жаргона «митьков», как и для любого другого группового жаргона, особенно важна коммуникативная роль, которую играют эти слова.

Язык «митьков» отличается от других групповых жаргонов тем, что он близок к профессиональному сленгу, так как его носители чаще всего люди одной профессии. В речи «митьков» отсутствуют слова с грубой, вульгарной экспрессией, что нельзя сказать о жаргоне «ништяков», представителей молодежных группировок Урала. В нем много элементов, заимствованных из воровского аргослова — шифрованного языка преступного мира. Его название происходит от *ништяк* — хорошо. Если сопоставить язык «митьков» с языком «ништяков», то можно увидеть совершенно разные направленности этих жаргонов. В речи «ништяков» много слов, обозначающих реакции, чего нет у «митьков». Эти жаргоны отличают друг от друга не только языковые, но и этические, эстетические нормы.

О. Б. Трубина

Уважаемая редакция!

Представьте себе, что вы раскрыли «Атлас мира» и читаете названия государств: *Чжун-Го, Нихон, Бхарат, Любнан, Фас, Мыср, Дейчланд*. Чтонибудь поняли? Кажется, только *Дейчланд*. Остальные названия — это хорошо знакомые нам Китай, Япония, Индия, Ливан, Марокко, Египет. Именно так мы привыкли называть их, а не по самоназваниям, которые приведены выше. К чему весь этот разговор? Да к тому, что карта нашей пока еще единой страны покрывается новыми топонимами, но сути дела являющимися все теми же самоназваниями национальных образований: Татарстан, Молдова, Кыргызстан, Башкортостан, Марий-Эл. Похоже, что дело этим не закончится, и мы будем иметь счастье читать на картах «Сакартвелос» вместо Грузии, «Айястан» вместо Армении, «Апсны» вместо Абхазии и т. п. Никакого шовинизма здесь нет и в помине, есть просто *топонимика русского языка*, которую почему-то начали править по своему усмотрению власти суверенных национальных образований. Никто не оспаривает права каждого народа именовать себя и свою страну так, как ему хочется, но заставлять, чтобы точно так же его именовали все дальние и близкие соседи — это нелогично. Ведь не требует, допустим, парламент России, чтобы на всех языках мира название *Россия* произносилось одинаково. А нам предлагают употреблять невозможные с точки зрения русской фонетики топонимы типа *Кыргызстан* (два «ы», три согласных подряд!). Пусть не обижаются жители *Киргизии, Башкирии, Молдавии* и других республик — именно так, а не иначе, ваши земли назывались по-русски. Эти названия прочно вошли в русский язык, в географические карты и справочники, в научную и художественную литературу. Все равно старые, привычные наименования останутся в живой русской речи, а новообразования могут прижиться разве только на газетных полосах.

А. А. Сигарев,
Петропавловск-Камчатский

Кирилл Горбачевич. РУССКИЙ ЯЗЫК. ПРОШЛОЕ. НАСТОЯЩЕЕ. БУДУЩЕЕ.

Книга Кирилла Сергеевича Горбачевича «Русский язык. Прошлое. Настоящее. Будущее», выпущенная издательством «Русский язык» в 1990 году, не могла пройти незаметной. Ее автор — один из авторитетных ученых, специалист в области русистики. И хотя книга имеет конкретный адрес — она предназначена для иностранцев, интересующихся русским языком, это отнюдь не означает, что она не может быть полезной для наших соотечественников.

С первых же страниц мы с вами отправляемся в увлекательнейшее путешествие по этапам исторического бытования русского языка: «от древнего княжества Владимирова до наших дней». На этом пути нас с вами ожидает множество открытий, смелых оценок, предположений, загадок и гипотез — неизменных атрибутов творческой лаборатории ученого. Представится возможность убедиться в правильности слов К. Д. Ушинского о том, что «язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое историческое живое целое...»

Для К. С. Горбачевича книга эта является итогом многолетней преподавательской практики, исследовательской работы, популяризации литературной нормы. В ее основу легли материалы уже известных специалистам книг, таких, как «Изменение норм русского литературного языка» (Ленинград, 1971), «Вариантность слова и языковая норма» (Ленинград, 1978) и других, но получившие иное преломление в соответствии со специфическими задачами новой книги — «рассказать об основных этапах развития русского языка, о нерасторжимой связи времен и поколений, о некоторых причинах изменения языка и путях его развития».

Коротко познакомимся с содержанием каждой из трех глав книги. Первая глава — «Так говорили наши предки» — охватывает период истории и языка от древней Руси до наших дней. Знали ли грамоту во времена Святослава Игоревича? Смогли бы понять друг друга без переводчика древний русич и наш современник? Что означали выражения «перемывать косточки», «на зде написано тако», «кунить село земли» и другие? Автор раскрывает внутренние и внешние причины, воздействующие на структуру языка, способствующие его эволюции. Одновременно мы знакомимся с нравами и обычаями людей в древней Руси. Например, фразеологическое выражение «очертя голову» напоминает «о суеверном обычае, который заключался в том, что человек, желая уберечься от нечистой силы, обводил себя кругом».

Книга составлена по типу учебника: каждый параграф сопровождается словарем и комментарием, которые должны помочь лучшему пониманию текста.

Вторая глава книги названа «Язык наших дней». В ней рассматриваются важные вопросы, с которыми мы сталкиваемся сегодня. В частности, К. С. Горбачевич подробно рассказывает здесь о «недугах» русского языка — злоупотреблении иноязычной лекси-

кой, стремлении говорить «красиво», когда в погоне за наукообразностью изложения, за ложно понимаемой красотой стиля рождаются ненормативные и даже нелепые употребления и сочетания слов. Автор говорит здесь и о жаргонной лексике. «Как правильно, жаргонные слова и выражения преходящи и недолговечны», — пишет автор.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет третья глава — «Взгляд в будущее». «Основное отличие языка будущего от его прошлого будет, очевидно, заключаться в сознательном управлении языком». Подобная мысль не раз оспаривалась и в прошлом и в настоящем многими известными учеными. Возможность «сознательного управления языком» категорически отрицалась академиком А. А. Шахматовым. Точку зрения последнего склонен был разделять Фердинанд де Соссюр. «Проблема языкового будущего», проблема предвидения и тем более сознательного планирования развития языка не пользуется...популярностью, и чаще всего рассматривается как ненаучная», — писал в 1967 году А. А. Леонтьев (Будущее языка как проблема культуры речи // Вопросы культуры речи, 1967. Выпуск 8-й. С. 7). Такой взгляд оспаривали Г. О. Винокур, П. Я. Черных и другие ученые.

К. С. Горбачевич не раз поднимал эту проблему в своих работах. И вот в новой книге — квинтэссенция его точки зрения по этому вопросу: «В грядущем столетии сознательное управление языком примет, по-видимому, повсеместный, всеохватывающий характер... Язык грядущих поколений будет, полагаю, рациональным и экономичным. Отомрет постепенно все, что не способствует осуществлению быстрого обмена информацией и не несет особой стилистической функции... Все более тесная связь человека и думающей машины, создание машинных языков, близких к естественным, несомненно окажут обратное воздействие на человеческий язык. Результатом этого явится, вероятно, логически-рациональная языковая символика. Могут возразить и сказать, что такой логизированный (засушенный) язык не очень-то будет удобен для стихов и любовных посланий. Возможно, это так. Возможно, в будущем возникнут два типа языка: один — в сфере науки, производства, для общения с разумными машинами, другой — в домашнем быту, для выражения человеческих эмоций...»

Быть культурным человеком — значит, прежде всего быть энтузиастом своего языка, культивировать свою речь, находить наслаждение в «сладоности словесной». Новая книга К. С. Горбачевича призвана «оживить интерес к русскому языку», и она успешно справляется с этой задачей.

А. С. Подчасов ©

Проблемы языковых контактов

С 12 по 14 марта этого года в Ленинграде проходила Всесоюзная научно-практическая конференция «Русский язык и языки народов Крайнего Севера. Проблемы описания контактных явлений», организованная Институтом русского языка АН СССР, Ленинградским Отделением Института языкознания АН СССР и факультетом народов Севера Российского государственного педагогического Университета имени Л. И. Герцена.

Лингвистические исследования в области языковых контактов приобретают сегодня все большую значимость. Все отчетливее вырисовываются контуры новой области языкознания – лингвистической контактологии, которая ставит перед собой задачи комплексного изучения взаимодействия языков с учетом исторического, социального и этнокультурного развития народов.

В конференции приняли участие ученые-языковеды ведущих вузов и академических институтов из 16 городов страны, а также представители Госкомитета СССР по народному образованию, Института мировой литературы АН СССР, Литературного института имени А. М. Горького и зарубежные лингвисты из Гамбурга, Хельсинки, Киото.

Обсуждался широкий круг проблем, среди которых – описание языков народов Севера в аспекте их контактов с русским и другими языками; выявление результатов контактирования; проблемы взаимодействия языков в трудах отечественных и зарубежных лингвистов; перспективы сбережения и развития языков малочисленных народов СССР.

Проблемы, затронутые на конференции, были объединены практической идеей – созданием контактологического словаря «Национально-русские языковые связи», в котором все языки, функционирующие в нашей стране, предполагается описать в аспекте контактов с русским как языком межнационального общения. Работа над таким словарем уже начата в Институте русского языка АН СССР; к ней привлечено более ста ученых – специалистов по различным языкам народов нашей страны.

Острую дискуссию на конференции вызвал доклад доктора филологических наук из Москвы А. Е. Кибрика, в котором говорилось о факторах, отрицательно влияющих на жизнеспособность языков малочисленных народов. Проблема действительно острой

шая. Сейчас в северных регионах страны жители коренных национальностей говорят более чем на 20 языках (саамском, ненецком, мансийском, эскимосском, юкагирском, кетском и др.), но исчезают народы — исчезают языки, каждый из которых — уникальное явление мировой культуры. Факты неутешительны. Так, по переписи 1979 года, туруханских кетов насчитывалось 1122 человека, а через десять лет их осталось уже менее тысячи. Нганасан осталось немногим более 600 человек. Эта печальная тенденция затронула практически все малочисленные народы нашей страны.

Едва ли не все докладчики отмечали, что настало время изменить отношение к этим языкам, предоставить реальные возможности для их развития. Это веление времени! Кроме советских ученых, об этих и других взаимосвязанных с ними проблемах говорили профессор Феенкер из Германии, Салминен и Янхунен из Финляндии.

Яркими выступлениями на конференции заявили о себе представители нового поколения северников, специалистов-практиков, оказывающих непосредственную помощь малочисленным народам в создании письменности, в сохранении и развитии языков.

На конференции была принята резолюция, в которой признается целесообразным «создание при лингвистических академических институтах и кафедрах вузов различных контактологических центров, лабораторий, научных ассоциаций, проблемных групп»; участники конференции считают «необходимым обновить лингвометодическую базу изучения родных языков в школе»; «принципиально важным: разработку новой современной концепции национальной школы; актуальным — разработку письменности для бесписьменных языков, создание учебников и учебных пособий, а также учебных словарей на новой методической базе».

Эти рекомендации были поддержаны Госкомитетом СССР по народному образованию.

В. А. Кожевников ©

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Если вы не удовлетворены содержанием и результатами преподавания русского языка по стабильным учебникам «Русский язык» (5–8 классы), если вам приходится обучать детей только правилам правописания, если вы считаете, что ваши ученики могут и должны развивать свои мыслительные и творческие способности, **МЫ МОЖЕМ ПОМОЧЬ ВАМ.**

Ассоциация «Гуманитарное знание» (МГУ им. Ломоносова) предлагает учебное пособие «Русский язык» (под ред. М. В. Панова) в четырех книгах для 5–8 классов массовой школы, а также школ с углубленным изучением русского языка и литературы. Книга написана коллективом ученых Института русского языка АН СССР под руководством М. В. Панова при участии учителей-практиков.

НАШЕ ПОСОБИЕ направлено на сообщение учащимся знаний о родном языке, необходимых каждому члену современного общества, на развитие грамотной речи, на выработку орфографической и пунктуационной грамотности.

ОСОБЕННОСТЬ НАШЕГО ПОСОБИЯ – впервые школьный курс построен так, что за разрозненными речевыми фактами и явлениями просматриваются языковые закономерности. Постигая их, дети приучаются к пониманию того, что их родной язык – это богатство, позволяющее приобщиться к культуре.

СТОИМОСТЬ КНИГИ. Из-за коммерческих цен на бумагу ориентировочная цена одной книги 12–15 руб.

ДЕЛАЙТЕ ВАШ ВЫБОР и вы будете иметь первую книгу пособия к 1 сентября 1992 года!

КНИГУ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ как за наличные, так и по безналичному расчету. Предварительные заявки с подписью ответственного лица и печатью, с указанием количества экземпляров (но не менее 25) направляйте по адресу:

МОСКВА, 111672 А/Я № 177. В заявке укажите точный почтовый адрес и телефон.

ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ ИНФОРМАЦИЮ о формах оплаты вы получите письменно или по телефону сразу после выхода книги.

ЗАЯВКИ ПРИНИМАЮТСЯ ДО 1 ЯНВАРЯ 1992 г.

Номер оформили художники: *Н. Белонов, В. Леонов, М. Мордвинова, Е. Чукалова* ©

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. П. ВОМПЕРСКИЙ (главный редактор), **Л. К. ГРАУДИНА**,
В. П. ГРЕБЕНЮК, **В. П. ГРИГОРЬЕВ**, **А. Ф. ЖУРАВЛЕВ**,
Ю. Н. КАРАУЛОВ, **Л. М. ЛЕОНОВ**, **Л. Ю. МАКСИМОВ**,
И. Г. МИЛОСЛАВСКИЙ, **Л. А. НОВИКОВ** (зам. главного редактора),
Н. А. РЕВЕНСКАЯ (зам. главного редактора),
Н. И. ТОЛСТОЙ, **В. Ю. ТРОИЦКИЙ**, **А. П. ЧУДАКОВ**,
Е. Н. ШИРЯЕВ, **Д. Н. ШМЕЛЕВ**

Заведующая редакцией

Т. С. Колмакова

Художественный редактор

В. А. Леонов

Корректоры

В. В. Беляев, Э. А. Георгадзе

Сдано в набор 18.06.91

Подписано к печати 23.07.91

Формат бумаги 84×108/32

Бумага газетная

Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4.

Усл. кр.-отт. 251,5 тыс.

Уч.-изд. л. 9,5. Бум. л. 2,5.

Тираж 29210

Заказ 1602 Цена 75 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25.

2-я типография издательства «Наука»,
 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6
